

Т (1951 К) РР (КФ)
710 Р 98

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

БЫЛИНЫ

П. И. РЯБИНИНА-АНДРЕЕВА

Подготовка текстов к печати,
статья и примечания *В. Базанова*

Под редакцией *А. М. Астаховой*



Петр Иванович Рябинин — Андреев.

ОТ РЕДАКТОРА

Былины Петра Ивановича Рябинина-Андреева представляют исключительный интерес и значение. П. И. Рябинин-Андреев — последний, по прямой линии в четвертом поколении, эпической традиции одного из самых замечательных сказителей 60-80-х годов, классика былинного сказительства Трофима Григорьевича Рябинина. В записях зафиксированы (хотя далеко и не полностью) и оба промежуточных звена, соединяющих современного сказителя с его знаменитым прадедом, — былины Ивана Трофимовича Рябинина и Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева, деда и отца нашего сказителя (былины последнего еще не опубликованы). Таким образом, получается возможность проследить непрерывную линию преемственного сказительства, исследовать самую длительную из известных нам эпических традиций, охватывающую более столетия, так как источники мастерства Т. Г. Рябинина уходят еще в XVIII век.

Это позволяет поставить на материале записей от четырех Рябинных ряд важнейших принципиальных вопросов в области изучения русского эпоса. Значение данного факта еще усиливается тем, что с Петром Ивановичем, как можно предполагать, не оборвется семейная эпическая традиция. В лице его двух малолетних сыновей намечаются будущие сказители — оба мальчика уже восприняли какую-то часть отцовского знания.

К тому же и сам П. И. Рябинин — молодой сказитель. Первый раз от него былины записаны были в 1926 г., когда ему было всего 21 год. С тех пор от него производились записи неоднократно. Наблюдения показывают непрерывный творческий рост сказителя. После 1926 г. он припоминает еще несколько когда-то усвоенных от отца былин, учится исполнению былин у старших мастеров

у Н. С. Богдановой). Все это представляет для исследователей эпоса огромный интерес.

Но особо значительным является то обстоятельство, что П. И. Рябинин одновременно и носитель крепкой эпической традиции и создатель нового, современного героического эпоса. Рябинин был один из первых исполнителей старинного эпоса, который стал слагать новые, советские былины о народных вождях и героях гражданской войны, пользуясь поэтическими средствами традиционного народного творчества.

Рябинин принадлежит к числу тех сказителей, в новом творчестве которых особенно крепко новое связывается с традиционным. Героика современности облекается у таких сказителей в привычные образы богатырских былин, сюжет разворачивается в рамках канонической былинной композиции. Это, с одной стороны, характеризует творческие тенденции самих сказителей, с другой — является показателем для первого этапа рождения социалистического эпоса, когда только сказители, наделенные особым даром свободного творческого претворения старого эпического мастерства, как Марфа Крюкова, создают на основе этого старого подлинные „новины“ — новый эпический жанр, уже в полной мере способный отразить нашу замечательную эпоху.

Петр Иванович Рябинин из всех наиболее чувствует себя связанным традицией. В его новых созданиях сильны еще элементы стилизаторства. В художественном отношении поэтому в них наравне с несомненными творческими достижениями есть немало и творческих неудач.

Но это не лишает их большого значения, как первых опытов в деле создания нового эпоса, в котором отражены мысли и чувства советского народа, его понимание великих исторических событий, его любовь к своим вождям и героям, ненависть к врагам новой жизни.

И в этой области — в деле создания нового эпоса — Рябинин не останавливается на достигнутом. Он задумывает новые произведения, разрабатывает новые темы. Он работает над отделкой созданных вещей.

Большое значение имеет то, что Рябинин привлекает местный материал. Такова его былина об Антикаймене, таков сказ о Кийском восстании, над которым он работает в настоящий момент.

Огромный интерес представляет и тот факт, что бытование произведений Рябинина не замыкается исполнением самого сказителя. Две из его былин — о Чапаеве и о Ворошилове — усвоены одним из лучших современных скази-

телей Пудожья Фофановым. По сообщению К. Чистова, специально работающего по изучению творчества этого сказителя, воспринятые былины уже подверглись изменению. Под сильным воздействием рябининской былины сложена былина о Чапаеве талантливым сказителем-карем Т. Е. Туруевым. Все это свидетельствует о начале настоящей фольклорной жизни советских былин Рябинина.

Данный сборник является первым полным изданием всех былин Рябинина, которыми он владеет в настоящее время, причем тексты взяты в их последних редакциях. Из богатырских былин до сих пор напечатаны лишь две („Королевицы из Крякова“ и „Первый бой Добрыни со змеем“), из советских опубликованы были три. Собранные в одну книгу старинные былины и новые, возникшие на их поэтической основе, представят, несомненно, большой интерес как для широкого читателя, так и для ученого исследователя.

Издание не преследует строгих исследовательских задач. Поэтому в статью и комментарий элементы сравнительного анализа введены лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы наметить и выделить самые основные характерные черты П. И. Рябинина, как сказителя. Вместе с тем, статья знакомит читателя и с предками П. И. Рябинина, отмечая наиболее значительные факты их биографии и творчества.

П. И. РЯБИНИН-АНДРЕЕВ И ЕГО ПРЕДКИ

Лес, вода, камень... В этом строгом сочетании есть что-то своеобразное, характерное для Карелии. Величественная и суровая природа Заонежья имеет свои особенности: скупость красок и замкнутость линий пейзажа, в то же самое время богатство оттенков и специфически северных деталей, бесконечное количество гармонических соединений воды и неба, камня и леса. Природу Заонежья прекрасно изображал в одном из своих лирических стихотворений Ф. Н. Глинка:

Брега пустынные темнеются как коймы,
Онега зеркалом лежит;
И паруса сложили соймы...
Ничто не движется, безлюдный берег спит,
И волны тихие смешались с небесами.
Чуть слышен гул грозы — и молния горит
Над повенецкими лесами...
Торчат как призраки огромные скалы,
Природы древние обломки...
Зачем уснули вы, кипящие валы!
Где ты, порывный ветер? — где вихри в свистах
звонких?

(Стихотв. „Вздох“, 1829 г.)

Там, на берегу Большой губы Онежского озера, в нескольких километрах от Киж, где стоит двадцатидвуглавый храм, гениальное создание безыменного зодчего, находится деревня Гарницы, родина знаменитых сказителей Рябининых. Там же, на полуострове, недалеко от деревни, омывтой с трех сторон водой, стоит одинокая сосна, которой, по словам стариков, насчитывается свыше ста пятидесяти лет. Эта сосна, ровесница Трофима Григорьевича Рябина, овеяна ветром и омыта дождями; она, как памятник, хранит воспоминания о далекой старине, о тех вре-



Трофим Григорьевич Рябинин.

менах, когда под этой самой сосной старики-рыбаки частенько певали былины о славных русских богатырях и их победах над врагами.

С давних времен гарницкие крестьяне-рыбаки на больших лодках, на парусных судах выезжали в Онежское озеро, плавали далеко на север и ловили рыбу. Среди рыбаков были зажиточные, богатые крестьяне, которые имели хорошие суда и рыболовные снасти; они добывали много рыбы и продавали ее кушам с большим барыном. Но были и бедные, лыком подпоясанные крестьяне-рыбаки, которые ходили по дворам и за гроши нанимались в батраки.

Своеобразно протекало детство и отрочество крестьянских ребят, особенно спрот, оставшихся на воспитании „православного мира“. У них была своя жизнь: суровая и опасная, требующая большой отваги, и находчивости. Рыбный промысел, которым они занимались с раннего детства, способствовал развитию провицательности, решительности и неустрашимости. Бедность и нищета уживались с любознательностью и природной одаренностью. Из этой-то среды и вышел тот знаменитый сказитель, о котором мы упоминали выше.

1.

Трофим Григорьевич Рябинин родился в д. Гарницы в конце XVIII века, умер девяносточетырехлетним стариком в 1885 году. Отец его был убит на войне со шведами, когда будущему сказителю было около пятнадцати лет. Через год после ухода отца на войну умерла и мать. Оставшись круглым сиротой, Трофим Рябинин ходил по окрестным деревням, чинил сети, ловушки и прочие снасти для рыболовства, ездил ловить рыбу, причем подолгу работал с крестьянином-бедняком Ильей Елустафьевым с Волжострова, который и был главным наставником талантливому подростку, познакомившим своего слушателя с богатейшим миром народного эпоса. Илья Елустафьев, умерший в 30-х годах прошлого века, был крупнейшим знатоком былии. „Был он, — замечает П. Н. Рыбников, — первый сказитель в целом Заонежье и во всей Олонецкой губернии. Знал он несметное множество былии и мог цеть про разных богатырей целые дни. Заонежане любили слушать его и даже платили ему за сказыванье. Соберется бывало сходка, — мужики и говорят: „А ну, Илья Елустафьевич! Спой-ко нам былину“. А он на место ответит: — Положи-тко полтину, я и спою былину. — Тут кто-нибудь из богатых выложит ему полтину, и станет Илья

Елустафьевич сказывать".¹⁾ Много былили Трофим Григорьевич перенял от дяди Игнатия Андреева, который, подобно Илье Елустафьеву, был одним из лучших певцов Заонежья. Пополнял свой репертуар и от других сказителей: Завьялова, Кокойкина, Сарафанова.

Заонежье выдвинуло прекрасную плеяду народных сказителей: родина Рябинных стала очагом былинного эпоса. С тех пор, как П. Н. Рыбников, сосланный из Москвы в Петрозаводск, познакомился с певцами былины и издал собранные им „Песни“ (первый том „Песен“, собранных П. Н. Рыбниковым, вышел в 1861 г.), Онежский край все чаще и чаще стал привлекать внимание фольклористов, и олонецкие рапсоды стали объектом специального изучения. П. Н. Рыбников записал свыше 200 былин, не считая большого количества других видов фольклора. По следам Рыбникова пошел А. Ф. Гильфердинг. Он записал в этом крае от 70 сказителей 318 былин, которые в 1873 г. вышли отдельной книгой под названием „Онежские былины“. С тех пор Карелия заслуженно стала считаться родником народной эпической поэзии и торжественно была провозглашена „Исландией русского эпоса“.

Рыбников Т. Г. Рябинина встретил тогда, когда певцу былины было свыше шестидесяти лет. Гильфердинг определил его возраст в 1871 году в 78 лет.

„Через порог избы, — рассказывает П. Н. Рыбников о своей встрече с Т. Г. Рябининым, — переступил старик среднего роста, крепкого сложения, с небольшою седеющею бородой и желтыми волосами. В его суровом взгляде, осанке, поклоне, поступи, во всей его наружности с первого взгляда были заметны спокойная сила и сдержанность“. ²⁾

Трофим Григорьевич действительно был человеком „спокойной силы“ и с большим чувством собственного достоинства. Он умел постоять за себя, за свою честь. Однажды чиновник просил у него взятку, но Рябинин отказал ему, и когда, проезжая в следующий раз мимо деревни, этот чиновник набросился на него с угрозами, то Трофим Григорьевич отстранил его руки прочь от себя и заметил суровым голосом:

— Ты, ваше благородие, это оставь: я по этим делам никому еще должен не оставался.

¹⁾ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2-е, М., 1909 г., т. I-й, стр. LXXVI

²⁾ Там же, стр. LXXVII.

Народ высоко ценил Т. Г. Рябинина за знание былевой поэзии, уважал его талант. Былины с удовольствием слушали крестьяне-рыбаки, специально съезжавшиеся во время отдыха к тому судну, где находился сказитель. „Если бы ты к нам пошел, Трофим Григорьевич, — говаривали рыбаки, — мы бы на тебя работали: лишь бы ты нам сказывал, а мы тебя все бы слушали“.

Т. Г. Рябинин, наряду с Марней Дмитриевной Криволеновой и Аграфеной Матвеевной Крюковой, является крупнейшим сказителем-классиком, настоящим народным талантом. Зимой 1871 года, по инициативе Гильфердинга, Т. Г. Рябинин был приглашен в Петербург, где он выступил с певчим былин в ученых обществах и произвел своими „старинами“ огромное впечатление. Он был награжден серебряной медалью для ношения на груди.

В отношении богатства былинного материала и по мастерству исполнения былин Т. Г. Рябинин представляет явление выдающееся и оригинальное. Репертуар этого сказителя обнимал собой свыше шести тысяч стихов. Судя только по записям П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, Трофим Григорьевич знал 26 былин и их отрывков:

1. Самсон-богатырь (вариант о Святогоре).
2. Святгор.
3. Вольга и Микула.
4. Илья Муромец и Соловей разбойник.
5. Илья Муромец и его дочь.
6. Илья Муромец и Идолище.
7. Илья, Ермак и Калин-царь.
8. Добрыня и Василий Казимиров.
9. Дунай.
10. Иван Годинович.
11. Михайла Потык.
12. Сорок калик.
13. Ставр Годинович.
14. Хотен Блудович.
15. Дюк Степанович.
16. Василий Буслаев.
17. Садко.
18. Иван Грозный и сын.
19. Скопин.
20. Королевичи из Крякова.
21. Горе. ¹⁾
22. Илья Муромец и Калин-царь.

¹⁾ Былины записаны П. Н. Рыбниковым. Далее указываются сюжеты, которые, дополнительно к Рыбникову, записал Гильфердинг.

23. Илья Муромец в ссоре с Владимиром.
24. Добрыня и Маринка.
25. Добрыня и змей.
26. Молодец и худая жена.

Т. Г. Рябинин пел былинны не спеша, твердо и уверенно, полностью сохраняя мерный напев и эпический склад. Рыбников так охарактеризовал манеру Рябинина: „Напев былинны (речь идет о былинне про Хотена Блудовича. — В. Б.) довольно однообразен, голос у Рябинина, по милости шести с половиной десятков лет, не очень звонок, но удивительное умение сказывать придавало особое значение каждому стиху. Не раз приводилось бросить перо, и я жадно вдушивался в течение рассказа, затем просил Рябинина повторить пропущенное и нехотя принимался пополнять свои пропуски. И где Рябинин научился такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение!..“¹⁾

Сказитель пел о героической борьбе русского народа с кочевниками и татарами, о могучих богатырях, защитниках родины Илье Муромце и Добрыне Никитиче, о славном богатыре-нахаре Микуле Селянновиче.

Замечательная былинна о Вольге и Микуле, как и многие другие, донесена правнуками до наших дней.

Современный сказитель П. И. Рябинин-Андреев с большим мастерством исполняет былинну про Вольгу и Микулу; от него эту былинну частями уже переняли его дети Вася и Володя.

Былинна о чудесном нахаре действительно является прекрасным художественным памятником фольклора, свидетельствующим, что „старинны, старинки, старинны“, как часто былинны называют в исполнительской среде, созданы самим народом, что они отражают героический характер русского народа, что истоки фольклора находятся в трудовой деятельности людей, и „начало искусства — в фольклоре“ (М. Горький).

А орет в поли ратой, понукивайт,
 А у ратоя-то сонка поскрипывайт,
 Да по каменкам оменники проциркивают.
 Ехал Вольга он до ратоя,
 День с утра ехал до вечера,
 Да не мог ратоя в поле наехати.
 А орет-то в поли ратой, понукивайт,

1) Песни, собранные П. И. Рыбниковым, М., 1909 г., т. I-й, стр. LXXVI.

А у ратоя сошка поскрипывает,
 Да по камешкам омечники прочиркивают.
 Ехал Вольга еще другой день,
 Другой день с утра до победы,
 Со своей со дружиннушкой хороброю.
 Еи наехал в чистом поле ратоя,
 А орт в поле ратой, понукивает,
 С края в край бороздки поместывает,
 В край он уедет — другого не видать.
 То коренья, каменья вывертывает
 Да великия он каменья вси в борозду валит.¹⁾

Вольга и Микула обмениваются приветствиями. Потом Вольга обращается к пахарю с предложением принять участие в полюдке в пожалованные города. Получив согласие, они отправляются вместе с дружиной в путь, но в пути Микула вспоминает, что забыл выдернуть сошку из земли и бросить ее за ракитов куст. Вольга отправляет „двух да трех“ дружинников в обратном направлении, чтобы выдернуть сошку и бросить ее за ракитов куст, потом десять дружинников и, наконец, всю дружиннушку. Но соха чудесного пахаря так тяжела, что вся дружина Вольги не в состоянии ее поднять:

тая дружиннушка хоробрая,
 Трицать молодцов да без единого,
 А подехали ко сошке кленовенькой,
 Брати сошку за обжи, кружком вертят, —
 Сошки от земельки поднять нельзя,
 Не могут они сошки с земельки новыдернути,
 Из омешиков земельку новытряхнути,
 Бросити сошки за ракитов куст.

Отправляется Микула одна сошкой кленовенькой к сошке кленовенькой и поднимает ее одной рукой:

Брат эту сошку одной ручкой,
 Сошку с земельки новыдернул,
 Из омешиков земельку новытряхнул,
 Бросил сошку за ракитов куст.²⁾

Высокохудожественное описание чудесного пахаря-богатыря Микулы, исключительно яркая картина крестьянского труда на каменном поле, изображение кобылки оратая, сошки и гужиков передают былинное особое худо-

¹⁾ А. Б. Шифердинг, Онежские былины, М., изд. Академии Наук СССР, 1933 г., т. II, стр. 7—8.

²⁾ Там же, с. р. 10.

жественно-познавательное значение и ставят ее на уровень первоклассных художественных произведений. Не случайно А. М. Горький поставил в один ряд образ оратая Микулы с величайшими героями всемирной литературы. „И более глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев, — говорил Горький, — созданы фольклором, устным творчеством трудового народа. Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор, далее — доктор Фауст, Васильса Премудрая, прощеский удачник Иван-дурак и, наконец, Петрушка, побеждающий доктора, пона, полицейского, черта и даже смерть, — все это образы, в создании которых гармонически сочетались рационально и интуитивно, мысль и чувство. Такое сочетание возможно лишь при непосредственном участии создателя в творческой работе действительности, в борьбе за обновление жизни“.¹⁾

Т. Г. Рябинин не был только выдающимся мастером-исполнителем. Прочно усвоив эпическое наследие многих своих учителей, он, повидимому, был создателем новых редакций былин. Об этом свидетельствуют былины о Добрыне и Алеше (в контаминации с былинной о Василии Казимировиче), Илье Муромце и Калине и др., отличающиеся от вариантов других сказителей, обучавшихся искусству сказывания у Ильи Елустафьева. О том же говорит и тот факт, что записи Гильфердинга не всегда совпадают с записями Рябинкова, что Трофиму Григорьевичу принадлежат несколько редакций одной и той же былины (См. „Онежские былины“ Гильфердинга, изд. Академии Наук СССР, 1938 г., т. II-й, стр. 657-663 и 685-687.)

2.

На протяжении двух с лишком столетий прекрасная рябининская былинная традиция передается от отца к сыну, от деда к внуку, из поколения в поколение. Искусство сказывания былин от Трофима Григорьевича унаследовал его младший сын Иван Трофимович Рябинин, — столь же значительный мастер сказа.

Иван Трофимович Рябинин родился в 10-х годах прошлого века в дер. Середка, Кижской волости, Петрозаводского уезда, затем, уже в совершеннолетнем возрасте (ему было тогда около 20 лет), он переехал в дер. Гарницы, где, после смерти первой жены, женился на вдове Герасима Яковлевича Андреева и поселился в семье Андреевых. В 1893 году Иван Трофимович ездил в Петербург,

¹⁾ М. Горький, Литературно-критические статьи, изд. „Художественная Литература“, М., 1937 г., стр. 638.

а в 1894 г. в Москву. В 1902 г. он снова побывал в Петербурге и Москве, а также посетил Киев и Одессу. Выступления сказителя в ученых обществах и учебных заведениях, в аудиториях Политехнического и Исторического музеев имели огромный успех. В Москве он был награжден медалью с надписью „лучшему сказителю нашего времени“.

В связи с выступлением Рябинина в январе 1894 г., академик Вс. Миллер на одном из академических заседаний произнес публичную речь, в которой приветствовал Олонецкого сказителя:

Из занесенной снегом своей деревеньки Гарницы, Кижской волости, Петрозаводского уезда, он, — говорил Вс. Миллер об И. Т. Рябине, — явился как живое предание глубокой старины, как один из последних хранителей эпической традиции. Не из хрестоматий, не из печатных сборников, как все мы, знает он свои былины; да этим путем, как неграмотный, не мог бы он и получить их. Он прислушивался к ним в молодости, когда их пел его отец, и они, вместе с напевом, отложились в памяти его отца. Только в его пении былина перестает для нас быть каким-то навеки закрепленным печатью произведением, как всякое другое литературное произведение: она чувствуется как словесное, живое, развивающееся в частности, тесно слитое с напевом и метрически складное. Никакое детальное научное изучение не может воспроизвести в нашем воображении того впечатления живой старины, которое мы получили от безыскусственного пения олонцкого крестьянина¹⁾

Слава о знаменитом сказителе облетела всю Россию и многие другие страны — И. Т. Рябинин выступал в Болгарии, Сербии, Австро-Венгрии. Поездка олонцкого рапсода за границу в 1902 г. вызвала широкий отклик в печати и способствовала усилению интереса к русской эпической поэзии. Учительница Белградский гимназии, Глушевич, присутствовавшая при исполнении былины Рябинина, писала в одном из своих писем, что слушатели „запомнили мелодию русских былин и стараются воспроизвести ее. Одна ученица, Милева Георгиевич, выучила наизусть несколько былин, которые поет недурно, в чем ей помог учитель пения, успевший записать мелодию былин, петых

¹⁾ Всеволод Миллер, Очерки русской народной словесности, М., 1897 г., т. I-й, стр. 2.

Рябининым в нашей школе. Молодой девический голос делает русскую былинку приятно для слуха".¹⁾

Аудитория, в которых выступал певец былин, были всегда переполнены: в Филиппополе, например, в зале мужской гимназии было около 100 слушателей, в зале славянского клуба в Софии около 800 и т. д. В Белграде сказитель получил золотую медаль для ношения на груди. В Вене он выступил в Университете и в кружке любителей русского языка. Выступления оного сказителя за границей знакомили слушателей с русским эпосом и в то же самое время способствовали усилению интереса к национальной эпической поэзии.

В Белградской королевской академии, одновременно с пением русских былин русским сказителем, и л сербские былины Жуньич под аккомпанемент сербских однострунных гуслей. В зале Белградской гимназии после пения Рябиниана выступала ученица 2-го класса учительской семинарии Даринка Иванович с пением былины „Смерть матери Гоговичей“, а директор гимназии Панич пропел былинку „Марко Кралевич и Вила“.²⁾

Рассказывают, между прочим, что на обратном пути в Россию, по дороге из Варшавы в Петербург, в вагон для некурящих“ сел какой-то пассажир и з курил напиросу. Тогда И. Т. Рябини, как старообрядец, не выносивший табачного дыма, строго заявил „Здесь не курительный вагон. Прошу не курить“. Потом вынул из бокового кармана золотую медаль и надел ее на грудь. Пассажир перестал курить, а крестьянин привлек всеобщее внимание. Оказалось, что это и есть знаменитый сказитель Рябини, возвращавшийся к себе на родину после заграничной поездки.

И. Т. Рябини, несмотря на успех выступлений в Петербурге, Москве и за границей, скучал по родине, тяжело переносил длительное путешествие. Ему хотелось поскорее вернуться в родную деревню, на берег Онежского озера, к обычной крестьянской обстановке.

„Ладно ли в семье-то, и не случилось ли чего, сохрани бог, со скотиной“, — думал он про себя.

Отрицательно влияли на самочувствие сказителя любители легкой наживы, бесчестные антрепренеры. Они с раннего утра до поздней ночи осаждали Ивана Трофимовича, соблазняли его большим заработком, надоедливо предлагали разные коммерческие сделки, а фактически

1) П. Виноградов. Сказитель Рябини, моя с ним поездка, Томск, 1906 г., стр. 10.

2) Олонецкие губ. ведомости, 1905 г., № 98.

стремились превратить талантливое сказителя в статью собственного дохода.

— А уеду я домой от вас, — больно соскучил уже, во соберусь и уеду. Прах их поberi — деньги... — внезапно решил Иван Трофимович.

— Что ты, что ты, Иван Трофимович, сам себе враг, что ли... От своего счастья бежишь... Да, если хочешь, так я помогу тебе в одну неделю тысячу рублей нажить... Вот — даю тебе честное слово... Честное слово — слышишь... Мы заключим с тобой условие, договор такой, понимаешь.

— Эх, да человек я темный, неграмотный... — нерешительно заявляет Рябинин.

— Да и не пужна твоя грамотность. Ты только крест поставь на бумаге, крест — вот так, а остальное устрою я сам. Только чтоб одного меня слушаться, не иначе, — уговаривал антрепренер.

Любимый буржуазно-предпринимательский подход к фольклору привел к тому, что сказитель „стал чрезвычайно подозрительно относиться к факту записывания его былины учеными собирателями“. Он категорически заявил, что в Москве былинки диктовать не станет: „Будет, — что записал, то и довольен“.

— Приезжай уже в Петрозавоцко, — там напою тебе, сколько хочешь, — говорил Иван Трофимович Евг. Ляцкому.¹⁾

Дом, в котором жил И. Т. Рябинин в Гарницах, сохранился и по настоящий день. Сохранилось много предметов и вещей, принадлежащих сказителю и живо напоюющих о былом: шкаф, диван, кровать, стулья, орудия лова, кофейник и т. д. В мезонине этого дома висят портреты отца и сына Рябининых (на одном из портретов Иван Трофимович плетет сети, в углу стоит зеркало, подаренное в Мраморном дворце, сохранилась почетная грамота, выданная сказителю Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в 1894 г., на столе лежит паспорт, с которым Иван Трофимович ездил за границу, рядом стоит его бюст работы неизвестного скульптора.

Евг. Ляцкий, изучавший личность сказителя и его творчество, в таких чертах воспроизводит портрет И. Т. Рябинина:

„В свои пятьдесят лет Иван Трофимович выглядит гораздо моложе. В его русых волосах и бороде не просвечивает седина; серые глаза смотрят молодо, бодро и добродушно. Небольшого роста, одетый в поддевку старинного покроя, т. н. азыму, с тихой, вдумчивой речью

¹⁾ Этнографическое обозрение, 1894 г., кн. XXIII, стр. 123—124.

и неторопливыми движениями, он производит впечатление спокойного и рассудительного человека".¹⁾)

Собиратель отмечал „простоту души“ и „душевную“ уравновешенность Ивана Трофимовича, которые невольно вызывали симпатию и внимание к его невзрачной, худощавой фигуре.

Иван Трофимович бережно относился к наследию предков, стремился точно передать былинные сюжеты. Особенно не любил он, когда во время исполнения былин переспрашивали его или, еще того хуже, требовали пропуска того, или иного „непристойного стиха“.

— А я как могу не петь-то. Ништо из песни слово-то выкинешь. На то она и старина, что как старики певали, так и нам петь надо. Сам знаешь, не нами сложено, не нами и кончится.

А также не любил он исполнять былины не полностью, а частями: — А может лучше-то слова как раз к концу скажутся, — говорил он.

Иван Трофимович Рябинин прочно усвоил былинные тексты. Известно, что он исполнял следующие былины:

1. Вольга и Микула.
2. Илья Муромец Соловей разбойник.
3. Илья Муромец и его дочь.
4. Илья Муромец и Калин-царь.
5. Ссора Ильи с Владимиром.
6. Добрыня и Василий Казимиров.
7. Добрыня и змей.
8. Хотен Блудович.
9. Дюк Степанович.
10. Дунай.
11. Добрыня и Маринка.
12. Королевичи из Крякова.
13. Молодец и худая жена.
14. Иван Грозный и его сын.
15. Скопин-Шуйский.

В отличие от Трофима Григорьевича, над наследием которого с исключительным вниманием и с большим знанием эпической поэзии работали крупнейшие собиратели фольклора Рыбников и Гильфердинг, Иван Трофимович, как сказитель, остался мало изученным. Его часто приглашали для выступлений с пением былин, его слушали и у него учились, а что касается изучения его былин, то они даже, в большинстве своем, остались незаписанными. Ни П. Виноградов ни Евг. Ляцкий этим делом

¹⁾ Этнографическое обозрение, 1894 г., кн. XXIII, стр. 112—113.



Иван Трофимович Рябинин.

специально не занимались. Из всего репертуара И. Т. Рябинина было опубликовано всего 6 былин и исторических песен: Вольга и Микула, Добрыня и змей, Молодец и худая жена, Иван Грозный и его сын, Скопин-Шуйский опубликованы в „Этнографическом обозрении“ (1894 г., кн. XXIII) и Королевици из Крякова в сборнике „Песни русского народа“ Ф. Истомина и Г. Дютш (СПб, 1894 г.).

Сравнительное изучение былин И. Т. Рябинина и его отца наглядно убеждает в прочности семейной традиции, в устойчивости былинных сюжетов и основных моментов былинного стиля. Подобный сравнительный анализ произвела А. М. Астахова, придя к следующему выводу:

„Среди северных сказителей XIX-XX вв. мы можем различить три основные категории — по тому, как они воспринимали, а затем воссоздают былины.

Одна из них — это сказители, перенявшие тексты совершенно или почти точно и в таком же виде их передающие. Здесь сказывается, с одной стороны, общее хранителям эпической старины стремление петь так, как „старики певали“, с другой стороны — исключительная сила памяти, позволяющая удержать в сохранности не только композицию былины в общих ее очертаниях, но почти дословно усвоить и самое словесное оформление большинства эпизодов, а иногда и всей былины в целом.

Яркой фигурой сказителя этого типа является в прошлом сын знаменитого певца времен Рыбникова и Гильфердинга Трофима Григорьевича Рябинина — Иван Трофимович Рябинин. Из записанных от него былин две — „Вольга и Микула“ и „Королевици из Крякова“ — почти полностью повторяют тексты отца. Незначительные отклонения варианта первой из названных былин у сына от варианта Трофима Григорьевича в записи Гильфердинга заключаются лишь в не имеющей значения перестановке эпизодов (всего в нескольких случаях), а также в незначительных изменениях словесной фразировки“¹

От Ивана Трофимовича искусству сказывать былины научился его пасынок Иван Герасимович Рябинин-Андреев. Былины перенял он еще в молодости. В 900-е годы Иван Герасимович жил в Петербурге и работал на Обуховском заводе. Во время империалистической войны он был взят на фронт, где пробыл один год. Потом демобилизовался и вернулся в Гарницы. Умер в 1926 году.

¹) А. М. Астахова, Былинное творчество северных крестьян, „Былины Севера“, т. I, 1938 г., стр. 71.

В 1921 г. И. Г. Рябинин-Андреев вызывался Институтом живого слова в Ленинград. Здесь от него В. Н. Всеволодским-Генгроссом были записаны следующие былины:

1. Илья-Муромец и Калин-царь.
2. Ссора Ильи с князем Владимиром.
3. Илья Муромец и дочь.
4. Дунай.
5. Второй бой Добрыни со змеем.
6. Добрыня и Маринка.
7. Королевичи из Крякова.
8. Дюк Степанович.
9. Соломан и Василий Окулевич.¹⁾

По словам сына П. И. Рябинина, Иван Герасимович знал значительно больше былин (свыше 16). К сожалению былины И. Г. Рябинина-Андреева до сих пор не опубликованы. В былинной же традиции Рябининых-Андреевых они представляют чрезвычайно важное звено, соединяющее первое и второе поколение Рябининых с 4 и 5 поколением.²⁾ Этот пробел не может не отозваться в частности на изучении былин Петра Ивановича Рябинина-Андреева, основной репертуар которого воспринят от отца и только одна былина о Вольге и Микуле от деда Ивана Трофимовича Рябинина.

3.

Петр Иванович Рябинин-Андреев родился в 1905 году в дер. Гарницы, родине прославленных певцов русского былинного эпоса. Семья Рябининых-Андреевых была многолюдной, она состояла из пятнадцати человек. С тринадцати лет П. И. пас коров, ловил рыбу, охотился. Еще мальчиком он слышал от деда старинные былины о могучих русских богатырях. Мудрые сказания, в которых прославлялись сила и отвага народа, нравились ему. Он внимательно слушал деда, тогда уже всемирно известного сказителя, ловил любимый былинный напев, запоминал слова и образы. Особенно понравилась былина о чудесном пахаре-богатыре Микуле. Образ пахаря-богатыря и картина крестьянского труда были наиболее близким и понятным миром крестьянского мальчика. Интересно Петр Иванович рассказывает о том, как он в шестилетнем возрасте пропел первую былинку:

¹⁾ Находятся в Рукописном хранилище. Отдела фольклора народов СССР, Института Литературы, Акад. Наук СССР.

²⁾ Кроме П. И. Рябинина-Андреева, перенявшего от И. Г. Рябинина-Андреева 8 былин, дети П. И. (Вася и Володя) знают отрывками былинку про Вольгу и Микулу и почти полностью о Чапаеве.

— Мать была в гостях на родине в Леликове, а мы жили в д. Гарницы. Дедка и бабка велели мне раз спеть былину о Вольге и Микуле. Меня посадили в угол, дали крендель и копейку. Вот за этот крендель и копейку и шел первую былину, и это была моя первая награда.

Впервые перед большой аудиторией Петр Иванович выступил в Петрозаводске в 1927 году. После этого выступления он вместе с талантливой сказительницей Настасьей Степановной Богдановой-Зиновьевой был приглашен Государственной Академией Искусствознания и Институтом Истории Искусств в Ленинград и Москву, где они успешно выступали с пением былин.

Основным жанром в творчестве П. И. Рябинина-Андреева являются былины, перенятые им от деда (1), отца (7) и Н. С. Богдановой (2). Кроме того, он знает старинные исторические и свадебные песни и около 50 сказок, отличающихся богатством юмора.

Характерной особенностью всех сказок П. И. Рябинина-Андреева является динамичность сюжета: события развиваются быстро и внимание останавливается на главном, более важном. В отличие от известного сказителя М. М. Коргуева, мастера больших полотен, П. И. стремится к сказкам-миниатюрам, основанным на реально-бытовых фактах, часто на народном анекдоте. Особенно ему удаются антирелигиозные сказки о попах, сказки большой социальной заостренности.

Что касается былинного репертуара, то П. И. многим обязан своим предкам. В исполнении былин он следует манере Трофима Григорьевича, бережно храня эпический напев и монументальную форму былинного эпоса. Торжественно и величаво, следуя напеву своего деда, поет Петр Иванович про Вольгу и Микулу; спокойно и уверенно, на другой напев, тоже воспринятый от предков, поет он былины об Илье Муромце и Добрыне Никитиче. Лишь одну былину о красавце Чуриле поет он, отступая от напева своих учителей: голос певца резко меняется, теряет эпическую мерность и уверенность; былина поется на один из распространенных песенных мотивов.

П. И. Рябинин-Андреев относится к числу сравнительно молодых сказителей (ему в настоящее время 33 года), творческий рост которых зависит от одаренности и личного желания расширять свой репертуар, учиться и совершенствоваться. В 1926 году П. И. помнил всего 4 с половиной былины, а в 1932 г. он исполнял уже 9 былин. В настоящее время он знает 10 старинных былин:

1. Вольга и Микула (от деда).
2. Илья Муромец и Соловей-разбойник (от отца).
3. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром (от отца).
4. Первый бой Добрыни со змеем (тоже).
5. Добрыня в отъезде (тоже).
6. Королевици из Крякова (тоже).
7. Ставер Гоудинович и Василиса Никулична (тоже).
8. Чурила Щепленкович (от Н. С. Богдановой).
9. Худая жена — жена умная (от отца).
10. Как было у вдовки у распашеньки девять сыновей (от Н. С. Богдановой).

За последнее время П. И. отрывками вспоминает былины про Илью Муромца и Святогора, Дуная, Ивашку-вора поваренного и царя Соломана. Совсем недавно (в апреле 1939 г.) он перенял от М. М. Коргуева большую сказку „Три попа“. За последние пять лет он создал четыре новых былины, о которых мы будем говорить ниже.

Новышению интереса к былине и стремлению к увеличению своего репертуара несомненно способствовали фольклорные экспедиции, организованные в 1926 г. Государственной Академией Искусствознания, Гос. Институтом Истории Искусств, а в 1931-32 гг. Карельским Научно-Исследовательским Институтом совместно с Фольклорной секцией 6. Института по изучению народов СССР Академии Наук СССР.

Изменения в репертуаре современных сказителей свидетельствуют, что богатырские былины не только не отмирают, но и, как наиболее близкие социалистической действительности, продолжают бытовать и звучат вполне современно. Сама жизнь восстанавливает в правах старинный героический эпос, отразивший героический характер русского народа, и опрокидывает установку вульгарных социологов об отмирании былин и их антинародном происхождении.

Старинные былины П. И. Рябинина-Андреева представляют, за исключением былины о ссоре Ильи с князем Владимиром, довольно точную редакцию дедовских и прадедовских вариантов.

Имеющиеся отклонения в былинах П. И. Рябинина-Андреева заключаются главным образом в сокращении некоторых словесных формул, в перестановке отдельных эпизодов и перефразировке стихов. Частично сокращение и перестановку отдельных эпизодов можно объяснить простым фактом забывания, неточным усвоением текста. Возьмем для примера былину про Вольгу и Микулу, наи-

более близкую к дедовскому варианту. В самом начале былины пропущены такие стихи:

Уходили-то все рыбушки во глубоки моря,
Улетали-то все птички под облаки,
Убегали-то все звери во темны леса.

Сокращение подобных словесных формул обедняет былинный язык, делает его более лаконичным. Но такие случаи немногочисленны. В основном П. И. точно передает богатство эпических красок, яркость былинного языка воспринятых произведений.

В былинах П. И. Рябинина-Андреева, по сравнению с текстами его предшественников, имеются некоторые композиционные изменения, явившиеся в результате перестановки отдельных эпизодов. Встречаются в былинах также небольшие, но важные, имеющие принципиальный характер, добавления. Так в былинѣ о Вольге и Микуле значительно изменен эпизод с возвращением дружинников с поля оратая. История с сошкой здесь раскрывается через диалог, а не через прямое повествование. Другина Вольги дважды обращается непосредственно к Микуле со словами:

Ой же ты, оратай-оратаюшка,
Осталась твоя сошка во бороздочке.

Богатырь Микула, в свою очередь, дважды говорит:

А недобрая дружинушка хоробрая,
Не могли мою сошку повыдернуть,
Из сошки земельку повытряхнуть,
Бросить мою сошку за ракитов куст.

Благодаря этому диалогу значительно активизирована роль дружины и Микулы, а Вольга несколько оттеснен на второй план.

В качестве примера смыслового изменения отдельных эпизодов и деталей можно привести эпизод с принятием Микулой сошки от „мужика-деревенщины“. У Т. Г. Рябинина (Гильфердинг, № 73) прячется сошка от „мужика-деревенщины“, который может ее сломать.

Ай же Вольга Святославович!
А оставил я сошку в бороздочки,
Да не гля-ради прохожего, проезжего,
Ради мужика-деревенщины:
Они сошку с земельки повыдернут,
Из омишников земельку повытряхнут,
Из сошки омишники повыколнут,
Мне нечем будет молодцу крестьяновати.

В варианте Ивана Трофимовича Рябинина (Этногр. Обзор., 1894 г., кн. XXIII, стр. 133) вводится по этому случаю следующее разъяснение:

Есть у нас мужик да деревенщина,
Прозывается шалыга подорожная,
То ён сошку с земельки повыдернет,
А из сошки ён омешики повыколнет,
А и бросит мою сошку за ракитов куст.

Таким образом сошка в варианте И. Т. Рябинина прячется не просто от крестьянина, труженика-землепашца, а от проходимца, бездельника.

Не лишена возможность, что приведенные Иваном Трофимовичем стихи знал и Трофим Григорьевич, но пропустил их при исполнении былин Рыбникову, а затем Гильфердингу.

Петр Иванович Рябинин-Андреев, прекрасно сохранивший основной сюжет былины, этот эпизод раскрывает по-своему:

Ай же ты, Вольга да Святославьевич!
А оставил я сошку во бороздочки,
А не для прохожего, проезжего,
А для ради мужика да деревенщины.
А надо сошку из земельки повыдернуть.
Из сошки земельку повытряхнуть,
Бросить надо сошку за ракитов куст.

Смысл такой формулировки заключается в прямом указании Микулы, что оставил он сошку для крестьянина, а не для неизвестного прохожего, в уточнении связи Микулы с крестьянством.

Не менее интересным является классический вариант былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике Т. Г. Рябинина, который донес до наших дней его правнук. В былине Трофима Григорьевича (Гильфердинг, № 74) совершенно ясно указывается на крестьянское происхождение Ильи Муромца. Князь Владимир говорит ему в виде упрека: „Ай же, мужичище-деревенщина, во глазах мужик да подлыгаешься, во глазах мужик да насмехаешься“. Сохраняя этот очень важный эпизод, в несколько укороченной форме, П. И. Рябинин-Андреев вносит в сцену демонстрации Соловья-разбойника новую деталь, в результате которой князь Владимир представлен в комическом виде:

А Владимир-князь да стольнокиевской
А он по двору да в круги бегаёт,
Куньей шубкою да укрывается.

Изображение князя Владимира растерянным и несколько бестолковым и есть оригинальный сатирический мотив, который можно понять только в связи с общей эволюцией образа Владимира в сторону его снижения.

Наряду с перестановкой отдельных стихов и эпизодов, в былинах П. И. Рябилина-Андреева встречаются новые представления и понятия. Так, например, в былине „Ставр Годинович и Василиса Никулична“ у Трофима Григорьевича Рябилина (Рыбников, № 14) Василиса Никулична обращается к служанкам:

Поспевайте-ка ко мне скоро-наскоро,
Рубите-тко мои косы русые,
Несите-ка мне платица посыльные,
Да седлайте-ка коня мне богатырского.

У П. И. Рябилина-Андреева эта сцена, в отличие от многих прионежских вариантов, где Василисе Никуличне стригут волосы служанки или она сама подстригает их, значительно модернизирована:

Скоро-наскоро думушку обдумала,
Приказала к себе да полихмахеров,
Отстригала русы долги волосы,
Одевалась в мужские платица,
Одевала одежицу опальную,
А опальную одежицу, все военную.

Некоторые изменения вносятся П. И. Рябининым и в дальнейшее повествование той же былины, в частности в образ Василисы Никуличны.

Изображение внешности Василисы Никуличны в былинах о Ставре бывает двойким: или внешний портрет разрабатывается, как новеллистический портрет, портрет красавца „удалого молодца“, или внешний облик Василисы Никуличны приобретает черты, вполне типичные для богатырских былин, где изображаются богатыри во всем их сложном вооружении. Первый вариант в Заонежье встречается редко. Лишь в былине, записанной А. Ф. Гильфердингом от П. Марковой и П. Пастуховой (Гильфердинг, 189), мы видим портрет, напоминающий Чурилу:

Она волосы брила по-турецкому,
Кудерышки вила по-молодецкому,
Штаники одела чернobarхатные,
Сапожки на ножки зелен сафьян,
Шилом пятики, носы востры,
Около носочка яичко катить,
А под пятау воробей пролетит.

Стала Василиса удалым молодцем,
Да садилась на добра коня, поехала.

В абсолютном большинстве случаев (Рыбников — 14, 30, 75, 167, 171; Гильфердинг — 7, 109, 140) внешний портрет Василисы Никуличны разработан почти однотипно. У П. И. Рябина-Андреева описание Василисы Окулича мало чем отличается от других описаний второго, наиболее распространенного в Заонежье, варианта:

Одевалась в мужские платица,
Одевала одежду опальную,
А опальную одежду, все военную,
Да брала с собою саблю острую,
Свое длинное копье да муржамецкое,
Да набрала много стрелочек каленных,
Да писала грамоту посыльную.
Набрала себе дружину сорок молодцев,
Назвала себя грозным послом,
А грозным послом собаки-царя Калина,
Молодым Василием Окуличем.

Изображая в традиционном для Заонежья плане описание Василисы Никуличны, П. И. Рябинин-Андреев дает большее, чем в других прионежских вариантах, поэтическое преувеличение женской силы: Василий Окулич не только успешно борется с богатырями и метко стреляет из лука, но и предлагает князю Владимиру „в трое суток“ очистить „улицы широкие“ и поставить перед его дружиной бочки с вином. Усиление героического момента в былине о Ставре произошло путем включения в нее мотива из быliny „Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром“ (см. стр. 48 этой книги). О силе и независимости Василисы Никуличны говорит и ее обращение с князем Владимиром.

Глуный князь Владимир стольнокиевский,
Я не грозен посол собаки-царя Калина,
А я есть Ставрова молода жена,
Молодая Василиса дочь Никулична,
А приехала я свадебку доигрывать.

В былине П. И. Рябина-Андреева произошла замена традиционного эпитета „солнышко“, постоянно встречающегося в старинных былинах. Причем подобное изменение эпитета нельзя считать произвольным или случайным, оно продиктовано субъективным отношением сказителя к персонажам быliny, стремлением снизить образ князя Владимира и преувеличить силу Василисы Никуличны. Появление в заключительной части быliny эпитета „глу-



Иван Герасимович Рябинин — Андреев.

ный“ вполне подготовлено всем предшествующим развитием сюжета: безвинное заточение Ставра в погребе, страх и растерянность князя Владимира перед грозным послом, комическое положение князя Владимира во время сватовства Василия Окулича и т. п.

Не всегда имея сравнительный материал от отца и деда, мы не можем говорить определенно, что изменения в этой былине принадлежат П. И., а не его предкам. Но и те факты, которые приведены нами выше, свидетельствуют о том, что былины П. И. Рябина-Андреева не являются механическим воспроизведением выученных текстов своих предшественников, хотя и представляют пример особой прочности семейных эпических традиций.

П. И. Рябинин-Андреев относится к той группе сказителей, которые, не обладая большой творческой самостоятельностью и импровизаторским даром, особенно близки к своим предшественникам. Работа со сказителем, в частности проверка по живому исполнению им самим записанных текстов, показывает, что былины П. И. отличаются богатством вариантов и представляют довольно устойчивую редакцию. Изменения, внесенные сказителем при исполнении былин в 1939 г. в записи предшествующих лет, являются незначительными. Они касаются главным образом, отдельных художественных деталей и фабульного построения, т. е. расположения отдельных эпизодов и „общих мест“.

4.

П. И. Рябинин-Андреев не только передает былины, перенятые от отца и деда. Являясь носителем ценнейшего старинного эпоса, он выступает создателем новых былин, посвященных героической современности. Новые сказы, былины и сказки возникают под непосредственным воздействием самой действительности, под сильнейшим влиянием событий, волнующих весь народ. Даже старинные сказки и былины, вспоминаются сейчас сказителями не просто так, не случайно, а в связи с настоящим и будущим. Так, например, известный сказитель Матвей Михайлович Коргуев, приглашенный в международный женский день в Ленинградский Дом ученых, вспомнил сказку „Умная жена“, которую он слышал около 20 лет тому назад. В этой сказке рассказывалось о находчивой, энергичной и умной женщине, которая сумела победить купца и спасти честь своей семьи, выйти из сложной борьбы победителем. Матвей Михайлович вспомнил эту сказку в связи с 8-м мартом, когда женщины всего Союза праздно-

вали свой праздник, праздник борьбы и побед, и эта старинная сказка прозвучала по-новому, превратилась в произведение актуальное и современное.

Сама действительность подсказывает образы прошлого, восстанавливает нужные сюжеты для современного репертуара. Такие замечательные герои былинного эпоса, как богатырь Илья Муромец и Добрыня Никитич, воплотившие мечты и надежды народа, становятся героями вполне современными в эпоху подлинного народного героизма.

С помощью традиционных эпических образов и приемов в настоящее время певцы и сказители создают советские былины, сказы и поэмы, знаменующие новый этап в развитии народной эпической поэзии.

Известно, что значительную часть русского эпоса представляют героические былины, рассказывающие о врагах русской земли, о мужестве, уверенности и силе русского народа. Сама идея защиты родины от врагов роднит старинный былинный эпос с социалистическим эпосом.

Народные сказители, используя героические черты былинного эпоса и поэтику былин, творят нечто совершенно новое. „В советских условиях Марфа Семеновна Крюкова, — справедливо замечает А. Дымшиц, — перестала быть лишь хранительницей и носительницей былинных богатств, перестала быть тем, чем были ее мать и деды, и сделалась ярким и самобытным народным поэтом, со своими самостоятельными сюжетами, со своими смелыми новаторскими принципами разработки этих сюжетов. Сказительница-исполнительница выросла в сказительницу-поэта“.¹⁾

Свои произведения Марфа Семеновна Крюкова называет „новинами“, как бы желая этим указать на принципиально новые моменты в произведениях на советские темы. Над подобными „новинами“ работают многие сказители Карелии: кроме П. И. Рябилина-Андреева, создавшего былины о тт. Сталине, Ворошилове, Чапаеве, восьмидесятилетний сказитель Федор Андреевич Конашков, помнящий около 25 старинных былин, сложил былины про Сталина и Ворошилова, про Ивана-богатыря, где рассказывает о советском патриотизме и героических подвигах дальневосточников, сказитель-каран Тимофей Ефимович Туруев сложил былинку о Ленине, о Чапаеве, сказитель Матвей Егорович Самылин создал былинку о папанинцах и т. д.

¹⁾ Звезда, 1939 г., № 1, стр. 215.

Наиболее талантливые карельские сказители, опираясь на опыт и материал старинного былинного эпоса, создают новые произведения, творчески переосмысливают традиционные приемы художественного изображения, поэтический склад, образы и символику былин. В результате этой творческой работы сказителей, общие места и штампы приобретают в новых былинах конкретно-реалистический смысл, выполняют новую функцию. Так, сюжет быliny П. И. Рябинина-Андреева о Чапаеве, на первый взгляд, укладывается в рамках канонической старинной быliny. О Чапаеве сказитель говорит часто теми же словами, как в старых былинах об Илье Муромце и Добрыне Никитиче:

Выходил Василий на широкий двор,
Заходил в конюшню во стоялую,
Выбирал жеребчика неезжего,
Выводил коня он на широкий двор,
Ставил коня он посреди двора,
Скоро-наскоро седлал да закольчуживал.
На коня подкладывает войлuchек,
А на войлuchек подкладывает подпотничек.
На подпотничек — седельшко черкальское.

Но и в этих традиционных описаниях подготовки героя к отъезду имеются конкретно-реалистические детали, благодаря которым „общие места“, введенные из старинных былин, ассоциируются с действительностью гражданской войны.

Сохраняя основную сюжетную схему старинных былин, П. И. Рябинин-Андреев значительно свободнее распорядается деталями, он вносит некоторые новые понятия и представления, меняет черты конкретной обстановки, в которых разворачивается действие. Из старинного вооружения в традиционном описании въезда богатыря в поле он оставляет то, что употреблялось во время гражданской войны: саблю, копье, но прибавляет к этому еще бомбы и наган.

Одевается Василий, снаряжается,
Одевает одежду военную,
А военную одежду зелена сукна.
Брал с собой он да саблю острую,
Свое длинное копье да муржамецкое,
Карабинку брал пятазарядную,
Кобуру с наганом на плечо одел,
Да набрал он много бомб разрывчатых.

Подобных примеров можно привести немало. В частности, язык новых былин обязан поэтическому языку богатырских старин, о котором Н. А. Добролюбов писал в наброске: „О поэтических особенностях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах“:

„Здесь находим мы обороты и фразы как бы условные, всегда одинаково употребляющиеся в данном случае. Из рода в род, по всей обширной Руси переходят заветные формы, и в отношении к ним твердо держится русский человек пословицы, что „из песни слова не выкинешь“. Каким-то чутьем знает он, что море должно быть синее, поле — чистое, сад — зеленый, мать-земля — сырая; верно скажет: красно солнышко, светел месяц, ярки звезды... Ясный сокол, белая лебедь, серая утка, черный соболю, гнедой тур, серый волк, добрый конь, лютая змея — эти выражения нераздельные... Как будто неловко слову в песне без своего постоянного эпитета“.

Итак, при создании новых былин сказители обращаются к поэтическим традициям старинного былинного эпоса, используя архитектонику былин об Илье Муромце, Добрыне Никитиче и др. В этой преемственности не следует видеть простой перелицовки старых былин на новый лад, механического копирования старых сюжетов. Используя поэтические приемы, образы и напевы былинного эпоса, современные певцы создают на советском материале новые былины и сказы. Через былинные образы, через ассоциацию с ними, они постепенно переходят к новому поэтическому строю, к более реалистическому повествованию, к образам нашей героической действительности. Былинный эпос всегда был связан с жизнью русского народа, с лучшими его представителями. „Народ пел и рассказывал о богатырях и героях, из этих песен сложился эпос. В нем лучше, чем в иных исторических книгах, выразился подлинный облик великого русского народа, его жизнь и борьба“, — говорится в предисловии к замечательной книге „Творчество народов СССР“. Справедливый и бесстрашный богатырь Илья Муромец и настоящий патриот своей родины, легендарный полководец Чапаев отражают лучшие стремления русского народа, идею защиты родины от врагов.

П. И. Рябинин-Андреев в своей былине о Ворошилове воплощает идею защиты родины в следующих словах:

Ай, товарищи вы да трудовой народ,
Трудовой народ да люди все рабочие,

Встаньте грудью на защиту своей родины,
Берегите свою родину, как мать дитя!

В этой былине прекрасно воплощена идея о непобедимости Красной Армии, о мужестве и силе нашего народа. Красная Армия пользуется величайшим авторитетом в народе. Имена Сталина, Ворошилова, Чапаева, Щорса, Буденного являются одними из самых любимых поэтических образов народного творчества.

Героический материал современности подсказывает сказителям новую архитектуру былин, помогает им создать новую идейную композицию. Так, в новых былинах сокращаются эффекты неожиданностей, отсутствует мотив „предварительного опорочения“ героя, в результате чего значительно суживаются моменты стихийного и сам героизм получает более реалистическую окраску. В описываемых картинах боя и батальных сценах изображаются не только отдельные герои и их подвиги, но и изображается армия, движение масс, неразрывная связь героев с народом. Отличие современных былин о советской действительности от старинных былин заключается в том, что они более историчны и правдоподобны. Великая Октябрьская социалистическая революция, гражданская война и социалистическое строительство дали огромный материал для создания реалистического героического эпоса. Вместо легендарных богатырей и гиперболического изображения их силы в современных былинах и сказах изображаются действительные герои и их неразрывная связь с народом.

П. И. Рябинин-Андреев рисует в своей былине „О Чапаеве“ необычайно трогательную дружбу крестьянского вождя с Фурмановым и Фрунзе, отношения между ними, смысл которых заключается в неразрывном союзе рабочего класса с крестьянством, в руководстве партии гражданской войной. О Василии Ивановиче Чапаеве заботятся Ленин и Сталин, они, через Фурманова и Фрунзе, руководят действиями знаменитого командира. Об этом и рассказывает в своей былине о Чапаеве сказитель П. И. Рябинин-Андреев:

Молодой Василий да Иванович
Повернул он своего добра коня
А с того ль двора, двора широкого,
Да в тое ли раздольице чисто поле.
Со двора он ехал не воротами,
А из города он ехал не дорогою
Со своею сотнею Чапаевской.
И поехал он ко городу к Уральскому,

Нагоняет он Фрунзе да во чистом поле.
 Они съехались да поздоровались,
 Они сделали сговор между собой,
 Как им силушки расставить по фронтам везде.
 Говорит ему Фрунзе таковы слова:
 „Ай же ты, Василий-свет Иванович!
 А ведь быть тебе да атаманушком
 Да над той ли армией великою“.
 Говорит Чапаев таковы слова:
 „Ай же ты, Михайла да Васильевич,
 Зря не сдамся в руки неприятелю,
 Я не дам в обиду трудовой народ,
 Трудовой народ да армию великую“.
 Разъезжались каждый по своим фронтам:
 А ведь Фрунзе едет тут да ко Царицыну,
 А Чапаев поехал ко Уральскому.
 Приезжает Фрунзе во Царицын-град.
 Прямо едет к штабу на широкий двор,
 Становил коня он посреди двора,
 Сам идет в палаты белокаменны,
 На ходу он двери поразмахивал,
 А он низко всем да поклоняется,
 Да товарищу Сталину в особину.
 „Здравствуй, свет Иосиф да Виссарионович!
 А я был сегодня во чистом поле,
 А я видел во чистом поле Чапаева,
 Он поехал биться ко Уральскому,
 А я поехал биться ко Царицыну“.
 Говорит ему Сталин таковы слова:
 „Ты запомни-ка, Михайла да Васильевич,
 Как поехали из Москвы мы белокаменной,
 На поезде Ленин нам наказывал:
 „Вы — богатыри земли советской,
 Земли русской, да пролетарской“.
 Постоять велел за правду, за отечество,
 Не велел давать в обиду трудовой народ.
 Пусть Чапаев едет ко Уральскому,
 А мы будем биться под Царицыным,
 Да очистим-ка ведь мы да землю русскую,
 Землю русскую от неприятеля,
 Не дадим в обиду трудовой народ.

И, наконец, национальные по форме советские былины и сказки являются интернациональными по своему содержанию, едиными по своей идейной направленности. Они свидетельствуют о политическом и моральном единстве много-

миллионного народа. „Народ всегда ценил тех, кто боролся с врагами, тех, кто боролся с угнетателями. Народ складывал песни об Илье Муромце, о Добрыне Никитиче, о Степане Разине, о Пугачеве и других героях и вождях. Но прежнее героическое творчество разных народов говорило о разных героях, и сказывал каждый народ свои рассказы и песни. Русские знали былины об Илье Муромце и других богатырях, но даже украинцы и белорусы, наиболее близкие к русским, о богатырях почти ничего не знали и не пели. У украинцев был свой народный герой Кармелюк, а русские о нем не знали. У грузин был свой герой Арсен, у азербайджанцев Кер-Оглы, и так у каждого народа свои герои. Сейчас картина другая. Есть, конечно, и теперь у каждого народа свои герои, но у всех народов Советского Союза есть одни и те же общие имена, одни и те же герои, которые прославляются на всех языках все народы, имена тт. Ленина, Сталина, Ворошилова, Молотова, Калинина, Кирова, Орджоникидзе известны всем народам нашего Советского Союза, и на разных языках сложены о них рассказы и песни. Имена таких легендарных героев, как Чапаев, как Щорс, известны всем народам нашей великой страны, и о них складываются замечательные рассказы и песни. У каждого народа эти героические произведения опираются на его национальное творчество, но у всех народов они проникнуты одним настроением — глубокой любовью к этим народным героям“. ¹⁾

Справедливость требует отметить, что былины П.И. Рябина-Андреева, в отличие от героических сказов М. С. Крюковой, местами слишком архаичны, слишком перегружены „общими местами“ и перелицованными традиционными образами. Они недостаточно обогащены лирической тенденцией, авторским эмоциональным участием. П. И. недостаточно смело овладевает формой более свободного сказа, а между тем новые советские былины должны приближаться и приближаются у лучших сказителей к жанру сказа о реальных событиях и людях, имеющего вполне оригинальную поэтическую форму.

В настоящее время П. И. Рябинин-Андреев работает над сказами о великом летчике Чкалове и о Кижском восстании. Еще в детстве он слышал рассказы стариков о Кижях и о „возмутителях“ Емельяне Калистратове и

¹⁾ Из доклада проф. Н. П. Андреева на 1-м Всекарельском совещании сказителей в мае 1939 г. Стенографический отчет совещания в настоящее время КНИИК подготавливает к печати.

Климе Соболеве. П. И. заинтересовался героическим прошлым своей родины. Не так давно он прочитал книжку „История Онежского завода“, в которой сообщались краткие сведения о Кижском восстании.

— А какую песню можно сложить про эту церковь! — говорил Петр Иванович. — Тут полтора ста лет тому назад из пушек картечью в народ стреляли. Собрали две тыщи мужиков за ограду да начали палить. Народу пострадало... Бунт, говорят, большой был. Кижских мужиков на заводы гоняли — камень ломать... Не под силу было. Ну и восстание устроили.

Согретые сталинской заботой, народные певцы и сказители имеют в настоящее время все возможности для плодотворной творческой работы, для создания полноценных произведений о героическом прошлом и настоящем русского народа. Постановлением Верховного Совета СССР от 1-го февраля 1939 года П. И. Рябинин-Андреев, вместе с рядом других советских писателей и народных сказителей, награжден орденом „Знак Почета“. Когда до Петра Ивановича дошла радостная весть об этой почетной награде, он сказал:

— От деда и отца я унаследовал много былин. Они распевали былины о прошлом, о русских богатырях. Я тоже учился петь былины, запоминал их. За годы советской власти я научился сам складывать былины. Я сложил былины о наших лучших людях, о любимом вожде товарище Сталине, о нашей вольной советской жизни, о нашем трудовом народе. Правительство наградило меня орденом „Знак Почета“. Я несказанно рад и сложу много новых произведений о замечательной жизни в нашем советском государстве.

В. Базанов.

БЫЛИНЫ





1. ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВЬЕВИЧ И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Жил Святослав девяносто лет.
Жил Святослав да приостарился.
Оставалось у него да чадо милое,
Милое чадочко любимое —
Молодой Вольга да Святославьевич.
Стал вольга растеть-матереть,
Захотелось Вольге да много мудрости:
Рыбой-щукою нырять да во синих морях,
Серым волком рыскать во чистых полях,
¹⁰ Птицей-соколом летать под синим облачком.
Был у Вольги да родный дядюшка,
Ласков князь Владимир стольнокиевской,
Жаловал ему да он три города,
А три города да все кресьяновцы:
Первый город — Ореховец,
Другой город — Кресьяновец,
Третий город — Гурцовец.
Стал Вольга растеть-матереть,
Подбирать себе дружинишку харобрую —
²⁰ Тридцать молодцев да без единого,
Сам Вольга да во тридцатых был.
Сели на добрых коней, поехали.
Выезжали в раздольице чисто поле,
Увидали в чистом поли оратаюшка:
Орет в поле ратай понукивает,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омёшики по камешкам почиркивают.
Едет Вольга с утра до вечера, —
Не могли догнать в чистом поли оратая.

- ³⁰ Едет Вольга еще по другой день,
 По другой день, с утра до вечера, —
 Не могли нагнать в чистом поли оратая.
 Едет Вольга еще по третий день,
 По третий день, с утра до пабедья, —
 Нагоняли в чистом поли оратая:
 Орет в поли оратай, понукивает,
 Сошка у оратая поскрипывает,
 Омёшики по камешкам почиркивают,
 Пенья, коренья вывертывают,
⁴⁰ Мелкие все камешки он в борозду валит,
 Из края в край уедет, так другого не видать;
 Кобылка у оратая солóвая,
 Гужики у ратая шелкóвые,
 Сошка у оратая кленовая,
 Кленовая, да чиста серебра.
 Говорит тут Вольга Святославьевич:
 „Божья тебе помочь, оратьюшко;
 Орать да пахать да крестьяновати,
 Из краю в край борóздки помётывати,
 Пенья да коренья вывертывати,
 Мелкие все камешки да в борозду валить“.
⁵⁰ Говорит тут оратай-оратаюшко:
 „Ой же ты, Вольга да Святославьевич,
 Надобно в крестьянстве мне божья помочь.
 А куда, Вольга, ты едешь, куда путь держишь
 Со своею дружинуюшкой харóброю?“
 Говорит тут Вольга да Святославьевич:
 „Ай же ты, оратай-оратьюшко,
 Еду в города я за получкою:
 В первый город — Орéховец,
 В другой город — Кресья́новец,
⁶⁰ В третий город — Гурцовец“.
 Говорит тут оратай-оратаюшко:
 „Ай же, Вольга да Святославьевич,
 Был я недавно, третьегодни,
 В этих городах я за получкою,
 А живут там мужички да подорожники,
 Собирают гроши все подорожные.
 А был я на кобылке на солóвоей,
 Вывез я оттуда соли три меха¹⁾,
 Три меха я соли да на сорок пуд.
⁷⁰ Был я с шалыгой подорожною,
 А платил я гроши да подорожникам —

¹⁾ Меха — мешка.

А кто стоя стоит, так тот сидя сидит,
 А кто сидя сидит, так тот лежа лежит".
 Говорит Вольга Святославьевич:
 „Ай же ты, оратай-оратьюшко,
 А поедем-ка со мною во товарищах
 В эти города да за получкою".
 Этот ли оратай-оратьюшко
 Гужики из сошки повыстегнул,
 50 Кобылку из сошки повывернул,
 Они сели на добрых коней да поехали,
 Они ехали от сошки от кленовой.
 Говорит оратай-оратаюшко:
 „Ай же ты, Вольга да Святославьевич,
 А оставил я сошку во бороздочке,
 А не для ради прохожего, проезжего,
 А для ради мужика да деревенщины.
 А надо сошку из земельки повыдернуть,
 Из сошки земельку повытряхнуть,
 90 Бросить надо сошку за ракиов куст".
 Этот ли Вольга Святославьевич
 Посылает пять дуродних молодцев.
 Этиа дуродни добры молодцы
 Подъехали ко сошке близешенько,
 Оне ли сошку вокруг вертят—
 Сошки от земельки поднять нельзя,
 Не могут сошку от земельки повыдернуть,
 Из сошки земельку повытряхнуть,
 Бросить эту сошку за ракиов куст.
 100 Едут обратно во чисто полё,
 Говорят они оратаю-оратьюшку:
 „Ой же ты, оратай-оратьюшко,
 Осталась твоя сошка во бороздочке".
 Говорит тут оратай-оратаюшко:
 „А не добрая дружинунка харобрая:
 Не могли мою сошку повыдернуть,
 Из сошки земельку повытряхнуть,
 Бросить мою сошку за ракиов куст".
 Этот ли Вольга Святославьевич
 110 Посылал своей дружинунки харобрые,
 Десять молодцев да что ль налучших.
 Этиа дуродни добры молодцы
 Едут ко сошке кленовой,
 Оне ли сошку вокруг вертят—
 Сошку от земельки поднять нельзя.
 Едут обратно во чисто полё,
 Говорят оне оратаю-оратаюшку:

- „Ой же ты, оратай-оратьюшко,
Осталась твоя сошка во бороздочке“.
- ¹²⁰ Говорит оратай-оратьюшко:
„А не добрая дружинишка харобрая:
Не могли мою сошку повыдернуть,
Из сошки земельку повытряхнуть,
Бросить мою сошку за ракитов куст“.
Этот ли Вольга Святославьевич
Посылал он всю дружинишку харобрую
К той ли ко сошки кленовой.
Этия дуродни добры молодцы
Подъехали к сошке близешенько,
¹³⁰ Оне сошку вокруг вертят —
Сошки от земельки поднять нельзя.
Едут обратно во чисто полё,
Говорят они оратаю-оратьюшко:
„Ай же ты, оратай-оратьюшко,
Осталась твоя сошка во бороздочке“.
Говорит тут оратай-оратьюшко:
„Ай же ты, Вольга да Святославьевич,
А не добрая дружинишка харобрая:
Не могли моей сошки повыдернуть,
¹⁴⁰ Из сошки земельки повытряхнуть,
Бросить мою сошку за ракитов куст“.
Этот ли оратай-оратаюшко
Подъехал ко сошке близехонько
На своей ли на кобылке на солóвоей,
Захватил он за сошку одной ручкóй,
Сошку из земельки повыдернул,
Из сошки земельку повытряхнул,
Бросил свою сошку за ракитов куст.
Сели на добрых коней да поехали.
- ¹⁵⁰ У рата́я кобылка-то грудью пошла,
А Вольгíн-то конь да стал поскакивать;
У рата́я кобылка-то грудью пошла,
А Вольгíн-то конь оставляетца.
Стал Вольга кричать, покрикивати,
Колпачком своим помахивати:
„Ай же ты, оратай-оратьюшко,
Подожди Вольгу да ты со дружиною,
Со дружиною да со хароброю“.
Этот ли оратай-оратаюшко
- ¹⁶⁰ Становил свою кобылку солóвую.
Наехал Вольга Святославьевич,
Говорит он оратаю-оратаюшко:
„Ай же ты, оратай-оратаюшко,

Эта бы кобылка коньком бы была —
За эту бы кобылку пятьсот бы дали“.
Говорит тут оратай-оратаюшко:
„Ай же ты, Вольга Святославьевич,
Брал я кобылку с-под матушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот рублей.
170 Эта бы кобылка коньком бы была —
За эту бы кобылку и сметы нет“.
Говорит Вольга Святославьевич:
„Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Как же тебя да именем зовут,
Удалого величают по отчеству?“
Говорит тут оратай-оратаюшко:
„А я ржи напашу да во скирды сложу,
А во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
180 А я драни надеру да пива наварю,
Пива наварю да мужичков напою, —
Станут мужички меня похваливати,
Что хорош был Микулушка Селянинович“.





2. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли города из Муромля,
Из того села да Карочірова,
Отправляется дуродный добрый молодец,
А ведь старый казак да Илья Муромец.
Он заутрену тую христовскую
А стоял во городе во Муромле,
Да хотел попасть к обедне в стольный Киев-град.
Брал у батюшки, у матушки прощеньице,
А прощеньице, благословеньице,
¹⁰ Кладывал он заповедь великую:
Не съезжаться, не слетаться во чистом поли,
Да не делать боя-драки, кроволития.
Одевает одежицу опальную,
А опальную одежду все военную,
Брал с собою он да саблю острую,
Свое длинное копье да муржамецкое,
Да берет свой тугий лук разрывчатый,
Да набрал он много стрелочек каленных,
Брал с собою палицу булатную,
²⁰ А которая весом девяносто пуд.
Выходил Илья да на широкий двор.
Заходил в конюшню во стоялую,
Брал коня за поводка шелковые,
А он малого Бурушка косматого.
Выводил коня он на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Скоро-наскоро седлал да закольчуживал.
На коня подкладывает войлучек,
А на войлучек подкладывал подпотничек,
³⁰ На подпотничек седельшко черкальское,
Да которое седелко изукрашено,
Разноцветным камением усажено,
Драгоценными шелками изушивано
Да червонным золотом оббивано.

Заседлал тут молодец добра коня,
И поехал молодец из широка двора,
С широка двора в раздольице чисто поле.
Его путь-дорожка в поле призаменялась:
Он не мог попасть ко городу ко Киеву,

⁴⁰ А попал ко городу Чернигову.
Усмотрел под городом Черниговым —
Нагнано там силушки черным-черно,
А черным-черно, как черна ворона;
Хочут черных мужичков да всех повырубить.
Да во том ли во городе Чернигови,
Хочут церкви божия на дым пустить.
Разгорелось сердце у богатыря,
А у старого казака Ильи Муромца,
Нарушал он заповедь великую,

⁵⁰ Да просил себе он бога на помочь
Да пречисту пресвятую богородицу,
Припускал коня он богатырского
А на тую ли рать-силу великую,
Стал он силу с крайчика потаптывать,
Стал копьём колоть да из лука стрелять,
Из лука стрелять, рубить он саблей острою,
Потоптал он всех татаровей поганных.
Отворялися ворота во Чернигов-град,
Выходят мужички-черниговцы,

⁶⁰ Они низко ему да поклоняются,
Говорят дуродню добру молодцу:
„Ай же ты, дуродний добрый молодец,
А иди-ко к нам ты воеводою“.
Говорит старый казак да Илья Муромец:
„Ай же вы, мужички-черниговцы!
Не пойду я к вам ведь воеводою,
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую дорожку в стольный Киев-град“.
Говорят ему мужички-черниговцы:

⁷⁰ „Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка замуравела,
Замуравела дорожка ровно тридцать лет.
Как у той ли реченьки Смородине,
Как у той ли грязи Черной,
Как у той ли березоньки поклапой,
У того креста да Леонидова
Сидит Соловей-разбойник Дихманьтев сын,
Сидит Соловей-разбойник на семи дубах,
На семи дубах, на девяти суках.

⁸⁰ Как засвищет Соловей по-соловьиному,
 Закричит собака по-звериному,
 Зашипит проклятый по-змеиному,
 Так все травушки-муравы уплетаются,
 Все лазуревы цветочки отсыпаются,
 Мелки лесушки к землям приклоняются,
 А что есть людей вблизи, так все мертвы лежат.
 Прямоезжею дорожкой — пятьсот всех верст,
 А окольную дорожкой — цела тысяча.
 Так тут старый казак Илья Муромец
⁹⁰ А просил себе он бога на помощь,
 Припускал коня он богатырского
 А по той ли дорожке прямоезжей,
 Прямоезжей дорожкой в стольный Киев-град.
 Подъезжал ко реченьке Смородине,
 Да ко той ли грязи, грязи Черной,
 Да ко той ли березоньке поклапой,
 Ко тому кресту Леонидову.
 Как завидел его Соловей-разбойничек,
 Засвистел Соловей по-соловьиному,
¹⁰⁰ Зашипел проклятый по-змеиному,
 Закричал собака по-звериному,
 Так все травушки-муравы уплетались,
 Все лазуревы цветочки отсыпались,
 Мелки лесушки к землям да приклонялись,
 А что есть людей вблизи, так все мертвы лежат.
 А у старого казака Ильи Муромца
 А конь на корзни да спотыкается.
 Так тут старый казак Илья Муромец
 Брал он в руки плеточку шелковую,
¹¹⁰ А он бил коня да по тучным бедрам,
 По тучным бедрам, меж ноги задние,
 А ведь сам коню да приговаривал:
 „Ах ты, волчья сыть, ты, травяной мешок!
 Не слыхал что ль посвисту соловьего,
 Не слыхал что ль покрику звериного,
 Не слыхал что ль пошипу змеиного,
 Ты везти не можь, али итти не хошь?“
 Отстегнул свой тугой лук разрывчатый,
 Натянул тетивочку шелковую,
¹²⁰ Наложил он стрелочку калёную,
 А ведь сам он стрелке приговаривал:
 „Ты просвистни, моя стрелочка каленая,
 По тому острёю по ножёву,
 Попади-ка в Соловья-разбойника,
 А спусти-ка его да из сыра дуба,

- Из сыра дуба на матушку сыру землю.
Сам спускал тетивочку шелковую
А во тую ли стрелочку калёную.
Тут просвистнула стрелочка калёная
130 Дай попала в Соловья-разбойника,
Дай спустила Соловья из сыра дуба,
Из сыра дуба на матушку сыру землю.
Так тут старый казак Илья Муромец
Подъезжал он к Соловью близехонько,
Захватил он Соловья за желты кудри,
Заковал он ему да ножки резвые,
Завязал он Соловью да ручки белые,
Привязал ко стремени булатному,
Сам поехал дорожкой прямоезжей,
140 Прямоезжей дорожкой в стольный Киев-град.
Так тут старому казаку Илье Муромцу
Случилось ехать мимо соловьиного гнёздышка.
А у этого Соловья-разбойника
Было три дочери любимые.
Посмотрела в окошечко тут старша дочь,
Говорит она да таковы слова:
„Наш-то батюшка сидит да на добром кони,
А везет мужика да деревенщину,
У правого стремени прикована“.
150 Посмотрела в окошечко тут средняя дочь:
„Наш-то батюшка сидит да на добром кони,
А везет мужика да деревенщину,
А у правого стремени прикована“.
Посмотрела в окошечко тут младша дочь.
Говорит она да таковы слова:
„Ай, сестрицы мои, да вы родимые!
А ведь окушом вы есть тупишеньки,
Умом разумом вы есть глупишеньки, —
160 А сидит мужик да деревенщина,
А сидит мужик да на добром кони,
Наш-то батюшка у стремени прикованный.
Ай же, мужевья наши любимые!
А берите-тка рогатинья звериные,
Да бегите поскореньку во чисто поле,
А убейте мужика да деревенщину“.
Эти ли мужевья любимыи
А брали рогатинья звериньи,
Поскореньку выбегали во чисто поле.
Как завидел их Соловей-разбойничек,
170 Закричал тут Соловей да громким голосом:
„Ай же вы, зятевя мои любимыи!

А бросайте с рук рогатинья звериньи,
Подбегайте к добру молодцу близешенько,
Да берите-тко за рученьки за белыи,
За его за перстни за злачёные,
Да ведите-тко его в солóвье гнездышко,
Да кормите его ёствушкой сахáрной,
Да попойте его питьицем медвяным,
Да дарите ему дары драгоценные“.

180 Этия ли зятевьѧ любимыи

Побросали с рук рогатинья звериньи,
Подбегали к добру молодцу близешенько,
Хочут брать его за рученьки за белыи,
За его за перстни за злачёные,
Провести его в солóвье гнездышко.
Так тут старый казак Илья Муромец
Выдернул свою он саблю острую,
Отрубил у них да буйны головы.
Половину роет он серым волкам,

190 А вторую половину черным вóронам,

А ведь сам себе да приговаривал:
„А не вам был кус да и не вам поестъ,
А не вам побить казака Илью Муромца“.
Сам поехал дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Приезжал ко князю на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
Сам идет в полаты белокаменные.
На пятау он двери поразмахивал,
200 А он низко всем да поклоняется,
А князю Владимиру в осóбину,
Его всем князьям да подколанным.
А Владимир-князь да стольнокиевской
Только что пришел от поздней от обеденки,
Садятся за столички дубовые.

Говорит Владимир таковы слова:

„Ты откудошний, дурóдный добрый молодец?
Ты с какой земли да из какой орды,
Ты какого отца да ты есть матери?“

210 Ты какого будешь роду-племени,
А ведь как тебя да именём зовут,
Удалого звеличают по отчеству?

А по имечку тебе ведь можно место дать,
По отчеству тебя пожаловать“.

Говорит старый казак Илья Муромец:

„Есть я из города из Муромля,
Из того села да Карачирова,

- Илья Муромец да сын Иванович.
А приехал я да во стольный Киев-град
- 220 Послужить тебе я верой-правдою,
Защищать я буду веру православную".
Говорит тут князь Владимир стольнокиевской:
„Ай же, старый казак ты, Илья Муромец,
Ты какой дорожкой ехал в стольный Киев-град:
Прямоезжею или окольною?"
Говорит старый казак Илья Муромец:
„Ай же, князь Владимир стольнокиевской,
А ведь ехал я из города из Муромля,
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град".
- 230 Говорит тут князь Владимир таковы слова:
„Во глазах, мужик, ты насмехаешься —
Где тебе проехать дорожкой прямоезжей:
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Замуравела дорожка ровно тридцать лет.
Как у той ли реченьки Смородине,
Как у той ли у грязи, грязи Черной,
Как у той ли березоньки покляпой,
У того креста да Леонидова
- 240 Сидит Соловей-разбойник Дихмантьев сын.
Как засвищет Соловей по-соловьиному,
Закричит собака по-звериному,
Зашипит проклятый по-змеиному,
Так все травушки муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Мелки лесушки к землям да приклоняются,
А что есть людей вблизи, так все мертвы лежат".
Говорит старый казак да Илья Муромец:
„Ай же, князь Владимир стольнокиевской,
А ведь Сбловей-разбойник на твоём дворе,
На твоём дворе да на моём коне,
А у правого стремени прикованный".
Так тут князь Владимир стольнокиевской
Со своими князьями да боярами
Выходили поскореньку на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Как увидели Соловья-разбойника,
Говорит тут князь Владимир таковы слова:
„Ай же, Соловей-разбойник Дихмантьев сын,
- 260 Засвищи-ка, Соловей, по-соловьиному,
Закричи, собака, по-звериному,
Зашип, проклятый, по-змеиному".
Говорит ему Сбловей-разбойничек:

„Ай же, князь Владимир стольнокиевской,
Не у тя сегодня я ведь ел и пил,
Не тебя я буду слушаться“.

Говорит ему казак Илья Муромец:

„Ай же, Соловей-разбойничек Дихмантьев сын,
Засвищи-ка, Соловей, во полсвиста,
²⁷⁰ Закричи-ка, Соловей, во полкрика,
Зашипи-ка, Соловей, во полшип“.

Говорит ему Соловей-разбойничек:

„Ай же, старый казак Илья Муромец,
Запечатались мои кровавы раночки,
А налейте вы мне чару зеленá вина“.
Так тут налили чару зеленá вина,
Да не малую стопу — на полтора ведра.
Так тут Соловей-разбойничек Дихмантьев сын
Выпил эту чару зеленá вина,—

²⁸⁰ Чуял свою скорую кончинушку,—
Закричал Соловей во полный крик,
Засвистал Соловей во полный свист,
Зашипел проклятый во полный шип,—
Так все травушки-муравы уплетались,
Все лазуревы цветочки отсыпалися,
Мелки лесушки к землям приклонялися,
А что есть людей вблизи, так все мертвы лежат,
А у князя с тёремов высокних
Все хрустальные стекóлышки посыпалися,

²⁹⁰ А Владимир-князь да стольнокиевской,
А он по́ двору да в круги бегаёт,
Кушьей шубкою да укрывается.
Говорит казак да Илья Муромец:
„Ай же, Соловей-разбойник Дихмантьев сын,
Что ты мóего наказа не послушался?
Я велел свистеть тебе во полсвиста,
Я велел тебе кричать во полкрика,
Я велел тебе шипеть во полшип“.

Говорит ему Соловей-разбойничек:
³⁰⁰ „Ай же, старый казак Илья Муромец,
А ведь чуял я скорую кончинушку,
Оттого свистал во полный свист,
Оттого кричал во полный крик,
Оттого шипел во полный шип“.
Так тут старый казак Илья Муромец
Брал Соловьá да за белы́ руки
И повел на поле Куликово,
Положил на плаху на дубóвую,
Отрубил ему да буйну голову,

³¹⁰ Половину роет он серым волкам,
А вторую половину чёрным вóронам.
Так ведь с той поры да с того времени
А не стало Соловья-разбойника
А на славной матушке святой Руси.
³¹⁵ Да ведь тем былиночка покончилась.





3. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

Как Владимир-князь да стольнокиевской
А завел он пированьице — почестен пир,
На многих князей, на многих бояров,
Да на сильных могучих богатырей,
Да на славных полениц да на разудалых.
Только не было да на честном пиру
Еще старого казака Ильи Муромца, —
Был он на заставушке Московской.
Как приехал Илья Муромец

¹⁰ Со заставушки да со Московской,
У того ли князя у Владимира
В полпиря сидят, все наедались,
В полпьяна все напивались.
Как пришел казак неприглашенный,
Говорит тут князь Владимир стольнокиевской:
„Ай же ты, калека перехожая,
Как тебя да именем зовут,
Удалого звеличают по отчеству, —
По имечку да можно место дать,

²⁰ По отчеству тебя пожаловать“.
Говорит старый казак Илья Муромец:
„Ай же, князь Владимир стольнокиевской,
А зовут меня Никита Заолешанин“.
Говорит тут князь Владимир стольнокиевской:
„Ай же ты, Никита Заолешанин,
А садись-ко с нами за единый стол
Хлеба-соли кушати, белой лебеди порушати,
Поесть ествушек сахарных,
Попить пѣтъицев медвяных“.

³⁰ Садился тут Никита Заолешанин
По край столичка дубового,
По край да скамеечки окольной,
Не узнал Владимир-красно солнышко

Да старого казака да Илью Муромца.
 Так тут князь Владимир стольнокиевской
 Што не малую стопу — да в полтора ведра
 Подносил Никите Заолешанину.
 Как вставал Никита Заолешанин
 Из-за того из-за столичка дубового,
 40 Из-за тых скамеечек окольных,
 На свои на ноженьки на резвые,
 Принимает чарочку одной ручкой,
 Выпивает чарочку одним душком.
 На ногах стоит Никита — не шатается,
 А он с князем говорит да не мешается:
 „Благодарствуй, князь Владимир стольнокиевской,
 За твое за сладкое винцо-водочку,
 За твои за сладкие напитокочки“.
 Так тут князь Владимир стольнокиевской
 50 Подносил он другу чару зеленá вина,
 Что не малую стопу — да полтора ведра,
 Подносил Никите Заолешанину.
 Как вставал Никита Заолешанин
 Из-за того из-за столичка дубового,
 Из-за тых скамеечек окольных
 На свои на ноженьки на резвые,
 Принимает чарочку одной ручкой,
 Выпивает чарочку одним душком.
 60 На ногах стоит Никита — не шатается,
 А он с князем говорит да не мешается:
 „Благодарствуй, князь Владимир стольнокиевской,
 За твое за сладкое винцо-водочку,
 За твои за сладкие напитокочки“.
 Так тут князь Владимир стольнокиевской
 Подносил он третью чару зеленá вина,
 Что не малую стопу — да полтора ведра,
 Подносил Никите Заолешанину.
 Как вставал Никита Заолешанин
 Из-за того из-за столичка дубового,
 70 Из-за тых скамеечек окольных
 На свои на ноженьки на резвые,
 Принимает чарочку одной ручкой,
 Выпивает чарочку одним душком.
 На ногах стоит Никита — не шатается,
 А он с князем говорит да не мешается:
 „Благодарствуй, князь Владимир стольнокиевской,
 За твое за сладкое винцо-водочку,
 За твои за сладкие напитокочки“.
 Как подвыпил тут Никита Заолешанин,

⁸⁰ Схудоумился Никита, раскуражился.
Как тут князь Владимир стольнокиевской
Посадил его на место на почетное.
Как поднажал тут Никита Заолешанин
А своими плечами да могучими,
Растянул свои он ножки резвые
Вдоль скамеечки окольной, —
Как поехали богатыри на дудруге
Вдоль скамеечки да до большого угла.
А, тому ли князю-солнышку,

⁹⁰ Где ему дело на пиру да не слюбилось.
Не слюбилось, да не в любовь пришло.
Говорит тут князь Никитушке:
„Ай же ты, Никита Заолешанин,
Уходи-ко ты отсюда со честна пира.
Со честна пира да гость незванный“.
Уходил Никита Заолешанин
От того ли князя-солнышка,
Выходил да на широкий двор,
Отстегнул свой тугой лук разрывчатый,
¹⁰⁰ От того ли своего добра коня,
От правого стремени булатного,
И пошел по городу по Киеву
Из туга лука постреливать
По тем ли колокольням по высоким
Да по тем ли теремам высоким.
Повалилися тут главунки церковные,
Посыпались хрустальные стеколышки.
Приходил ко князю на широкий двор.
Заходил во погреба глубокие.

¹¹⁰ Берет он бочку зеленя вина;
А одну он бочечку под пазушку,
А другую бочечку под другую,
А третью бочечку ногой катит.
Выносил Ильюша на широкий двор,
Крикнул Илья да громким голосом,
Громким голосом да во всю голову:
„Ай же вы, голюшки кабацкие,
Подходите вы пить да зеленя вина!“
Приходили тут голюшки кабацкие,
¹²⁰ Приходили ко князю на широкий двор
Пить да дармового зеленя вина.

А уж вот тут я не знаю, долго ли, коротко
тут гуляли, во хмелю ли пришел ко князю
Илья. Дальше — как князь посадил его во
погреба глубокие,

За те ли за решеточки железные,
Засыпали песочками да желтыми,
Не на мало поры-времечко —
На три году, на три месяца,
¹³⁰ На три месяца, да на три дня,
На один овес да его на воду.

Как князь посадил Илью во погреба
глубокие, так все остальные богатыри
уехали и не стали служить князю
верой-правдою.

А у князя у Владимира
Была любимая племянница,
Молодая Забава дочь Путятична.
Подделала ключи она поддельные
¹⁴⁰ Ко тем ли погребам глубокиим,
Нанимала нянюшек да мамушек,
Носила ему ествушко сахарное,
Да носила ему питьице медвяное.
Во те ли погреба глубокие
Снесла одеяльце теплое,
Снесла ему подушечки пуховые.
Сидит старый казак да Илья Муромец
У князя в погребях глубоких.

Вот не знаю, много ли, мало лет он
сидел, все ли три года, аль не все.

¹⁵⁰ Он не старится, да лучше ставится.
А в ту ли пору, в тое времечко,
А прознал же собака да царь Калина,
Что во стольном во граде во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Не осталось во Киеве богатыря, —
Ему нечем защищать да стольный Киев-град.
Под тот ли под славный под Киев-град
Подъехал собака да царь Калина.
¹⁶⁰ Посылает царь Калина посланника
Ко тому ли ко князю ко Владимиру.
Как приехал тут грозен посёл
От того ли собаки-царя Калина,
Приезжает он ко князю на широкий двор,
Заходил в палаты белокаменные,
На пятау он двери поразмахивал,
Он не молится да и не крестится,
Да и князю Владимиру не кланяется.
Полагает он грамотку посыльную
На тот ли князев да и на золот стол.
¹⁷⁰ Пословесно князю-солнышку высказывает:

„Ай же, князь Владимир стольнокиевской,
 Я грозен посел собаки-царя Калина,
 Я приехал к тебе с восточкой нерадостной:
 А очисти-тко ты улицы широкие,
 Да поставь-ко бочечки дубовые,
 Бочечки дубовы с зеленым вином,
 Чтобы было чем татарам позабавиться,
 Да очисти, князь Владимир, церкви божии
 Да под теи ли под стойла лошадиные,
 180 Чтобы можно собаке-царю Калину
 Сделать стойла лошадиные,
 Да очисти, князь Владимир, в трое суток.“
 Порасплакался тут князь да красно солнышко,
 Порасплакался да закручинился.
 Говорит тут князь Владимир таковы слова:
 „Если б был он старый казак да Илья Муромец,
 Постоял бы он за церкви божие,
 Постоял бы он за веру православную,
 Защищал бы он меня, князя Владимира,
 190 Со своей Опроксей Королевичной.“
 Говорит Забава дочь Путятична:
 „Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный,
 Ласков князь Владимир стольнокиевской,
 А ведь старый казак Илья Муромец
 Он сидит во погребах глубоких,
 Он не старится, да лучше ставится.
 Как посадил ты его во погреба глубокие,
 За те ли за решеточки железные,
 Я подделала ходы да подземельные,
 200 Я подделала ключи поддельные,
 Я снесла ему подушечки пуховые,
 Снесла да одеяльца ему теплые,
 Каждый день носила естwuшки сахарные,
 Каждый день носила питьица медвяные.“
 Как вскочил тут князь Владимир на резвы ноги,
 Низко он Забавы поклоняется.
 Сам бежит на погреба глубокие,
 На пятау он двери поразмахивал,
 В теи ли во погреба глубокие,
 210 Все решеточки железные отдергивал,
 Все песочки желтые отваливал.
 Увидал казака Илью Муромца,
 Брал его за рученьки за белые,
 За его за перстни за злаченные,
 Целовал его в уста сахарные,
 Выводил из погреба глубокого,

Низко он Ильюше поклоняется:

„Ты прости, казак да Илья Муромец,
Ты прости меня за то, что порассорился

220 Я на старого казака да Илью Муромца,

Посадил тебя во погребѣ глубокии,

За теи ли решеточки железные.

А теперь-то ты, Илья, меня подвыручи:

Как под наш под славный стольный Киев-град

Поднаехал собака-царь Калина,

Поднагнал он силушки татарскойей,

Что от пару ли от лошадиного

Под нашим ли городом под Киевом

Потерялося красно солнышко.

230 Как стал князь просить Ильюшу,

просить, чтоб он пошел биться с той

силушкой татарской; так Илья сразу не

пошел, а три дня гулял по Киеву.

На четвертый день по утрешку ранешенько

Приходил во стойло лошадиное

К своему ли паромку любимому

Поглядеть на бурушку косматого.

Посмотрел он бурушку косматого, —

Что ни старится, а лучше ставится.

240 Говорит старый казак Илья Муромец:

„Благодарствую вас, паромок любимый,

За хороший уход за бурушку косматого.

Он не захотел ни к князю ни к кому,

а коня заседлал да поехал в чистое поле

Посмотреть на силушку татарскую.

У того ли казака Ильи Муромца

Ужаснулося сердце богатирское:

Вот собака с какой ратью поднаехавшись.

Тут просил себе он бога на помочь

250 Да пречисту пресвятую богородицу,

Припускал коня тут богатырского.

Стал он силу с крайчика потаптывать,

Стал конем топтать да из лука стрелять,

А копьём колоть, рубить саблѣй востроу.

Говорит тут конь языком человеческим:

„Ай же, старый казак Илья Муромец,

Как у тех ли у татаров поганных

Есть три погребѣ глубоких ископанных, —

В первый погреб я скачу — повыскочу

260 И тебя я, добра молодца, повыздыну,

В другой погреб я скачу — повыскочу

И тебя, добра молодца, повыздыну,

В третий погреб я скачу — повыскочу
 И тебя, добра молодца, не выздыну.
 Нападут тут татарова поганые,
 Скуют тебе да ручки белые,
 Скуют тебе да ножки резвые".
 Говорит тут старый казак да Илья Муромец:
 „Ах ты, волчья сыть, да травяной мешок!
²⁷⁰ Ты ходить не хощь иль возить не можь
 Старого казака Илью Муромца?"
 Сам берет тут в ручки плеточку шелковую,
 Первый раз он бил коня да по тучным бедрам,
 Другой раз он бил между ушей,
 Третий раз он бил коня меж ноги задние,
 А удары все давал тяжелые.
 Его добрый конь да стал поскакивать.
 В первый погреб он вскочил — повыскочил,
 Старого казака Илью Муромца
²⁸⁰ Из того ли погребца повыздынул;
 С другого погребца повыскочил,
 Старого казака Илью Муромца
 Он из другого погребца повыздынул.
 Нанадали тут татарова поганые
 На старого казака Илью Муромца.
 Завязали ему ручки белые,
 Заковали ему да ножки резвые,
 Понесли его к собаке-царю Калину,
 Понесли его да во белой шатер.
²⁹⁰ Говорит собака-царь Калина:
 „Ай же ты, старый казак Илья Муромец,
 А поди-ко ты к нам воеводю".
 Говорит тут казак Илья Муромец:
 „Ай же ты, собака-царь Калина,
 Не пойду я к вам да воеводю
 И не буду служить собаке, тебе царю Калина"
 Тут кричат татарова поганые:
 „Отрубить ему буйную головушку!"
 Говорит собака-царь Калина:
³⁰⁰ „Развяжите-ка казаку ручки белые,
 Раскуйте-ка казаку ножки резвые,
 Пусть-ка старый казак на волюшке".
 Развязали тут казаку ручки белые,
 Расковали тут казаку ножки резвые,
 Говорит старый казак Илья Муромец,
 Как пошел он из шатра собаки-царя Калина:
 „А не буду я служить собаке-царю Калину".
 Говорит собака-царь Калина:

- „Завяжите-ка вы Илье Муромцу ручки белые,
310 Да закуйте-ка Илье ножки резвые“.
Нападали тут татарова поганые
К Илье Муромцу на плечи да на могучие.
Как тут старый казак да Илья Муромец
Встряхнул плечами могучими,
Сам схватил татарина как за ноги,
Да как начал он татаринном помахивать,
Да как начал он татар поколачивать.
А куда ударит — падет улицей,
Перевернет — переулочком.
- 320 Говорит старый казак Илья Муромец:
„А и крепок татарин — не изломится,
А и жила-то у него не избьется“.
Только он это словечко вымолвил, —
Оторвалася головушка татарская.
Как тут улицей народ да повалится
А от той ли головушки татарской.
Выходил Илья да во чисто поле,
Стал свистать в свисток да богатырский.
На его на свист на богатырский
- 340 Прибежал тут конь да из чиста поля.
Садился старый казак да Илья Муромец
Он на своего бурушку косматого,
Перескочил на гору на высокую,
Посмотрел в кулак-то богатырский
По тому ли раздольицу чисту полю,
Насмотрел он в чистом поле семь белых шатров.
У шатров стоят да кони богатырские,
А едят пшено да белоярово.
Старый казак Илья Муромец
- 350 Отстегнул свой тугий лук разрывчатый,
Натянул тетивочку шелковую,
Наложил стрелочку каленую.
А сам ли стрелке приговаривал:
„Ты просвистни, моя стрелочка каленая,
А сорви-ка крышку со бела шатра,
А поди-ка ко моему ко крестному ко батюшке,
А к тому ли Самсону да Самойловичу,
А пади-ка ты к нему на белу грудь,
Дай не большую, не малую царяину“.
- 360 Как просвистнула тут стрелочка каленая,
А сорвала крышку со бела шатра,
Пала крестному батюшке на белу грудь.
У того ль Самсона у Самойлова
Был широкий крест да по всей груди,

От того ли звона да крестового
Пробужался тут Самсон Самойлович
От того ли да от крепкого сна.
Говорит Самсон Самойлович:
„Пробуждайтесь-ко от сна от богатырского,
³⁷⁰ Прилетел ко мне от крестничка подарочек“.
Заседлали коней богатырских
Все двенадцать да богатырей,
Поехали да по раздольицу чисту полю.
А ведь старый казак Илья Муромец
Он спускался с той горы да высокой
Во тое ли раздольице чисто поле,
Он к тем ли богатырям двенадцати.
Они съехались да поздоровались,
Говорит старый казак Илья Муромец:
³⁸⁰ „Ай же, братица мои крестовые,
Постоимте-ка за правду за отечество,
Постоимте-ка за церкви божии,
За того князя Владимира...
³⁸⁵ Там не знаю, дрались ли они с
этой силой, аль нет.





4. ПЕРВЫЙ БОЙ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ

Как спородила Добрыню родна матушка,
Да возростила до полного возраста.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Он охоч был ездить в поле за охотою,
Да стрелял он в поле гусей-лебедей.
Серых малых перелетных утенышей.
Говорила Добрыне родна матушка:

„Ай же, чадочко мое любимое,
Молодой Добрынюшка Микитинец!

- ¹⁰ А ты еддишь в поле за охотою,
А стреляешь ты в поле гусей-лебедей
Серых малых перелетных детенышей,
Да не едди-тка, Добрынюшка Микитинец,
Да не едди-тка на горы Сорочинские,
Не топчи-тка малых лютых змеенышей,
Да не едди-тка в Пучай-реку купатися,—
А Пучай-река есть очень быстрая:
Перва струечка идет так быстро-быстро,
А вторая струйка быстрее того,
²⁰ Третья струйка идет так, как огнем сечет.
Да не бесчести-тка Добрынюшка, замужних жен,
Да не бесчести-тка, Добрыня, красных девушек“.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Родной матушки своей не слушался.
Одевается Добрыня, снаряжается,
Одевает рубашечки-манишечки,
Одевает одежду все опальную,
А опальную одежду, да военную,
Брал с собой он да саблю острую,
³⁰ Свое длинное копьё да муржамецкое,
Да берет свой тугой лук разрывчатый,
Да набрал он много стрелочек каленных.
Выходил Добрыня на широкий двор,

Заходил в конюшню во стоялую,
 Брал коня за повода шелковые,
 Выводил коня он посреди двора,
 Стал заседлывать коня да закольчуживать.
 На коня покладывает войлук,
 А на войлук подтягивает подпóтничек,
⁴⁰ На подпóтничек сиделышко черкальское.
 Заседлал тут молодец добра коня,
 Дай поехал молодец из широка двора,
 С широка двора в раздольице чисто полё,
 Да проездил молодец по день поры,
 Да проездил молодец по другой день,
 Да проездил молодец по третий день,—
 Не наехал он не гуся да не лебедя,
 Да не серого перелетного утенышка,
 Припускал коня он богатырского,
⁵⁰ Сам вскочил на горы Сорочинские,
 Дай топтал он малых лютых змеенышей.
 Этие ли лютые змееныши
 Подточили Добрынину добру коню
 Ему резвые ноженьки по щеточкам.
 У молодого Добрынюшки Микитинца
 А конь на корзни да спотыкается.
 Так тут вспомнил Добрыня родну матушку:
 „Не велела мне ведь родна матушка.
 Она ездить на горы Сорочинские“.
⁶⁰ Так берет он в руки плеточку шелковую,
 А он бил коня да по тучным бедрам,
 По тучным бедрам меж ноги задние,
 А удары давал да все тяжелые.
 Его добрый конь да стал подсекаживать,
 Стал от ног змеенышей оттряхивать,
 По колену в землю стал угрызывать.
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Он спускался с той горы высокой
 Да во тое ли раздольице чисто полё,
⁷⁰ Сам посхал ко матушке Пучай-реке.
 Подъезжал ко матушке Пучай-реке,
 Становил коня на крутом бережке,
 Сам сходил на матушку сыру землю,
 Раздевал одежицу опальную,
 Да снимал рубашечки-манишечки.
 Тут случилось быть на крутом бережке
 Рукомойницам да беломойницам —
 Они мыли платица все белые.
 Говорят дуродню добру молодцу:

- ⁸⁰ „Ай же ты, дуродный добрый молодец!
А ведь в нашей матушке Пучай-реке
Многи добры молодцы искупаются,
Они купаются в полотняных рубашечках“.
Говорит Добрыня красным девушкам:
„Беломойницы вы, да портомойницы,
А вы знайте-тко да сами про себя,
Про Добрынюшку вы не ведайте“.
Сам Добрыня в речку бросился,
Стал нырять от бережка ко другому.
- ⁹⁰ Захотелось Добрыне в другу струечку,
Заплывал Добрыня в третью струечку.
Как ведь в тую ли пору, в тое времечко,
Как с-под той ли западной сторонунки
Что ль не шум шумит да и не дождь дождит
Налетела Змеинище-Горынище,
В четырех глазах двенадцать хоботов.
Взлепетала языком человеческим:
„А ведь многие стары люди мне пророчили,
Что побьет Добрынюшка Змеинище,
- ¹⁰⁰ А теперь Добрынюшка в моих руках,
Что я знаю над Добрыней, то и сделаю—
Хоть сейчас Добрынюшку в полон возьму,
Нет—сейчас Добрынюшку в себе пожру,
Нет—сейчас Добрынюшку огнем пожгу“.
Она жжет Добрыне тело белое,
Она сыплет его искрой безутышнойей.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Видит—дело есть тут нех рошее,
А пожрет его Змеинище проклятая.
- ¹¹⁰ Так тут вспомнил Добрыня родну матушку:
„Не велела мне ведь родна матушка
Она ездить в Пучай-реку купаться“.
Сам нырнул от бережка ко другому,
Поскорешеньку вскочил на крутой бережок;
Ничего вблизи тут не случилось,
Ему нечем со змеем да приоправиться.
Усмотрел колпачек земли греческой,
Он схватил колпак, да ему мал попал,
Ему мал попал—да ровно три пуда.
- ¹²⁰ Он ударил Змеинище по хоботам,
А он сбил змею да на сыру землю,
На сыру землю да во ковыль-траву,
Поскорешеньку вскочил на грудь змеиную.
Во руках он держит свой булатный нож,
Хочет он срубить ей головы змеиние.

Так тут эта Змеинище проклятая
 Взлелетала языком человеческим:
 „Ай же ты, Добрынюшка Микитинец,
 Не руби-ка ты моих голов змеиных,
¹³⁰ А мы сделаем записи великие:
 Не съезжаться, не слетаться нам в чистом поли
 Да не делать боя-драки, кроволития“.
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Поскорешеньку вскочил с грудей змеиных.
 Они делали записи великие:
 „Не съезжаться, не слетаться во чистом поли,
 Да не делать боя-драки, кроволития“.
 Полетела змея да запокрякала:
 „Как же сыта я сегодня пообедала“.
¹⁴⁰ Тут летела змея да через Киев-град,
 Припадала ко князю на широкий двор,
 Унесла его любимую племянницу,
 Молодую Забаву дочь Путятичну,
 Унесла ее на горы Сорочинские,
 Да во тее ли во норы во змеиные.
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Одевает рубашечки-манишечки,
 Одевает одежду все опальную
 Да садится Добрыня на добра коня
¹⁵⁰ Дай поехал ко городу ко Киеву.
 Приезжал к себе он на широкий двор,
 Становил коня он посреди двора,
 Сам сходил на матушку сыру землю,
 Коня отдал паробкам любимым,
 Сам идет в палаты белокаменны,
 Раздевал одежицу опальную,
 Да садился за столички дубовые,
 Да на тее ли скамеечки окольные,
 Да посл он ествушки сахарные,
¹⁶⁰ Да попил он питьицев медвяных.
 Спать ложился на кроваточку тесовую,
 Да на тую ли перинушку пуховую.
 Опосля ведь он пути-дороженьки
 Родной матушке ничем не хвастает.





5. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ В ОТЪЕЗДЕ

- Как во стольном городе во Киеве
А да у ласкового князя Владимира
А ведь было пированьице, почёстен пир,
На многих князей, на многих бояров,
Да на сильных могучих богатырей,
Да на славных поляниц да разудалых.
А ведь красно солнышко на вёчере,
Да и хорош идет почёстен пир навеселе,
А в полсыта все наедались,
¹⁰ А в полпьяна все напивались.
А Владимир князь да стольнокиевской
Он по горенке столововой похаживал,
Между столички дубовые погуливал,
Да в хрустальные стекóлышки посматривал,
Пословесно князь Владимир выговаривал:
„Ой же вы, дуродни добры молодцы,
А ведь все вы, молодцы, да на честном пиру,
На честном пиру да пьяны, веселы,
Над собой невзгодушки не знаете.
²⁰ А кого бы мне послать во зёмлю дальнюю,
Да во ту ли во землю да во темную,
Да во ту ли орду, да хоробру Литву,
Ко тому ли королю литовскому,
Ко тому ли Ботияну Ботияновичу,
А свезти ему-то дани-выходы
За все стары годы и за нынешни,
Да за все времена да за досюлежни,
За немало поры-времечко — двенадцать лет,
За двенадцать лет да с половиною.
³⁰ Так тут все на пиру да призамолкнули,
Призамолкнули, призадумались,
А ведь старшая туличка за среднюю,
А ведь средняя туличка за младшую,

А от младшей тулички ответа нет.
 Таковых людей во граде не находится,
 Так ведь некому с данями повыехать.
 Из за тех тут из-за столичков дубовых,
 Из-за тех тут скамеечек окольных
 А вставал старый Спармеч, да сын Иванович.
⁴⁰ А ведь старый казак да Илья Муромец.
 Говорит он князю таковы слова:
 „Ай же, князь Владимир стольнокиевской,
 Не вели казнить, позволь мне вымолвить.
 А ведь был я на заставушке Московской,
 На Московской заставушке двенадцать лет,
 Так ведь мимо заставы казака Ильи Муромца
 А ведь конницей никто тут не проезживал,
 Дай пехотой никто тут не прохаживал,
 Дай ведь пестрый зверь тут не прорыскивал,
⁵⁰ Дай не птица, черный ворон, не пролетывал.
 Я бы знал кого послать повыехать
 А во тую ли во землю да во дальнюю,
 Да во тую ли во орду да во темную,
 Во темну орду, да во хоробру Литву,
 Ко тому ли королю литовскому,
 Ко тому ли Ботияну Ботияновичу,
 А свезги-то дани ему, выходы,
 За все стары годы да за нынешни,
 Да за все времена да за досюлежны,
⁶⁰ Не за мало поры-времечко — двенадцать лет,
 За двенадцать лет да с половиною.
 А пошли-ка ты Василия Казиминова“.
 Так тут князь Владимир стольнокиевской
 Поскорешеньку он поворот держал.
 А берет он свою чару во белы руки,
 Наливал он полную чару зелена вина,
 Да не малую стопу — в полтора ведра,
 Разводил ме ами все стоялыми,
 Подносил к молодому Васильюшке.
⁷⁰ Молодой Васильюшко Казимиров
 Поскорешеньку соскочит на резвы ноги,
 Принимает чарочку одной ручкой,
 Испивает чарочку одним духом.
 На ногах стоит Василий — не шатается,
 А он с князем говорит, так не мешается:
 „Благодарствуй, князь Владимир стольнокиевской,
 За твое за сладко вино, за водочку
 За твои за сладкие напигочки.
 А ведь еду я во землю дальнюю,

⁸⁰ Да во ту ли во орду да во темную,
 Во темну орду, да в хоробру Литву,
 Ко тому ли королю литовскому,
 Ко тому ли Ботияну Ботияновичу,
 А свези-то дани ему, выходы,
 За все стары годы и за нынешни,
 Да за все времена да за достояжны,
 Не за мало поры времячко — двенадцать лет,
 За двенадцать лет да с половиною.
 Только дай-ка мне еще в товарищи
 Ты молодого Добрынюшку Микитинца".
 Так туг князь Владимир стольнокиевской
 Поскорешеньку он поворот держал,
 А берет он свою чару во белы руки,
 Наливал он полну чару зелена вина,
 Да не малую он стопу — прлтора ведра,
 Разводил медами все стоялыми,
 Подносил к молодому Добрынюшке.
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Поскорешеньку соскочит на резвы ноги,
¹⁰⁰ Принимает чарочку одной ручкой,
 Испивает чарочку одним душком,
 На ногах стоит Добрыня — не шатается,
 А он с князем говорит, так не мешается:
 „Благодарствуй, князь Владимир стольнокиевской,
 За твое за сладко винцо-водочку,
 За твои за сладкие напитокочки.
 А ведь едем мы во землю дальнюю,
 Да во тую ли во орду да во темную,
 Во темну орду, да во хоробру Литву,
¹¹⁰ Ко тому ли королю литовскому,
 Ко тому ли к Ботияну Ботиянову,
 А свезем мы ему дани, выходы,
 За все старые годы да за нынешни,
 Да за все времена да за достояжны,
 Не за мало поры-времечко — двенадцать лет,
 За двенадцать лет да с половиною.
 Только дай-ка нам еще в товарищи
 Ты молодого Иванушка Дубровица,
 Чтоб тому ль Иванушке коней седлать
¹²⁰ Да тому ль Иванушке расседлывать,
 Ему плети подавать, нам плети принимать.
 Тут князь Владимир стольнокиевской
 Поскорешеньку он поворот держал,
 А берет он свою чару во белы руки,
 Наливал он полну чару зелена вина,

Да не малую стошу — на полтора ведра,
 Разводил медами все стоялыми,
 Подносил к молодому Иванушке.
 Молодой Иванушка Дубрович-та
 130 Покорешеньку соскочит на резвы ноги,
 Принимает он чарочку одной ручкой,
 Испивает он чарочку одним душком,
 На ногах стоит Ванюша — не шатается,
 А он с князем говорит, так не мешается:
 „Благодарствуй, князь Владимир стольнокиевской,
 За твое за сладко винцо-водочку,
 За твои за сладкие напитки.
 А ведь едем мы во землю дальнюю,
 Да во тую ли во орду да во темную,
 140 Во темну орду, да в хоробру Литву,
 Ко тому ли королю литовскому,
 Ко тому ли Ботияну Ботиянову,
 А свезем мы дани ему, выходы,
 За все за стары годы да за нынешни,
 Да за все времена да за досюлежны,
 Не за мало поры-временчко — двенадцать лет,
 За двенадцать лет да с половиною“.
 Из-за тех тут столичков дубовых,
 Из-за тех из-за скамеечек окольных
 150 А вставал Василий на резвы ноги.
 Стал Василий по горечке похаживать,
 Между столички дубовые погуливать,
 Пословесно князю выговаривать:
 „Ай же, князь Владимир стольнокиевской,
 А садись-ка, князь Владимир, на ременчат стул
 Да напиши-ка грамоту посыльную,
 Да бери-тко, князь Владимир, золоты ключи,
 Да иди на погребя глубокие,
 Принеси нам дани во белы руки“.
 160 Так тут князь Владимир стольнокиевской,
 А садился князь Владимир на ременчат стул
 Да писал он грамоту посыльную,
 Скоро-наскоро писал, сам запечатывал,
 Брал скоренько золоты ключи,
 Сам идет на погребя глубокие,
 Насыпал он первы мисы красна золота,
 А вторые мисы — чиста жемчуга,
 А он третья мисы — чиста серебра.
 Брал двенадцать лебедей, двенадцать кречмей,
 170 Подавал он дани во белы руки.
 Эти ли дурбдни добры молодцы,

А брали дани они подзапазушки,
 На пиру со всеми распростилися,
 А князю Владимиру в особину,
 И пошли от князя со честна пира,
 Со честна пира да на широкий двор.
 Они делали сговор между собой,
 Где им съехаться в раздольице чистом поли:
 Надо съехаться у камня у латыря,
 180 У того ли дуба, дуба у Невина,
 Да на тех ли на дорожках на крестовных.
 Они с дудругом тут распростилися,
 Разошлись по палатам белоканным.
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Приходил в свои палаты белоканные,
 Да садился Добрыня на ременчат стул,
 Очи ясные пустил во кирпичный пол.
 Увидала тут Добрыню родна матушка,
 Она стала тут Добрынюшку выпрашивать:
 190 „Ай же, чадошко мое любимое, молодой
 Добрынюшка Микитинец,
 Что невесел пришел ты со честна пира,
 Али пьяница-дурак ты приобганился,
 Али место на пиру было не по чину,
 Али чарочкой Добрынюшку приобнесли?“
 Говорит Добрыня таковы слова:
 „Ай же, свет моя ты родна матушка,
 А ведь место на пиру мне было по чину,
 А ведь чарочкой Добрыню не приобнесли,
 А ведь пьяница, дурак не приобганился,
 200 Только ты меня несчастного спородила.
 Лучше ты меня несчастного спородила
 Ты горячим бы белым камешком,
 Завертела б этот белый камешек
 В тонкий беленький полотняный рукавичек,
 Ты бежала б к окиян-мору глубокому
 И бросала б этот белый камешек
 А во тое окиян-море глубокое,
 И лежал бы тот белый камешек
 Веки-повеку без шевелимости;
 210 Буйны ветрушки по нем не веяли,
 Добры люди об Добрынюшке б не баяли.
 Нет, так ты б меня спородила
 Во Пучай-реку бы гоголиночкой,
 И стояла б эта мала гоголиночка
 Веки-повеку без шевелимости;
 Буйны ветрушки по нем не веяли,

Добры людюшки об нем не баяли.
 Нет, так ты б меня несчастного спородила
 На искат бы гору деревиночкой,
 И стояла б эта мала деревиночка;
 Тут съезжались бы богатыри могучие,
 Да привязывали б коней богатырских,
 Насыпали бы пшено да белоярово".
 Так тут свет честна вдова заплакала
 Женским голосом во всю голову:
 „Ай же, чадочко мое любимое,
 Молодой Добрынюшка Микитинец,
 Если б знала над тобой эту невзгодушку,
 Я б не так тебя несчастного спородила.
 Я бы силушкой тебя спородила
 Во того бы во Святогора во богатыря,
 Я бы возрастом тебя спородила
 А во старого казака Илью Муромца,
 Красотой бы я тебя спородила
 А во ласкового князя во Владимира,
 Я бы смелостью тебя спородила
 Во того ли Алешеньку Поповича,
 Я б богатством тебя спородила
 Во того ли во Дюка во Степанова,
 Я б поездочкой тебя спородила
 Во того ли во Михайлу да во Потяка,
 Я б походочкой тебя спородила
 Во того бы Ваську Долгополого".
 Молодой Добрынюшка Микитьевич,
 Одевается Добрыня, снаряжается,
 Одевает одежду военную,
 А военную одежду все опальную.
 Брал с собой да саблю острую,
 Свое длинное копьё да муржамецкое,
 Брал с собой он да налицу булатную,
 Дай берет свой тугой лук разрывчатый,
 Дай набрал он много стрелочек калённых,
 Брал с собой шалыгу подорожную.
 Выходил Добрыня на широкий двор,
 Заходил в конюшню во стоялую,
 Брал коня за повода шелковые,
 Выводил коня он посреди двора,
 Стал заседлывать коня, да закольчуживать.
 На коня подкладывал он войлучек,
 А на войлучек подкладывал подпотничек,
 На подпотничек — сидельшко черкальское;
 А подтяжечки в седле шелковые,

Они тянутся, так еще не рвутся,
 А ведь пряжка да красна золота,
 А они ли мокнут да не ржавеют,
 Стремена железа есть булатные,
 А они ли гнутся, так не ломаются.
 Заседлал тут молодец добра коня,
 Дай хотит вскочить он на добра коня,
 270 Дай хотит поехать с широка двора.
 Так тут свет честна вдова заплакала
 Женским голосом да во всю голову:
 „Ай же ты, моя любимая семеюшка,
 Молодая Настасья Микулична,
 А ты спишь во тереме златом вверху,
 Над собой невзгодушки не ведаешь.
 Закатается ведь наше красно солнышко
 А за thee ли за горушки высокие,
 Да за те ли за лесушки за темные.
 280 Уезжает твой Добрыня с широка двора,
 С широка двора в раздольице чисто поле,
 Так беги-тко поскореньку на широкий двор
 Из того ли терема высокого,
 Подбегай к Добрынину добру коню,
 Ко правому ко стремени булатному,
 Говори Добрыне не с упадкою,
 А куда он едет, куда путь держит,
 Когда ждать велит да когда поджидать,
 Да когда велит в окошечко посматривать“.
 290 Услыхала тут Настасьюшка Микулична,
 Поскореньку выбегала на широкий двор
 Из того ли терема высокого,
 А в одной рубашечке без пояса,
 Да в одних чулочках без чоботов,
 У ней женские волосы не убраны.
 Подбегала к Добрынину добру коню,
 Ко правому стремени к булатному,
 Говорила Добрыне не с упадкою:
 „Ой же ты, моя любимая державушка,
 300 Молодой Добрынюшка Микитинец!
 А куда ты едешь, куда путь держишь,
 Когда ждать тебя да когда поджидать,
 Да когда велишь в окошечко посматривать?“
 Говорит Добрыня таковы слова:
 „Ай же ты, моя любимая семеюшка,
 Молодая Настасья Микулична,
 Когда стала у меня про то выспрашивать,
 Так ведь буду я тебе про то высказывать.

Первых шесть годов ты прожди за меня,
 310 Других шесть годов ты прожди за себя,
 Так ведь пройдет пора-времечко двенадцать лет,
 Прибежит мой конь да из чиста поля,
 Из чиста поля да без наездничка,
 Так тогда, моя Настасьюшка Микулична,
 Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
 За крестьянина поди, хоть за боярина,
 Хоть за сильного могучего богатыря.
 Не ходи ты только замуж за Алешеньку,
 За того ли бабьего насмешника,
 320 А Алешенька Попович мне названный брат.
 Только видели Добрыню сядучись,
 А не видели его поедучись:
 Со двора он ехал не воротами,
 А из города он ехал не дорожкой,
 Его добрый конь да богатырский.
 Проскакал все стены городовые,
 Проскакал все башни трехугольные,
 А мелкие озера между ног пускал.
 Что не молния в чистом поле просвистнула,
 330 Тэк проехал Добрынюшка Микитинец.
 Нагонял он своих братьиц в крестовых.
 Они съехались, так поздоровались,
 Они делали сговор между собой —
 Куда им ехать, куда путь держать,
 Как им ехать во матушку темну орду.
 И поехали во матушку темну орду,
 Они день едут по красному по солнышку,
 Они в ночь едут по светлomu по месяцу.
 А ведь день за днем, как будто дождь дождит,
 340 А неделька за неделкой, как рска бежит,
 Так проходят поры-времечко по год поры,
 Так проходят поры-времечко по два году,
 Так проходят поры-времечко по три году.
 Приезжают на матушку темну орду,
 Приезжают к королю да на широкий двор,
 Становили коней посреди двора.
 Молодой Василий Казимиров
 Поскорешеньку соскочит со добра коня,
 А вздынул копые выше головы,
 350 Да спустил его он ниже пояса,
 Ниже пояса во матушку сыру землю.
 Тут привязывали коней богатырских,
 Проходили в палаты белокаменные,
 На пяту они двери поразмахнули,

Они крест кладут да по-писаному,
А поклоны ведут да по-ученому,
На все четыре сторонки поклоняются,
А тому ли королю во особину:

„Здравствуй, король Ботиян ты Ботиянович!“

360 Говорит король да таковы слова:

„Вы откудошни, дуродни добры молодцы,
Вы с какой земли да из какой орды,
А ведь как же вас да именём зовут,
Удалых вас звеличают по отчеству?“

Говорит Васильюшка Казимиров:

„Есть мы с матушки святой Руси,
Мы из стольного из города из Киева,
Мы от ласкового князя от Владимира,
Привезли, король, тебе мы дани да выходы

370 За все старые года да за нынешни,
За все времена да за досюлежны,
За немало поры-времечко — двенадцать лет,
За двенадцать лет да с половиною“.

Говорит король да таковы слова:

„Ай же вы, дуродни добры молодцы,
Где у вас бесчетна золота казна?“

Говорит Василий Казимиров:

„Ай же, король Ботиян ты Ботиянович,
А поехали из города из Киева,

380 Мы от ласкового князя от Владимира,
А Владимир-князь да стольнокиевской,
Он монеты покладывал все медные,
На телеги покладывал на ветхие,
А телеги наши в поле поломались,
Да монеты ваши там остатися.

Да не будут вам монеты веки-повеку.

Веки-повеку, пока Владимир жив“.

Король то это дело не слюбилося,
Не слюбилося да не в любив пришло,

390 Говорит король да таковы слова:

„Ай же вы, дуродни добры молодцы,
Вы приехали со матушки святой Руси,
Вы со стольного из города из Киева,
Вы от ласкового князя от Владимира,
У вас есть ли в стольном городе во Киеве,
У вас есть ли игра да шашечки,
И играют ли у вас во шапки-шахматны
Да во тее ли во елей во немецкие?“

Говорит Василий Казимиров:

400 „Ай же, король Ботиян ты Ботиянович,

А не знали мы утехы королевской,
 Да не знали мы ухватки молодецкой,
 У нас все игроки дома остались,
 Только есть у нас еще надеюшки
 На спаса, на пречисту богородицу,
 На своего брата крестового,
 На молодого Добрынюшку Микитинца".
 Проходили тут за столички дубовые,
 Да за тее ли скамеечки окольные,
¹¹⁰ Сидились играть во игру первую.
 Да тут король Ботиян Ботиянович
 Залагал свою бесчетну золоту казну,
 Молодой добрынюшка Микитинец
 Залагал он своего добра коня.
 Тут сыграли они игру первую,
 Так король Добрынюшку пообыграл,
 А он выиграл Добрынина добра коня.
 Молодой Добрынюшка Микитинец,
 Опосля ведь он с пути-дороженьки,
¹²⁰ Просмотрел ступень доски шашечной.
 Говорит Добрыня таковы слова:
 „Ай же, братцы мои крестовые,
 Проиграем здесь головки молодецкие,
 Какова пора, какое времечко,
 Постоимте ка, братцы, за друг друга".
 Тут сажались играть игру другую.
 Король Ботиян Ботиянович
 Залагал Добрынина добра коня,
 Молодой Добрынюшка Микитинец
¹³⁰ Залагал свою головку молодецкую.
 Тут сыграли они игру другую,
 Так Добрынюшка короля пообыграл,
 И он выиграл своего добра коня.
 Тут сажались играть игру третью.
 Молодой добрынюшка Микитинец,
 Залагал он своего добра коня,
 Король Ботиян Ботиянович
 Залагал свою бесчетну золоту казну.
 Тут сыграли они игру третью,
¹⁴⁰ Так Добрынюшка короля пообыграл,
 А он выиграл бесчетну золоту казну.
 Королю-то это дело не слюбилося,
 Не слюбилося да не в любив пришло.
 Говорит король да таковы слова:
 „Ай же вы, дуродни добры молодцы!
 Вы приехали из города из Киева,

Вы от ласкового князя от Владимира.
 У вас есть в стольном городе во Киеве,
 У вас есть ли стрельба да оружейная,
 450 А стреляют ли со луков со калёных,
 Попадают ли в колечечко серебряно,
 Во в серебряно колечко за пятьсот шагов?“
 Говорит Василий Казимиров:
 „Ай же, король Ботиян да Ботиянович!
 А не знали мы утех королевской,
 Да не знали мы ухватки молодецкой.
 У нас все стрелки дома остались,
 Только есть ещё у нас надеюшка
 На спаса, на пречисту богородицу,
 460 На своего братца крестового,
 На молодого Добрынюшку Микитинца“.
 Король Ботиян да Ботиянович,
 Говорит король да таковы слова:-
 „Ай же, слуги мои, вы слуги верные,
 А сходите-тка на погреба глубокие,
 Принесите-тка мой тугий лук,
 А мой тугий лук да что ль наилучший,
 Чтобы было с чего молодцу повыстрелить
 Да попасть в колечечко серебряно“.
 470 Тут идут татаровы поганые,
 На носилочках несут они тугой лук,
 Подают добру молодцу в белы руки.
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Стал тетивочку шелковую натягивать,
 У Добрыни тугий лук да стал полапывать,
 А полапывал, полапывал, взял да рёзоровал.
 Говорит Добрыня таковы слова:
 „А завозная лученочка пометная,
 А поношена да была брошена,
 480 Так мне не с чего молодцу повыстрелить,
 Пропустить мне стрелочку каленую
 По тому ли острию по ножевому
 Да попасть в колечечко серебряно“.
 Говорит король Ботиян да Ботиянович:
 „Ай же, слуги мои, вы слуги верные,
 А идите-тко на погреба глубокие,
 Принесите-тко вы мой тугий лук,
 А мой тугий лук да что ль наилучший,
 Чтобы было с чего молодцу повыстрелить“.
 490 Тут идут татарова поганые,
 На носилочках несут они тугий лук,
 Подают добру молодцу в белы руки.

Молодой Добрынюшка Микитинец
 Стал тетивочку шелковую натягивать,
 У Добрыни тугий лук да стал полапывать,
 А полапывал, полапывал, взял да рёзорвал.
 Говорит Добрыня таковы слова:
 „А завозная лученочка пометная,
 А поношена да была брошена,
⁵⁰⁰ Так мне не с чего молодцу повыстрелить,
 Попасть в колечечко серебряно“.
 Говорит король Ботиян Ботиянович:
 „Ай же, слуги мои, вы слуги верные,
 Принесите-тко вы мой тугий лук,
 А мой тугий лук да что ль нелучший,
 Чтобы было с чего молодцу повыстрелить“.
 Тут идут татарова поганые,
 На посилочках несут они тугий лук,
 Подают добру молодцу в белы руки.
⁵¹⁰ Молодой Добрынюшка Микитинец
 Стал тетивочку шелковую натягивать,
 У Добрыни тугий лук да стал полапывать,
 А полапывал, полапывал, взял да рёзорвал.
 Говорит Добрыня таковы слова:
 „Ай же, король Ботиян ты Ботиянович,
 А завозная лученочка пометная,
 А поношена да была брошена,
 Так мне не с чего молодцу повыстрелить,
 Пропустить стрелочку калёную
⁵²⁰ По тому острую по ножевому,
 Да попасть в колечечко серебряно“.
 Говорит Добрыня Микитинец:
 „Ай же, братец мой крестовый,
 А иди-ка к королю ты на широкий двор,
 Подойди ты к моему добру коню,
 Ко правому стремени к булатному,
 Принеси мой тугий лук разрывчатый“.
 Молодой Иванушка Дубрович-та
 Поскорешеньку идет он на широкий двор,
⁵³⁰ Подходил к Добрынину добру коню,
 Ко правому ко стремени к булатному,
 Отстегнул он тугий лук разрывчатый,
 Взял с собою стрелочки калёные.
 У молодого Добрынюшки Микитинца
 Во тупом конце были вплетены гусёлушка ербвчеты,
 А не для красы, не для уборчества,
 А для ради утехи молодецкой,
 Когда ездил в поле за охотою.

Молодой Иванушка Дубрович-та,
 540 Заиграл он во гуселышка еровчеты,
 Он наигрыши выигрывал хорошие,
 Так тут все игроки да прислушались,
 Молодые скоморохи придумались.
 „А ведь жили мы, братцы, веки-повеку,
 А такой игры ведь на свете не слыхано,
 Да на белом еще не видано“.
 Молодой Иванушка Дубрович-та
 Подавал он тугий лук Добрыне во белы руки.
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 550 Натянул тетивочку шелковую,
 Положил он стрелочку калёную,
 Сам он стрелке приговаривал:
 „Ты просвистни, моя стрелочка калёная,
 По тому острёю по ножевому,
 Попади в колечечко серебряно“.-
 Сам спускал тетивочку шелковую
 Во тую ли стрелочку калёную.
 Тут просвистнула стрелочка калёная
 По тому острёю по ножевому
 560 И попала в колечечко серебряно, —
 Разлетелось колечечко серебряно
 На две весом равных половиночки.
 Так тут король Ботиян Ботиянович
 Первый раз он стрелил, так перестрелил,
 Другой раз он стрелил, так не дострелил,
 Третий раз он стрелил, так попасть не мог.
 Королю-то это дело не слубилось,
 Не слубилось да не в любов пришло.
 Говорит король Ботиян Ботиянович:
 570 „Ай же вы, дурёдни добры молодцы,
 Вы приехали со матушки святой Руси,
 Вы со стольного из города из Киева,
 Вы от ласкового князя от Владимира,
 У вас есь ли в стольном городе во Киеве,
 У вас есь ли борьба да рукопашечна“.
 Говорит Василий да Казимиров:
 „Ай же, король Ботиян да Ботиянович,
 А не знали мы утех королевской,
 Да не знали мы ухватки молодецкой.
 580 У нас все борцы дома остались,
 Только есть у нас надеюшка
 На спаса, на пречисту богородицу,
 На своего братца крестового,
 На молодого Добрынюшку Микитинца“.

Король Ботиян Ботиянович
 Да молоденькой Василий Казимиров
 С молодым Иванушком Дубровичем
 Выходили на болхоны королевские
 Посмотреть на борьбу да рукопашечну.
⁵⁹⁰ Молодой Добрынюшка Микитинец,
 Выходил Добрыня на широкий двор,
 Ужаснулось его сердце богатырское:
 Видит, ходят татарова поганые,
 Между плечами широка сажень,
 Между глазами широка педень,
 Голова на плечах, как пивной котел, —
 Очень страшные татары, преужасные.
 Стал Добрынюшка по двору похаживать,
 Стал Добрынюшка татар поталкивать,
⁶⁰⁰ А поталкивать да попинывать,
 Стали татары по двору валяться.
 Пошло к Добрынюшке тут по-двое,
 Пошло к Добрынюшке десятчком,
 Отворилися ворота на широкий двор,
 Повалило силушки черным-черно,
 А черным-черно, как черна ворона.
 Тут вскричал Добрыня громким голосом:
 „Ай же, братцы мои, да вы, товарищи,
 Потеряем здесь головки молодецкие,
⁶¹⁰ Поспевайте-ка, братьицы, на выруку“.
 Да схватил татарина как за ноги,
 Да как начал он татаринном помахивать,
 А куда ударит — падет улица,
 Перевернет — переулочки.
 Молодой Васильюшко Казимиров
 Поскореньку соскочил с болхона на широкий двор,
 Да схватил Василий ось тележную,
 Да как начал осью той помахивать,
 Да как начал татар да поколачивать, —
²⁰ Выходили на матушку темну орду.
 Бились молодцы да трои суточки,
 Не сдаючи, да не пиваючи, да себе отдыху не даваючи.
 Они силу бьют так, что траву косят,
 А ведь сила в них не уменьшилася.
 Король Ботиян да Ботиянович
 Как тут видит дело есть нехорошее,
 А ведь силы стало мало ставиться,
 Говорит он Иванушке Дубровичу:
 „Ой, богатырь ты да святорусский,
⁶³⁰ Поезжай-ка ты по матушке темной орде,

Уговори-ка своих братьицев крестовых,
Пусть оставят мне хоть на семена.

Буду я платить вам дани, выходы,
Дани, выходы, пока я жив“.

Молодой Иванушка Дубрович-та
Поскорешеньку садился на добра коня

И поехал по матушке темной орде.

Нагонял он сильного богатыря,

Молодого Васильюшко Казиминова.

⁶⁴⁰ Он не смел заехать с личка белого,
А заехал к нему да с плеч могучиих,

Принакинул храпы он очень крепкие,

Становил он сильного богатыря,

Говорил ему он таковы слова:

„Ай же, братец мой крестовый,

Неужели ты не наобедался,

Ты оставь-ка силы хоть позавтракать,

Вы оставьте королю силы хоть на семена,

⁶⁵⁰ Будет он платить да дани, выходы,
Дани, выходы, пока он жив“.

Сам поехал по матушке темной орде,

Нагонял он сильного богатыря,

Молодого Добрынюшку Микитинца,

Он не смел заехать с личка белого,

А заехал к нему да с плеч могучиих,

Принакинул храпы он очень крепкие.

Молодой Добрынюшка Микитинец

А он первые храпы приборвал.

Молодой Иванушка Дубрович-та

⁶⁶⁰ Принакинул храпы он другие,

Становил он сильного богатыря:

„Ай же, братец мой крестовый,

Неужели ты не наобедался?

Ты оставь-ка силы хоть позавтракать,

Вы оставьте силы королю на семена,

Будет он платить ведь дани, выходы,

Дани, выходы, пока он жив“.

Так ведь этия дуродни добры молодцы

А брали друг друга за белы руки,

⁶⁷⁰ И пошли по матушке по темной орде,

Приходили к королю да на широкий двор.

Говорит король да таковы слова:

„Ай же вы, дуродни добры молодцы,

Проходите-тко в палаты белокаменны,

Да садитесь за столы дубовые,

Да за тее ли скамеечки окольные,

Да поешьте-ка вы ествушки сахарных,
Да попейте-тка вы питьецев медвяных".
Говорят дуродни добры молодцы:

⁶⁸⁰ "Глупый ты, король литовский,
Не учествовал нас молодцев приедучи,
Не учествовать нас молодцев поедучи".
Они сели на добрых коней, поехали
А во тое ли в раздольице чисто полё.
Они день едут по красному по солнышку,
Они ночь едут по светлому по месяцу,
А ведь день за днем, как будто дождь дождит,
А неделка за неделкой, как река бежит,
⁶⁹⁰ Проходит поры-времечко по год поры,
Проходит поры-времечко по два году,
Проходит поры-времечко по три году,
Приезжают на матушку святую Русь,
Да на тее ли дорожки на крестовые.
Молодой Васильюшко Казимиров
С молодым Иванушком Дубровичем
А поехали ко городу Чернигову.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Он поехал ко городу Киеву.

Он отъехал от дорожки от крестовой,
⁷⁰⁰ Подъезжал под славный под Невин дуб,
Сам сходил на матушку сыру землю,
Становил коня богатырского,
Раздернул он свой да бел шатер,
Насыпал копо пшено да белоярово,
Сам ложился спать да во белом шатре.
Не успел заснуть Добрыня еще крепким сном.
Как на тот на славный на Невин дуб
Прилетает голубь с голубинойчой,
Да как начал голубок прогурживать:

⁷¹⁰ "Ай же ты, молоденькой Добрынюшка,
А ты спишь в шатре да прохлаждаешься,
Над собой певзгудушки не ведаетшь:
Есть во стольном городе во Киеве,
А у ласкового князя у Владимира,
Есть хорош почестен пир, да пированьице,
На многих князей, на многих бояров,
Да на сильных могучих богатырей,
Да на славных полениц разудалых,
А твоя жена Настасьюшка Микулична

⁷²⁰ Идет замуж за Алешу за Поповича".
Молодой Добрынюшка Микитинец
Размахнул свои он очи ясные,

Поскорешеньку соскочит на резвы ноги,
 Захлопнул свой он бел шатер,
 Скоро-наскоро садится на добра коня
 И поехал дорожкой прямоезжейей,
 Прямоезжейей дорожкой в стольный Киев-град.
 Приезжал к себе он на широкий двор,
 Коня отдал парубкам любимым,
⁷³⁰ Сам идет в палаты белокаменны.
 На пятау он двери поразмахивал,
 А он низко всем да поклоняется,
 Родной матушке своей в особину:
 „Здравствуй, свет Мамерфа Тимофеевна!
 Я был сегодня во чистом полі,
 А я видел твоего сынка любимого,
 Молодого Добрынюшку Микитинца,
 Он поехал ко городу Чернигову,
 А меня послал ко городу ко Киеву
⁷⁴⁰ И велел тебе, матушка, поклон свезти.
 Велел сходить тебе на погреба глубокие,
 Принести его одежду скоморовчету, —
 Кунью шубку на одно плечко,
 Шапочку соболью на одно ушко,
 На ноженьки сапоженьки сафьянные,
 Принести его гуселушки еровчеты,
 Да велел сходить ко князю на почёстен пир
 Так тут свет честна вдова заплакала,
 Женским голосом да во всю голову:
⁷⁵⁰ „Во глазах, мужик, ты насмехаешься,
 Во глазах, собака, подлыгаешься.
 Если б была такая слава на святой Руси,
 Да что ездит мой Добрыня на добром коне,
 Не пришлось бы вам сюда съезжатися,
 Над моим двором да насмехатися“.
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 А он бьет челом по другой раз,
 А он желтыми кудрями до кирпичных пол:
 „Здравствуй, свет Мамерфа Тимофеевна!
⁷⁶⁰ А я был сегодня во чистом полі,
 А я видел твоего сынка любимого,
 Он поехал ко городу Чернигову,
 А меня послал ко городу ко Киеву,
 И велел тебе, матушка, поклон свезти,
 Велел сходить на погреба глубокие,
 Принести его одежду скоморовчету,
 Одеть кунью шубку на одно плечко,
 Одеть шапочку соболью на одно ушко,

Сапоженьки на ноженьки сафьянные,
 770 Принести его гусёлушки еровчеты,
 И велел сходить ко князю на почестен пир".
 Так тут свет честна вдова заплакала
 Женским голосом да во всю голову:
 „Ай же ты, мужик да деревенщина,
 Во глазах, собака, подлыгаешься,
 Во глазах, мужик, ты насмехаешься.
 Если б была такая слава на святой Руси,
 А что ездит мой Добрыня на добром кони,
 Не пришлось бы вам сюда съезжаться,
 780 Над моим двором да насмехаться".
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 А он бьет челом по третий раз,
 А он желтыми кудрями до кирпичных пол:
 „Здравствуй, свет Мамерфа Тимофеевна!
 А я был сегодня во чистом поле,
 А я видел твоего сына любимого,
 Молодого Добрынюшку Микитинца,
 Он поехал ко городу Чернигову,
 А меня послал ко городу ко Киеву,
 790 И велел тебе, матушка, поклон свезти,
 Велел сходить тебе на погреба глубокие,
 Принести его одежду скоморовчету,
 Одеть кунью шубку на одно плечко,
 Одеть шапочку соболью на одно ушко,
 Сапоженьки на ноженьки сафьянные,
 Да его гуселушки еровчеты,
 И велел сходить ко князю на почестен пир".
 Так тут свет честна вдова да призадумалась:
 „Неужель приехал Добрыня из чиста поля,
 800 Аль его товарищ очень близкий".
 Брала скоренько золоты ключи,
 Скоро шла на погреба глубокие,
 Принесла его одежду скоморовчету,
 Сапоженьки на ноженьку сафьянные,
 Кунью шубку на одно плечко,
 Шапочку соболью на одно ушко,
 Гуселышки его еровчеты.
 Молодой Добрынюшка Микитинец
 Одевает одежду скоморовчету,
 810 Говорит Добрыня родной матушке:
 „А росли ведь мы с Добрыней близко-поблизку,
 Так что нам одежица с ним ладится".
 Одед кунью шубку на одно плечко,
 Одед шапочку соболью на одно ушко,

Сапоженьки на ноженьки сафьянные,
 Взял с собой гуселушки ервчеты,
 Да свою шалыгу подорожную.
 Оделся молодым скоморошником
 И пошел ко князю на почестен пир.
 820 Приходил ко князю на широкий двор, —
 У ворот стоят да приворотнички,
 У дверей стоят да все придвернички.
 Этот молодой скоморошинка
 От ворот приворотничков отталкивал,
 От дверей придверничков отдергивал,
 А железные замочки в руках порвал,
 Сам зашел ко князю на почестен пир.
 Говорил он князю таковы слова:
 „Ай же, князь Владимир стольнокиевской,
 830 Укажите вы мне место скоморбчето“.
 Указали ему место скоморбчето —
 А по край ли печки на скамеечке.
 Этот молодой скоморошинка
 Заиграл в гуселушки ервчеты,
 Он наигрыши выигрывал хорошие.
 Так тут все игроки да прислушались,
 Молодые скоморохи придумались:
 „А ведь жили мы, братцы, веки-повеку,
 А такой игры на свете не видано,
 840 Да на белом еще не слыхано“.
 Так тут князь Владимир стольнокиевской
 Налил ему чару зелена вина,
 Да не малую стопу — на полтора ведра,
 Разводил медами все стоялыми,
 Подносил он малой скоморошинке.
 Этот молодой скоморошинка
 Поскореньку соскочит на резвы ноги,
 Принимает чарочку одной ручкой,
 Испивает чарочку одним душком,
 850 На ногах стоит он — не шатается,
 А он с князем говорит, так не мешается:
 „Благодарствуй, князь Владимир стольнокиевской,
 За твое за сладко винцо-водочку,
 За твои за сладкие напитки“.
 Этот молодой скоморошинка
 Заиграл он тут да игру другую,
 Спотешил князя Алешу Поповича.
 Князь налил ему чару зеленá вина,
 А не малую стопу — на полтора ведра,
 860 Разводил медами все стоялыми,

Подносил он малой скоморошинке.
 Этот молодой скоморошинка
 Поскорешеньку соскочит на резвы ноги,
 Принимает чарочку одной ручкой,
 Испивает чарочку одним душком,
 На ногах стоит он — не шатается,
 А он с князем говорит, да не мешается:
 „Благодарствуй, князь Владимир стольнокиевской,
 За твое за сладко вишчо-водочку,
 870 За твои за сладкие напитокочки“.
 Этот молодой скоморошинка
 Заиграл он да игру третью,
 Так тут все на пиру да приослушались,
 Молодые скоморохи приодумались:
 „А ведь жили мы, братцы, веки-пóвеку,
 Такой игры на свете не видано,
 Да на белом еще не слыхано“.
 Говорит Настасьюшка Микулична:
 880 „Хоть не мой ли Добрынюшка Микитинец:
 А игра-то есть очень знакомая“.
 Так тут князь Владимир стольнокиевской
 Паливал он полную чару зелена вина,
 Да не малую стопу — на полтора ведра,
 Разводил медами все стоялыми,
 Подносил он малой скоморошинке.
 Этот молодой скоморошинка
 Поскорешеньку соскочит на резвы ноги,
 Принимает чарочку одной ручкой,
 890 Испивает чарочку одним душком,
 На ногах стоит — да не шатается,
 А он с князем говорит — да не мешается.
 Говорит он князю таковы слова:
 „Ай же, князь Владимир стольнокиевской,
 Как сыграл я игру первую,
 Я спотешил тебя, князя Владимира,
 Ты мне налил чару зелена вина,
 Так позволь налить мне чару зелена вина,
 Поднести тебе, князю Владимиру“.
 900 Князь позволил налить чару зелена вина.
 Этот молодой скоморошинка
 Налил полную чару зелена вина,
 Подносил он князю да Владимиру,
 Так тут князь Владимир стольнокиевской
 Принимает чарочку одной ручкой,
 Испивает чарочку одним душком,
 На ногах стоит — да не шатается,

А со скоморохом говорит — да не мешается:
 „Благодарствуй тебя, мала скоморошинка,
 За твое ли сладко вино-водочку,
 910 За твои ли сладкие напитокочки“.
 Этот молодой скоморошинка
 Говорит он князю таковы слова:
 „Ай же, князь Владимир стольнокиевской,
 Как сыграл я игру другую,
 Ты мне налил тоже зелена вина,
 Как сыграл я игру третью,
 Я спотешил княгиню обручённую,
 Ты налил мне чару зелена вина,
 Так позволь налить мне чару зелена вина,
 920 Поднести княгине обручённой“.
 Князь позволил налить чару зелена вина.
 Этот молодой скоморошинка,
 Наливает полную чару зелена вина;
 Не малую стопу — на полтора ведра,
 Разводил медами все стоялыми,
 Подносил княгине обручённой,
 И спустил туда свой златен перстень,
 С которым с Настей в церкви обручались.
 Говорит ей да таковы слова:
 930 „Ай же ты, Настасьюшка Микулична,
 Если хошь добра, так чару пей до дна,
 А не хошь добра, так не пей до дна“.
 Молодая Настасьюшка Микулична,
 Она женщина была неглупая,
 Выпивала чарочку до доньшка,
 Подкатился к ней к устам сахарным,
 Подкатился ей златен перстень,
 С которым с Добрыней в церкви обручались.
 Она топнула чарочку о злот стол,
 940 Захватила за плечи за могучие,
 Она прыгнула к Добрыне через злот стол,
 Говорила Добрыне, слезно плакала:
 „Ты прости меня, Добрынюшка Микитинец,
 Ты прости меня да в вине женской,
 Что я твоего наказа не послушалась,
 За Алепу за Поповича замуж пошла.
 Не охотою пошла я, под угрозою:
 Как уехал ты в поле биться-ратиться,
 Принежидает Але на из чиста поля,
 950 А привез он мне весточку нералостну,
 Что побит Добрыня во чистом поли.
 Так тут князь Владимир стольнокиевской

На беседу стал ко мне похаживать,
 За Алешу замуж меня подговаривать,
 Подговаривать, а сам угроживать:
 „Не пойдешь ты если за Алешеньку,
 Так не будет тебе места в Киеве,
 Да не будет тебе места и за Киевом.
 Так пошла тогда я за Алешеньку“.
⁹⁶⁰ Говорит Добрынюшка Микитинец:
 „Я прошу тебя да вине женской,
 Что ты моего наказа не послушала,
 За Алешу за Поповича замуж пошла,
 А у бабы волос долог, ум короток есть“.
 Сам схватил Алешу за желты кудри,
 Да как дернет он Алешу через золот стол,
 Да как топнет он Алешу о кирпичный пол,
 Распахнул свою одежду скоморовчету,
 Достает шалыгу подорожную.
⁹⁷⁰ Да как начал он шалыгою охаживать
 А того ли Алешеньку Поповича,
 А ведь сам Алеше приговаривал:
 „Ты зачем слезнил родну матушку?
 Ты зачем слезнил да молоду жену?“
 А Владимир-князь стольнокиевской,
 Он по горенке в кружки бегаёт,
 Куньей шубкою укрывается,
 А ведь сам Добрыню уговаривал:
 „Молодой Добрынюшка Микитинец,
⁹⁸⁰ На пиру есть драться дело нехорошее“.
 Говорит Добрыня таковы слова:
 „Ай же, глупый князь Владимир стольнокиевской,
 За тебя я уехал в поле биться-ратиться,
 Постоять за правду, за отечество,
 Так свою-то жену так сам спать ведешь,
 А чужую-то жену так замуж даешь!“
 Тут случилось быть да на честном пиру
 А ведь старому казаку Илье Муромцу.
 Говорит казак Ильи Муромец:
⁹⁹⁰ „Молодой Добрынюшка Микитинец,
 Не убей ты из-за женщины богатыря,
 А он силою не силен, так напұском смел“.
 Говорит Алеша, только охая:
 „А ведь всем женитьба удаётся,
 А ведь мне, несчастному Алешеньке,
 А ведь только я, Алешенька, женат бывал,
 Да ведь только я, Алешенька, с женой сыпал“.
 Молодой Добрынюшка Микитинец

Захватил Настасью за белы руки,
1800 За ее за рученьки за белые,
За ее за перстни за злаченные,
И пошли от князя со честна пира,
Со честна пира да на широкий двор,
И пошли в свои палаты белокаменны.
Увидала тут Добрыню родна матушка,
Во тое ли хрустальное стеколышко,
Поскореньку выбегала на широкий двор,
Подбегала к Добрынюшке близешенько,
Брала их за рученьки за белые,
1010 За их перстни золочёные,
Целовала во уста сахарные,
Целовала, сама слезно плакала,
Говорила она да таковы слова:
„Воссияло наше красно солнышко,
Приехал мой Добрыня из чиста поля“.
Проводила их в палаты белокаменны,
Садила их за столички дубовые,
За тее ли скамеечки окольные,
Кормила их ествушкой сахарней,
1020 Да поила их питьицем медвяным,
Спать ложила на кроваточку тесовую,
Да на тую ли перинушку пуховую,
Закрывала одеяльцами все теплыми.
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Опосля ведь он пути-дороженьки,
Родной матушки ничем не хвастает.
Да ведь тем былиночка покончилась.





6. СТАВЕР ГОДИНОВИЧ И ВАСИЛИСА НИКУЛИЧНА

Как Владимир-князь да стольнокиевской
Заводил почестен пир да пированьеце,
На многих князей, на многих бояров,
Да на сильных, могучих богатырей,
Да на славных полениц да разудалых.
А ведь красно солнышко на вечери,
Да хорош идет почестен пир навесели.
В полсыта тут все да наедались,
В полпьяна тут все да напивались,

¹⁰ Поднаелись, поднапились, порасхвастались:

Умный хвастает отцом да матерью,
Неразумный хвастал молодой женой,
Иной хвастался имением, богатством,
Иной хвастался ухваткой богатырской,
А Владимир князь да стольнокиевской,
Он по горенки столовоей похаживал,
Между столичка дубовое погуливал,
Пословесно князь Владимир выговаривал:

„А ведь все вы, молодцы, да на честном пиру

²⁰ Поднаелись, поднапились, порасхвастались.

А один сидит да гость черниговский,
Он не ест, не пьет да все не кушает,
Моей белой лебеди не рушает,
Да ничем молодец не хвастает, —
Верно нечем черниговцам похвастаться“.
Из за тех тут столичков дубовых,
Из-за тех ли за скамеечек окольных,
А вставал Ставер да на резвы ноги.

Говорит Ставер да таковы слова:

³⁰ „Ай же, князь Владимир стольнокиевский,
Мне похвастать, не похвастать молодой женой,
Василисой дочерью Никуличной, —
Как во лбу-то у нее светел месяц,
По косицам у нее да звезды чистые,

Она всех твоих князей продаст да выкупит,
 А тебя, князя Владимира, с ума сведет
 Со своей Апраксией-королевичной".
 Так тут князь Владимир стольнокиевский,
 А вскричал тут князь да громким голосом:
⁴⁰ „Ай же, слуги мои, да слуги верные,
 А берите-ка Ставра да за белы руки,
 За его за перстни за злаченные,
 Отведите-ка во погреба глубокие,
 За его за речи неумелые,
 Не на мало времечки, на три году.
 А посмотрим, как его да молода жена
 Муженька из погреба повыкупит,
 А меня, Владимира, с ума сведет
 Со моею Апраксией-королевичной".
⁵⁰ Так подходят слуги, слуги верные,
 А берут Ставра за рученьки за белые,
 За его за перстни за злаченные,
 Проводили во погреба глубокие,
 Посадили за решеточки железные.
 Как приходит тут весточка нерадостна,
 А нерадостная весть да во Чернигов-град,
 К молодой ли Василисе дочь Микуличной,
 Что посажен ее Ставер Годинович
 За похвальные речи неумелые,
⁶⁰ А посажен во погреба глубокие,
 За тее ли решеточки железные,
 Что похвастал у князя на честном пиру
 Своей ли Василисушкой Микуличной.
 Молодая Василиса дочь Микулична
 Скоро-наскоро думушку обдумала,
 Приказала к себе да полихмахеров,
 Отстригала русы долги волосы,
 Одевалась в мужские платица,
 Одевала одежду опальную,
⁷⁰ А опальную одежду, все военную,
 Да брала с собою саблю острую,
 Свое длинное копье да муржамецкое,
 Да берет свой тугой лук разрывчатый,
 Да набрала много стрелочек каленых,
 Да писала грамотку посыльную.
 Набрала себе дружину сорок молодцев,
 Назвала себя грозным послом,
 А грозным послом собаки-царя Калина,
 Молодым Василием Окуличем.
⁸⁰ Они сели на добрых коней, поехали

Ко тому ли городу ко Киеву.
 Приезжают под славный стольный Киев-град,
 Становили коней во чистом полі,
 Пораздернули шатры да полотняные.
 Молодой Василий да Окулович,
 Он свою дружинишку хоробрую
 Оставил всю да во чистом полі,
 Во чистом полі да во белых шатрах,
 Сам поехал один да во Киев град.
⁹⁰ Приезжал ко князю на широкий двор,
 Стайовил коня он посреди двора,
 Сам идет в палаты белокаменны,
 На пятау он двери поразмахивал,
 Прямо шел по горенке столовой,
 Полагает грамотку на золот стол,
 Пословесно князю выговаривал:
 „Ай же, князь Владимир стольнокиевский,
 Я грозен посел собаки-царя Калина,
 Молодой Василий Окулович,
¹⁰⁰ Ты очисти, князь Владимир стольнокиевский,
 Да очисти-тка ты улицы широкие,
 Да поставь-ка бочки с зеленым вином,
 Чтобы было чем татарам позабавиться,
 Да очисти, князь Владимир, церкви божие,
 Церкви божие под стойла лошадиные,
 Все очисти это в трое суток.“
 Так тут князь Владимир з кручинился,
 Закручинился да запечалился.
 Говорит грозен посел собаки-царя Калина,
¹¹⁰ Молодой Василий Окулович,
 Говорит он князю таковы слова:
 „Ай же, князь Владимир стольнокиевский,
 А отдай ка за меня свою племянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну“.
 На великих радостях Владимир-князь:
 „Я пойду с племянницей проводаю“.
 Говорит он Забаве таковы слова:
 „Поди замуж за грозна посла
 Молодого Василия Окулича“.
¹²⁰ Говорит Забава таковы слова:
 „Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный,
 Не наддай смеху по святой Руси,
 Ты не выдай-ка девицу за женщину:
 Как приметы у нея да все по-женскому.
 Как по уличке идет, так как уточка плывет.
 По ступеньшкам ступает потихохонько,

- На лавочке сидит — коленца вместо жмет,
 Душки от колечек на ручках зная,
 Голос у нея как будто с прозвизгом,
 130 Глаза с поволокою поваживает“.
- Говорит Владимир таковы слова:
 „Я пойду посланничка отведаю“.
- Говорит он послу да таковы слова:
 „Ай же ты, Василий да Окулович,
 Не угодно ль выйти на широкий двор,
 С моими молодцами позабавиться,
 Поборотися борьбой да врукопашную“.
- Молодой Василий Окулович
 Выходил ко князю на широкий двор,
 140 Поборол его да всех богатырей.
- Плюнул князь Владимир да и прочь пошел:
 „Глупая, Забава, неразумная,
 Называет женщиной богатыря“.
- Говорит Забава таковы слова:
 „Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный,
 Не надейся смеху по святой Руси,
 Ты не выдай девицу за женщину“.
- Говорит Владимир таковы слова:
 „Я пойду посланничка отведаю“.
- 150 Говорит он послу да таковы слова:
 „Молодой Василий Окулович,
 Не угодно ль пострелять да из туга лука,
 Со мною с князем позабавиться“.
- Молодой Василий Окулович
 Выходил он с князем во чисто поле,
 Натянул тетивочку шелковую,
 Наложил он стрелочку каленую,
 Дай спустил тетивочку шелковую
 Во тую ли стрелочку каленую.
- 160 Просвистнула тут стрелочка каленая
 По тому острию по ножевому.
 Разлетелся дуб на черни на ножевые,
 Плюнул князь Владимир да и прочь пошел:
 „Глупая Забава, неразумная,
 Называет женщиной богатыря“.
- Говорит Забава дочь Путятична:
 „Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный,
 Не надейся смеху по святой Руси,
 Ты не выдай-ка девицу за женщину“.
- 170 А приметы у нея ведь все по-женскому“.
- Говорит Владимир таковы слова:
 „Я пойду посланничка отведаю“.

Так стопили тут да парну баенку.
 Посмотреть хотят Василия Окулича.
 Молодой Василий Окулович,
 Проходя он в парну баенку,
 Не снимал одежды военной,
 А помыл одну он буйну голову.
 Как приходит князь Владимир в баенку,
 180 Говорит он таковы слова посланничку:
 „Молодой Василий да Окулович,
 Что ж ты мало мылся, парился?“
 Говорит Василий Окулович:
 „Ай же, князь Владимир стольнокиевской!
 А ведь мылся я и парился
 По-походному да по-сторожному“.
 Плюнул князь Владимир да и прочь пошел.
 „Ай же глупая, Забава, неразумная,
 Называет женщиной богатыря“.
 190 Говорит Забава таковы слова:
 „Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный,
 Не наделай смеху по святой Руси,
 Ты не выдай девицы за женщину.
 А приметы у нее да все по-женскому“.
 Говорит Владимир таковы слова:
 „Я еще посланничка отведаю,
 Положу его спать в отдельную спаленку.
 Если будет ямочка
 То ведь будет это женщина,
 200 Если будет ямочка под плечами,
 То ведь будет дуродный добрый молодец“.
 Положили спать Василия Окулича
 А его в отдельну спаленку,
 На замочки закрыли золоченые.
 Поутру вставал Владимир-князь ранешенько.
 Он пришел будить Василия Окулича.
 Молодой Василий да Окулович
 210 Повернул подушки в другую сторону. —
 Как на той ли перинушке пуховой
 Очутилась ямочка под плечами.
 Плюнул князь Владимир да и прочь пошел.
 Больше Забавы он не спрашивал.
 Приставали играть почестну свадьбу,
 Заводили пированьице — почестен пир.
 Молодой Василий Окулович
 Во время пира да невесел сидит.
 Говорит Владимир таковы слова:
 „Что невесел сидит да мой племянничек?

- Верно ествушки мои сахарные,
220 Верно питыца мои медвяные
А племянничку да не по-разуму“.
Говорит Василий Окулович.
„Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный.
А сгрустнулося мое сердечушко
А по батюшке да по матушке,
Что играю я один да честну свадебку.
У тя нет ли здесь да загусельщиков,
Загусельщиков, да затюремщиков.
У тя есть Ставер Годинович,
230 Он хорошо играл в гуселышка еровчеты,
Пусть сыграет он в гуселышка еровчеты,
Спотешит твоего племянничка“.
Так тут князь Владимир пораздумался:
„Если дать Ставра, так не видать Ставра.
А не дать Ставра, так разгневить посла“.
Говорит тут князь Владимир таковы слова:
„Ай же, слуги мои, вы слуги верные,
Приведите-тко Ставра да на почёстен пир“.
Приводили Ставра тут на почёстен пир.
240 Говорит Василий Окулович:
„Ай же ты, Ставер Годинович,
А поедем-ка с тобой мы во чисто поле
Посмотреть моей рать-силы великоей“.
Они вышли от князя со честна пира
И поехали в раздольице чисто поле.
Приехали к дружинушке хороброей.
Молодая Василиса дочь Микулична
Заходила поскореньку во белой шатер,
Одевала платыца все женския,
250 Поскореньку выходила со бела шатра.
Говорила Василиса дочь Микулична:
„Ай же ты, Ставер Годинович,
Узнаешь ли Василису дочь Микуличну?“
Говорит Ставер Годинович:
„Молодая Василиса дочь Микулична,
А поедем-ка с тобой мы во Чернигов-град“..
Говорит Василиса дочь Микулична:
„Не поедем мы крадучись из Киева,
А поедем-ка с тобой мы во Киев-град,
260 Да будем-ка мы свадебку доигрывать“.
Приезжают ко князю на широкий двор,
Прямо шли в палаты белокаменны.
Говорит Василиса дочь Микулична:
„Глупый князь Владимир стольнокиевский:

Я не грозен посол собаки-царя Калина,
А я есть Ставрова молода жена,
Молодая Василиса дочь Микулична,
А приехала я свадебку доигрывать".
Говорит тут князь Владимир стольнокиевский:
"Ай же ты, Ставер Годинович,
Знал похвастаться своею молодой женой,
Что она всех князей моих продаст да выкупит,
А меня, Владимира, с ума сведет,
Так торгуй ты в Нове-городе да во Чернигове,
Да торгуй еще во Киеве безо всяких даней да
без поплины".
Да ведь тем былиночка покончилась.





7. КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Из того ли города из Крякова,
Из того ли села да из Березова,
Да из той ли улицы Рогатицы,
Из того ль подворья королевского,
Выезжал дуродний добрый молодец,
Молодой Петра Петрович, королевский сын,
Выезжал ли в поле за охотою.
Да проездил молодец по день поры,
Да проездил молодец по дру́гой день,
¹⁰ Да проездил молодец по третий день,
Не наехал он на гуся да на лебедя,
Да на серого перелетного утешника.
Подъезжал ко славному синю́ морю,
Да смотрел на тихой на загубьи,
Да на том зеленоем на затресьи,
А ведь плавали там две лебедушки.
Молодой Петра Петрович, королевский сын,
Скоро тугой лок разрывчатый отстегивал,
Натянул тетивочку шелковую,
²⁰ Наложил он стрелочку каленую,
Хочет подстрелить двух белых лебедушек.
Этия ли две лебедушки
Взлепетали языком человеческим:
„Ай же ты, дуродний добрый молодец!
А ведь мы-то есть не две лебедушки,
А ведь мы-то есть две красных девушки,
Две прекрасных Настасии Митриевичны,
Митриевичны, ведь мы царевичны.
А летаем мы от пана от поганого,
³⁰ От того ли Федора Иванова,
Улетали к вам на матушку святую Русь.
Хоть подстрель ты нас двух белых лебедушек,
Не укрятоешь плеча могучего,
Не утешить тебе сердца богатырского:
Нашу кровь прольешь ты во сыру воду,

Нашу тушицу ты опустишь в глубокую воду,
 Наши перья разнесет да по синюю морю.
 Поезжай-ка ты в раздольице чисто поле,
 А под той под славной под кряковый дуб.
⁴⁰ А убей там птицу — черна ворона.
 А сидит там птица — ворон черная,
 А ведь крыльица у ворона черным-черны,
 А ведь перьяца у ворона белым-белы,
 Пора пущены крыльица до матушки сырой земли.
 А такой ведь птицы на свете не видано,
 Да на белом еще не слыхано".
 Так стоит тут молодец да пораздумался:
 „Хоть подстрелю я двух белых лебедушек.
 Не укрятю плеча могучего,
⁶⁰ Не утешить мне сердца богатырского.
 Ихню тушицу спущу я в глубокую воду,
 Ихню кровь пролью я во сырую воду,
 Ихни перья разнесет да по синюю морю.
 Не укрятю плеча могучего,
 Не утешить мне-ка сердца богатырского".
 Так снимал он стрелочку каленую,
 Дай пускал тетивочку шелковую,
 Скоро тугой лук разрывчатый пристегивал.
 Повернул коня он во чисто поле
⁶⁰ И поехал под славный под кряковый дуб.
 Приезжал под славный под кряковый дуб,
 Усмотрел он птицу — черна ворона.
 А сидит там птица — ворон черная,
 А ведь крыльица у ворона черным-черны,
 А ведь перьяца у ворона белым-белы,
 Пораспущены крыльица до матушки сырой земли.
 А такой ведь птицы на свете не видано,
 Да на белом еще не слыхано.
 Молодой Петра Петрович, королевский сын,
⁷⁰ Скоро тугой лук разрывчатый отстегивал,
 Натянул тетивочку шелковую,
 Наложил он стрелочку каленую,
 Хочет подстрелить он птицу — ворон черную.
 Этая ли птица — ворон черная,
 Взлепетала языком человеческим:
 „Ай же ты, дуродный добрый молодец,
 Хоть подстрелишь ты меня. птицу — ворон
 черную,
 Мою кровь прольешь ты по сырую дубу,
 Мою тушицу ты спустишь на сырую землю,
⁸⁰ Мои перья разнесет да по чистой полю,

Не укрятаешь плеча могучего,
 Не утешить тебе сердца богатырского.
 А слыкал ли поговору на святой Руси:
 В келье старца убьешь — ведь есть не спасенье,
 Черна ворона подстрѣлить — корысть не получишь.
 Поезжай-ко ты во стольный Киев-град,
 А у ласкового князя у Владимира
 Есть хорош почестен пир да пированьице,
 На многих князей, на многих бояров,
 90 Да на сильных могучих богатырей,
 Да на славных полѣниц да разудалых".
 Так стоит тут молодец да пораздумался:
 „Хоть подстрѣлю я птицу — ворон черную,
 Его кровь пролью я по сыру дубу,
 Его тушицу спущу я на сыру землю,
 Его перья разнесет да по чисту полю,
 Не укрятаю плеча могучего,
 Не утешить мне-ка сердца богатырского.
 А слыкал я поговорку на святой Руси:
 100 В келье старца убить — ведь есть не спасенье,
 Черна-ворона подстрелить — корысть не получить".
 Так снимает он стрелочку каленую,
 Дай спускал тетивочку шелковую,
 Скоро тугой лук разрывчатый пристегивал.
 Как ведь в тую ли пору, в тое времечко,
 А кричит татарин во чистом поли,
 А он кличет-выкликает поединщика,
 Супротив себя он супротивничка,
 На чистом поле себе наездничка:
 110 „Ай же, князь Владимир стольнокиевской!
 Как не дашь мне в поле поединщика,
 Супротив меня да ты наездника,
 Твоих черных мужиков я всех новырублю,
 Твои церкви божьи все на дым пуцу,
 А тебя, князя Владимира, в полон возьму,
 А в полон возьму да голову срублю
 Со своей Опраксией королевичной".
 Так стоит тут молодец да пораздумался:
 „Если ехать мне дорожкой окольной,
 120 То не честь-хвала мне будет от богатырей,
 Да не выслуга от князя от Владимира.
 Если ехать мне дорожкой прямоезжею,
 То побьет меня татарин во чистом поли,
 Во чистом поли да на добром кони".
 Так просил себе он бога на помощь,
 Припускал коня он богатырского

- А во тое ли раздольице чисто поле.
 Он наехал во чистом поли татарина,
 Он заехал к нему да с личка с белого.
- 130 Они съехались да поздоровались,
 Они делали сговор между собой:
 Как им силушки у друг друга отведали.
 Разгоняли коней по чисту полю,
 Приударились во сабли острия—
 Ихни сабли в руках да погибалися,
 Да по маковкам да отломилися,
 Не могли сбить друг друга с добрых коней,
 Ни которого местечка не кровавили.
 Разгоняли коней по другоу раз,
- 140 Приударились во палицы булатные —
 Ихни палицы в руках да погибалися,
 Да по маковкам да отломилися.
 Не могли сбить друг друга с добрых коней,
 Ни которого местечка не кровавили.
 Разгоняли коней по третий раз,
 Приударились во копы муржамецкие —
 Ихни копы в руках да погибалися,
 Да по маковкам да отломилися.
 Не могли сбить друг друга с добрых коней.
- 150 Ни которого местечка не кровавили.
 Так сходили на матушку сыру землю,
 Стали драться боем-рукопашкою.
 Молодой Петра Петрович, королевский сын,
 Приучен весьма бороться об одной ручке.
 Подходил он к татарину близешенько,
 Он поднял татарина на косу бедру,
 Дай сдвинул его он выше головы,
 Дай спустил его он ниже пояса,
 Ниже пояса — на матушку сыру землю.
- 160 Поскорешенько соскочит на белы груди,
 Во руках он держит свой булатный нож,
 Хочет он срубить да буйную головушку.
 Его правая рука в плече да застоялася,
 Во очах у него свет да помутнеется.
 Так он начал татарина выпрашивать:
 „Ты скажи мне, паленица разудалая,
 Ты с какой земли да из какой орды,
 Ты какого отца да ты есть матери,
 А ведь как тебя да именем зовут,
 170 Удалого звеличают по отчеству?“
 Говорила поленица, горько плакала:
 „Ай же ты, мужик да деревенщина,

Тебе просто надо мною надсмехаться,
Как стоишь ты на моих на грудях белых,
Во руках ты держишь свой булатный нож,
Хочешь ты срубить мне буйную головушку.
Если был бы я да на твоей груди,
Не спросил бы я ни батюшки, ни матушки.
Отрубил бы я тебе буйну головушку“.

¹⁸⁰ Разгорелось сердце у богатыря,
У молодого Петра Петровича,
Так сдвинул он ручку праву выше головы,
Дай хотит спустить он ниже пояса.
Его правая рука в плече да застоялася,
Во очах у него свет да помутнеется.
Так он начал поленицу тут выпрашивать:
„Ты скажи мне, поленица разудалая,
Ты с какой земли да из какой орды?
Ты какого отца да ты есть матери,
¹⁹⁰ А ведь как тебя да именем зовут,
Удалого звеличают по отчеству?“
Говорила поленица, слезно плакала:
„Ай же ты, мужик да деревенщина,
Тебе просто надо мною насмехаться,
Как стоишь ты на грудях белых,
Во руках ты держишь свой булатный нож,
Хочешь ты срубить мне буйную головушку..
Если был бы я да на твоей груди,
Не спросил бы я ни батюшки, ни матушки,
²⁰⁰ Отрубил бы я тебе буйну головушку“.

Разгорелось сердце у богатыря,
У молодого Петра Петровича,
Заздынул он ручку праву выше головы,
Да хотит спустить он ниже пояса.
Его правая рука в плече да застоялася,
Во очах у него свет да помутнеется.
Так он начал поленицу тут выпрашивать:
„Ты скажи мне, поленица разудалая,
²¹⁰ Ты с какой земли да из какой орды?
Ты какого отца да ты есть матери,
А ведь как тебя да именем зовут,
Удалого звеличают по отчеству?“
Говорила поленица, слезно плакала:
„Когда стал ты у меня про то спрашивать,
Так ведь стану я тебя про то высказывать:
Есть я с матушки со святой Руси,
Из того ли города из Крякова,
Из того села да из Березова,

- ²²⁰ Да из той из улицы Рогатицы,
 Из того ль подворья королевского,
 Молодой Лука Петрович, королевский сын.
 Увезен я татарами погаными
 Со двора еще маленьким ребеночком.
 Как возрос я до полного до возраста,
 Стал иметь силу великую в могучих плечах,
 Подобрал себе коня я богатырского,
 И поехал на матушку святую Русь
 Поискать себе я роду-племени,<
- ²³⁰ Роду-племени да отца, матери".
 Молодой Петра Петрович, королевский сын,
 Поскорешеньку соскочит со белых грудей.
 Брал его за рученьки за белые,
 За его за перстни за злаченныя,
 Целовал в уста его сахарные,
 Называл он его братцем родным,
 Молодым Лукой Петровичем,
 Кормил он его ествушкой сахарной,
 Поил его питьем медвяным,
- ²⁴⁰ Он дарил ему дары драгоценные.
 Брали друг друга за белы руки
 И поехали ко городу ко Крякову.
 Приезжают ко городу ко Крякову,
 Едут по улицы Рогатицы,
 Приезжают к себе да на широкий двор.
 Молодой Петра Петрович, королевский сын,
 Поскорешеньку бежит в палаты белокаменны,
 На пятау он двери поразмахивал,
 А он низко всем да поклоняется,
- ²⁵⁰ Родной матушке в особину:
 „Здравствуй, свет моя, ты родна матушка,
 А я был сегодня во чистом поли,
 А наехал я в чистом поли татарина,
 Кормил я его ествушкой сахарной,
 Поил я его питьем медвяным,
 Дарил я ему дары драгоценные".
 Так тут свет честна вдова заплакала,
 Женским голосом да во всю голову:
 „Ай же, чадочко мое любимое,
- ²⁶⁰ Как наехал ты в чистом поли татарина,
 Ты не кормил бы его ествушкой сахарной,
 Не поил бы его питьем медвяным,
 Не дарил бы ему дары драгоценные,
 Ты колол бы рогатиной звериной:
 Этия татарова поганые

- Увезли ведь у тебя да братца родного,
Молодого Луку Петровича,
Увезли его да с широка двора
Еще маленьким ребеночком“.
- ²⁷⁰ Говорит Петра Петрович, королевский сын:
„Ай же, свет моя, ты родна матушка,
А наехал я сегодня во чистом поли,
А наехал я сегодня на татарина,
А наехал я да братца родного,
Молодого я Луку Петровича,
А теперь он у нас на широком двори
Добрых коней за повода поваживает“.
- Так тут свет честна вдова заплакала
Женским голосом во всю голову,
- ²⁸⁰ Поскореньку выбегала на широкий двор,
Увидала своего сынка любимого,
Брала за рученьки за белые,
Проводила в палаты белокаменные,
Целовала во уста его сахарные,
Называла сыночком любимым.
Садила их за столики дубовые,
Кормила их естwuшкой сахарной,
Да поила их питьцем медвяным,
Спать ложила на кроваточку тесовую.
- ²⁹⁰ Стали жить да быть да век коротать.
Да ведь тем былиночка покончилась.





8. ЧУРИЛА ЩЕПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА

- Еще кто у ворот теперь колотится?
А колотится Чурилушка Щепленкович,
А Щепленкович, да Щеголенкович.
Выходила Катерина Николаевна
В одной тонкой рубашечке, без пояса,
В одних тонких чулочиках, без чеботов,
Отворяла воротца раскатистые,
Запускала Чурилушку Щепленковича,
А Щепленковича да Щеголенковича.
- ¹⁰ Ворона коня взяла да во стойла провела,
Золоту сбрую сняла да на гвоздик клала,
Шелкову плетку взяла да на полочку клала,
Кунью шубоньку сняла да на стопочку клала.
А сапоженьки сафьянныя на лавочку клала.
А Чурилушку за ручку в нову спальню провела.
В нову спальню провела да со Чурилой спать легла.
А была тут девушка Черनावушка,
Поскорешеньку бежала ко божьей церкви,
Подбегала к церкви близешенько,
- ²⁰ В церковь заходила поскорешенько,
А к Ерма-сударю шла она прямешенько.
Говорила Ерма-сударь Васильевичу:
„Ай же ты, Ерма-сударь Васильевич!
У тебя-то есть гости немилые.
А немилой гость Чурилушка Щепленкович,
А Щепленкович, да Щеголенкович“.
Говорит Ерма-сударь Васильевич:
„Ай же ты, девушка Черनावушка,
Если правду говоришь, так тебя замуж возьму.
³⁰ Тебя замуж возьму да сарафан куплю,
А неправду говоришь, так тебе голову срублю“.
Поскорешеньку пошел со церкви божьей,
Скоро-наскоро садился на добра коня,
Подъезжал он к воротцам раскатистым,

- Постучался в воротцы раскатистые.
Выходила Катерина Николаевна
В одной тонкой рубашечке, без пояса,
В одних тонких чулочиках, без чеботов,
У ней женские волосы распущённые.
- 40 Говорила Катерина Николаевна:
„Еще кто у ворот теперь колотится?“
— „А колотится Ерма-сударь Васильевич,
А колотится да взад не воротится“.
Отворяла Катерина Николаевна
Она наскоро воротца раскатистые.
Говорит Ерма-сударь Васильевич:
„Ай же, Катерина Николаевна,
У тебя есть в доме гости милые“.
Он во стойла зашел — ворона коня нашел.
- 50 „Катерина, это что? Николаевна, что?“
Отвечала Катерина Николаевна:
„Вчера ездил мой братец во чисто полё,
Со Чурилушкой конями сменялися“.
Он на гвоздик взглянул, золоту сбрую нашел.
„Катерина, это что? Николаевна, что?“
Отвечала Катерина Николаевна:
„Вчера ездил мой братец во чисто полё,
Со Чурилушкой сбруйками сменялися“.
Он на полочку взглянул, шлкову плетку нашел.
- 60 „Катерина, это что? Николаевна, что?“
Отвечала Катерина Николаевна:
„Вчера ездил мой братец во чисто полё,
Со Чурилушкой плеточками сменялися“.
Он на стопочку взглянул, кунью шубоньку нашел.
„Катерина, это что? Николаевна, что?“
Отвечала Катерина Николаевна:
„Вчера ездил мой братец во чисто полё,
Со Чурилушкой шубками сменялися“.
Он на полочку взглянул, пухову шапку нашел.
- 70 „Катерина, это что? Николаевна, что?“
Отвечала Катерина Николаевна:
„Вчера ездил мой братец во чисто полё,
Со Чурилушкой шапками сменялися“.
Он на лавочку взглянул, там сапожки нашел.
„Катерина, это что? Николаевна, что?“
Отвечала Катерина Николаевна:
„Вчера ездил мой братец во чисто полё,
Со Чурилушкой сапожками сменялися“.
Он во спаленку зашел, там Чурилушку нашел.
- 80 „Катерина, это что? Николаевна, что?“

Промолчала Катерина Николаевна.
Так ведь тут ли у Ерма-сударь Васильевича
Разгорелось ретивое сердечушко,
А он выдернул да саблю острую,
Отрубил он у Чурилы буйну голову.
Покатилась головушка Чурилушкина
Да туда же вслед и Катеринушкина.
Так ведь тут ли прошло немножко времечки.
Так ведь тут ли Ерма-сударь Васильевич
⁹⁰ Заводил почестен пир да пированьице
И женился он на девушке Черनावушке.
Да ведь тем былиночка покончилась.



**В. КАК БЫЛО У ВДОВКИ У РАСПАШЕНЬКИ
ДЕВЯТЬ СЫНОВЕЙ, ОДНА ДОЧЬ**

Как было у вдовки у распашеньки
Девять сыновей да одинока дочь.
Девять сыновей да во разбой пошли,
Во разбой пошли да во разбойнички,
Во денные ночные подорожнички.
Одинокую дочь замуж выдала
А за то ль за славно за синё море,
За того ль купца, купца заморьского.
„Уж я год там жила, не подумала,
А на дру́гой год чадо родила,
¹⁰ А на третий годик стосковалася,
Я у свёкрушка да у свекровушки,
Я у свёкрушка да подовалася,
А ведь с мужем мы да сговорились.
Как тут сели мы да в малу лодечку,
Еще муж-то мой сел во веселушки,
А ведь я, млада, да во провильщички,
Чадо милое да ко белым грудям.
Как ведь сели мы да тут поехали.
Как проехали мы до среди моря, —
²⁰ Как с-под той ли западной сторонушки
Налетела тучка, тучка чёрная,
Тучка черная, сама бурливая,
А бурливая да сердитая.
Понесло тут нас да по синю морю,
Понесло тут нас к крутому берегу.
Ко желтым пескам, ко мелким камешкам.
Как напали тут на нас разбойнички,
А денные ночные подорожнички,
Они мужа моего пристрелили,
³⁰ Чадо милое да в воду бросили,
А меня младую во полон взяли,

Во полон взяли да обесчестили.
А ведь все разбойнички да спать легли.
А один разбойничек он спать не лег,
Он пред образом да богу молится,
Богу молится, в грехах прощается,
А он горько так слезами уливается.
Тут разбойничек да стал братьёв будить:
„А вставайте-тко, братцы родимые,
40 А вставайте, что мы понаделали?
А ведь зятя-то да мы пристрелили,
А племянничка да в воду бросили,
А родню сестру да во полон взяли,
Во полон взяли да обесчестили“.
Как вставали все братья-разбойнички,
А перед образом да богу молятся,
Богу молятся, в грехах прощаются,
А родной сестры да поклоняются:
„Ты прости, прости, сестра родимая,
50 А прости ты нас, что мы наделали:
Мужа твоего да мы пристрелили,
А племянничка да в воду бросили,
А тебя младу мы во полон взяли,
Во полон взяли да обесчестили“.
Говорит сестра да горько плакала:
„А мне мужа жаль, что вы застрелили,
А мне пуще жаль чадо милое,
Чадомилое да в воду брошено,
А мне жаль себя, что обесчестили.
60 Обесчестили да не разбойнички,
Обесчестили да братья родные“.
Так ведь с той поры да с того времени
Былину поют да на святой Руси, —
Молодым людям на смех да на диво,
А престарелым на потешенье.





10. ХУДАЯ ЖЕНА—ЖЕНА УМНАЯ

Жил у батюшки да у матушки
В ободрокшке да одинокий сын.
А он ел сладко да работал легко.
Захотели тут да отец с матерью
Поженить дуродня добра молодца.
А женили его в своей деревенке,
Да брали замуж очень богатую,
А приданого то много — человек худой.
А приданое висит на грядочке,
10 А худая жена — она на ручке спит.
Еще не с кем молодцу погладиться,
А погладиться да позабавиться.
И с того ль тут молодец да во гульбу пошел,
Из земли в землю да из орды в орду.
Заходил тут молодец да во темну орду,
Поступал он к королю да во служеньице,
Не на мало поры-времечки — двенадцать лет,
А служил он ему да верой-правдою,
Верой-правдою, да неизменною.
20 А у этого короля литовского
Была дочь одна да одиनेшенька,
Она возрастом была высóшенька,
Умом-разумом была да неглупёшенька,
Она личиком была, как снегу белого,
Ясны очушки у ней, как ясны сокола,
Черные бровушки у ней, как черны соболя, —
Распрекрасна была королевична.
Так ведь этот ли дуродний добрый молодец,
Вместе жили с ней в палатах белокаменных,
30 Вместе спали на кроваточке тесовой,
А в иное время на белой груди.
Дак ведь этот ли дуродний добрый молодец
Видит, дело есть тут нехорощее —
Понеслась прекрасна королевична.

Тут докладает он слугам меньшим:
 „Доложите-тко вы королю литовскому,
 Что сгруснулося мое сердечушко
 По моей ли по родимой стороннушке,
 Посмотреть хоть на отцовское поместьеце,
 Где там выросло зеленое крапивушко“.
⁴⁰ Тут докладывают королю литовскому:
 „Уезжает твой слуга из широка двора
 Посмотреть он на отцовское поместьеце,
 Где там выросло зеленое крапивушко“.
 Этот ли король литовский
 Призывая к себе дуродня добра молодца,
 Говорил ему он таковы слова:
 „Ай же, верный мой слуга ты неизменный,
 А служил ты мне да верой-правдою,
⁵⁰ Верой-правдою служил ты мне двенадцать лет.
 Так берѣ-тко ты молодец добра коня,
 Поезжай на матушку святую Русь,
 Посмотри-ка ты отцовское поместьеце,
 Где там выросло зеленое крапивушко“.
 Этот ли дуродний добрый молодец,
 Да он низко королю да поклоняется,
 Скоро шел он во конюшню во стоялую,
 Брал коня за повода шелковые,
 Выводил коня он на широкий двор,
⁶⁰ Скоро-наскоро седлал да закольчуживал.
 Увидала тут прекрасна королевична,
 Выбегала из терема скорешенько,
 Подходила к добру молодцу близешенько,
 Брала его за рученьки за белыя,
 Повела в палаты белокаменны,
 Приводила к комодик у хрущатому,
 Отмыкала комодичек хрущатый,
 Подняла бесшчетну золоту казну,
 Положила добру молодцу в глубок карман
⁷⁰ Они с дудругом тут распрощались.
 Распрощались, в кресты расцеловались.
 Этот ли дуродний добрый молодец
 Поскорешеньку бежит он на широкий двор,
 Скоро-наскоро садится на добра коня,
 Дай поехал молодец из широка двора,
 С широка двора в раздольице чисто полѣ.
 А он день едет по красному по солнышку,
 А он в ночь едет по светлому по месяцу.
 А ведь день за днем, как будто дождь дождит.
⁸⁰ А неделька за неделкой, как река бежит,

А ведь времечко идет так, как вода течет.
 Приезжал на матушку святую Русь,
 Заезжал в родную во деревенку,
 Усмотрел худую малу хижинку.
 А стоит худая мала хижинка,
 Одним боком к земле да приклонилася,
 Обросла вся зеленым крапивушком,
 А вокруг вот этой малой хижинки
 Овиваются два малых глупых вьюнушка.
⁹⁰ Этот ли дуродный добрый молодец
 Подъезжал он к малой худой хижинки,
 Говорит он малым глупым вьюнушкам:
 „Ай же, малые два глупых вьюнушка,
 У вас есть ли хотя да родный батюшка,
 У вас есть ли хотя да родна матушка“.
 Говорят ему малы глупы вьюнушки:
 „Ай же, дяденька ты наш незнаемый,
 А ведь есть у нас да родной батюшка“.
 Говорит дуродный добрый молодец:
¹⁰⁰ „А ведь где же у вас да родной батюшка?“
 — „Наш-то батюшка да во гульбу ушел“.
 — „А ведь где же у вас да родна матушка?“
 Говорят ему малы глупы вьюнушки:
 „Наша мат-то на крестьянской на работушке“
 Так тут этот ли дуродный добрый молодец
 Ждал он целый день с утра до вечера,
 А худу жену — жену умную.
 Так худая жена, да жена умная,
 Идет вечером с крестьянской со работушки,
¹¹⁰ А во правой руке да коса острая,
 А во левой руке да грабли частые,
 На плечах бедна горюшица дрова несет.
 Подходила к малой худой хижинке.
 Так ведь этот ли дуродный добрый молодец.
 Говорит он ей да таковы слова:
 „Ты жена ли есть, жена безмужняя,
 Аль жена ты есть, жена замужняя?“
 Говорила она да слезно плакала:
¹²⁰ „Ни жена я есть, жена замужняя,
 Ни вдова я есть, вдова безмужняя,
 Сирота я есть на свете горе-горькая“.
 Говорит дуродный добрый молодец:
 „А ведь жили мы с тобой да близко-поблизку,
 Вместе грамотке с тобой учились.
 Да играли мы с тобой во шашки шахматны,
 Да во тее ли во елее во немецкие,

Так ведь часто с тебя я езды брал.
Подойди ка к добру молодцу близешенько
Да спусти-ка ручку во глубок карман".
130 Дак худа жена, да жена умная,
Подходила к добру молодцу близешенько,
Дай спустила ручку праву во глубок карман,
Поднесла бессчегну золоту казну.
Они с дудругом тут спозновалися,
Спозновалися, вкрест расцеловалися,
И пошли в худую малу хижину.
Стали жить да быть, да век коротати.
Да ведь тем былиночка покончилась.



СОВЕТСКИЕ БЫЛИНЫ





1. БЫЛИНА О СТАЛИНЕ

Как из той Москвы да белокаменной,
А из-за тех кремлевских стен высоких,
Отправляется дуродный добрый молодец,
Молодой Иосиф да Виссарионович,
Отправляется он да во чисто поле.
На поезде с Лениным совет держал:
А куда ему ехать, куда путь держать.
„Если ехать мне да на южную сторонushку,
Там надежный ведь у нас там атаманushка,
¹⁰ Молодой Климентий да Ефремович
Со своей ли он да армией великою,
Он воюет от Донбасса до Царицына,
Постоит за правду, за отечество.
Если ехать мне под западну сторонushку,
Так надежный есть у нас там атаманushка,
Молодой Семен там с сотнею буденповской,
Со своей ли он конницей великою,
Ни за что не сдастся в руки неприятелю, —
От того ли города от Умани
²⁰ Да до той ли до станции до Касторной
У него дороженька очищена.
Если ехать мне в восточную сторонushку,
Где воюет Фрунзе да с Чапаевым,
Без меня у них там силушки достаточно.
Если ехать мне на северну сторонushку,
Там воюет Антикайнен добрый молодец,
У него там все озера, речки пройдены
От Лодейного до Мурмана“.
Говорит ему Ленин таковы слова:
³⁰ „Ай же ты, Иосиф да Виссарионович,
Поезжай ты в поле биться-ратиться,
А ведь мы с Калининым останемся

Здесь, в Москве мы управлять да в белокаменной.
А не бросить же Москвы да белокаменной,
Безо всякого присмотру трудовой народ,
Чтобы знали кому да подчинились“.

Говорит Михайло да Иванович:

„Ай же ты, дуродный добрый молодец.

Молодой Иосиф да Виссарионович,

⁴⁰ Поезжай ты в поле биться-ратиться.

Какова пора, какое времечко,

Не почувствуем в себе мы старости,

Мы подъедем к вам в чисто поле на выручку“.

Говорит им Сталин таковы слова:

„Не вернемся до тех пор мы из чиста поля,

Не очистим мы пока да землю русскую,

Землю русскую от неприятелей“.

Молодой Иосиф да Виссарионович

А ударил он да по белым рукам

⁵⁰ А с товарищем Лениным да Калининым.

Молодой Иосиф да Виссарионович

Выходил на Красну площадь на широкую,

Говорит бойцам он таковы слова:

„Ай, герои вы да нашей земли русской,

Земли русской да пролетарской,

Как идете вы, бойцы, да во чисто поле,

Постоимте-ка мы, братцы, за отечество,

Не дадим в обиду трудовой народ!“

Говорят бойцы да таковы слова:

⁶⁰ „Ай же ты, Иосиф да Виссарионович,

А мы с честью едем во чисто полѣ,

Постоим за правду, за отечество,

Только ты, Иосиф да Виссарионович,

Береги себя от пули неприятеля“.

Говорит бойцам тут Сталин таковы слова:

„Не такой родился я, чтоб воевать не знал,

Я не в первый раз с винтовкой обращаюсь.

Как мы славно отличались в Октябрьски дни.

А в Октябрьски дни во городе во Питере,

⁷⁰ Да во той ли Москве да белокаменной,

Так не странно мне поехать во чисто поле,

С тем ли неприятелем расправиться“.

Выходил тут Сталин на широкий двор.

Выходил в конюшню во стоялую,

Выбирает жеребчика неезжена,

А того ли Бурушку косматого,

Брал коня за поводы шелковые,
Выводил коня он посреди двора,
Скоро-наскоро седлал да закольчуживал.

⁸⁰ На коня покладывает войлучек,
А на войлучек подтягивал подпотничек,
На подпотничек седельшко черкальское,
Да вскочил тут молодец да на добра коня,
Да поехал молодец из широка двора,
Да из-за тех больших ворот кремлевских,
Да из той Москвы да белокаменной.
Из Кремля поехал не воротами,
Да из города поехал не дорожкой.
Его добрый конь да богатырский,

⁹⁰ Маленькой Бурушка косматенький,
Проскакал все стены городовые.
Что не молния в чистом поле просвистнула,
Тут проехал Сталин по чисту полю.
А куда он ехал на добром коне,
Да по тем ли городам да с пригородками.
А за ним народ да как трава растет,
Каждый день полки все пополнялися.
Выезжал в раздольице чисто поле,
Сам вскочил на гору на высокую,

¹⁰⁰ Посмотрел в кулак он богатырский
А на ту ли южную сторонушку,
Усморгел под городом Царицыным
Да вдоль ли Дона, Дона тихого,
А стоит там силушки черным-черно,
А черным-черно, как черна ворона,
А в-дь тех ли продажных цукур деникинских.
Разгорелось сердце у богатыря,
У молодого Иосифа Виссарионовича.
А его ли сердце богатырское,

¹¹⁰ Говорит он Бурушке косматому:
„Ай же ты, мой Бурушка косматенький,
А поедем-ка с тобой да под Царицын-град
Да к тому ли Дону, Дону тихому,
А ведь будем мы деникинцев потаптывать“.
Сам спускался с той горы высокой
В то-е ли раздольице чисто поле
И со всей армией великой
И поехал под славный под Царицын-град.
Налетел он вихрем на деникинцев,

¹²⁰ Стал он силу с крайчика потаптывать.

- А ведь тую ли силу неприятеля,
 Стал копьем колоть да из ружья стрелять,
 Из ружья стрелять, рубил он саблей острою.
 Сталин силу бьет да под Царицыным,
 А он силу бьет, да как траву косит,
 Да ведь сила в нем не уменьшилася, —
 А куда ударит—падёт улицей,
 Перевернет саблю—переулочком.
 Как ведь в тую ли по́ру, во тое времечко,
¹³⁰ Как под тот под славный под Царицын-град
 Приезжает Ворошилов из чиста поля
 Со своею армией великою,
 Да как начал он деникинцев да поколачивать.
 Так ведь эти, же дуродни добры молодцы
 Со своей ли Красной Армией великою
 А ведь бились они да трое сутокки,
 Не едаючи, да не пиваючи,
 Да себе отдоху не даваючи.
 На четверты сутки съехались,
¹⁴⁰ Они съехались да поздоровались,
 Поздравляют дудруга с успехами.
 Они делали сговор между собой.
 Говорит тут Сталин таковы слова:
 „Ай же ты, Климентий да Ефремович,
 А поедем-ка теперь мы к Волге-матушке,
 А к Волге-матушке, да к Дону тихому,
 Под Царицыным теперь нам делать нечего”.
 А не раз вспомянут ведь деникинцы
 А ведь тую ли схватку под Царицыным.
¹⁵⁰ Припускали коней богатырских
 А на тую ли Волгу, Волгу-матушку,
 Да к тому ли Дону, Дону тихому,
 Да на тую ли рать-силу великую,
 Да на тую ли силу неприятеля.
 Наезжали два дуродних добрых молодца,
 Два сильных могучих богатыря,
 Со своей ли армией великою,
 В пух и прах разбили силу неприятеля.
 Эти же дуродни добры молодцы
¹⁶⁰ Со своей ли Красной Армией великою,
 И поехали ко городу ко Ростову,
 А от Ростова ко реченьке Кубанской.
 И проехали вдоль реченьки Кубанской,
 Не могли здесь встретить неприятеля.
 Повернули коней богатырских

Во тое ли во раздольице чисто поле,
Дай вскочили на гору на высокую,
На все четыре на сторонки оглянулись,
Да нигде не видят неприятеля.

70 Как с-под той ли западной сторонушки
Да мчится с сотнею Семен Михайлович,
А на тую ли гору на высокую,
Они съехались да поздоровались,
О победах меж собою разговор вели.
И брали друг друга за белы руки,
Дай спускались с той горы высокой
Да во тое ли во раздольице чисто поле
И поехали к Москве да белокаменной.

80 Приезжали в Кремль да на широкий двор,
Они сходят на матушку сыру землю,
Коней отдали паробкам любимым,
Сами шли в палаты белокаменные.
На пятú для них двери растворялися,
Так тут эти ли дуродни добры молодцы
На все четыре сторонки поклоняются,
А товарищу Ленину в особину.
Говорит им Ленин таковы слова:
„Ай же вы, дуродни добры молодцы!

90 Как приехали вы да из чиста поля,
А ведь с той ли победою великоюй,
Так проходите-ка за столички дубовые,
Да за тее ли скамеечки окольные,
Дай пишите-ка вы грамотки посыльные,
Да всему народу пролетарскому.
Да пишите в города да с пригородками,
Да во тее ли села да с поселками,
Чтобы знали все да на большой Руси,
Что над той ли Москвой да белокаменной,

200 Да над теми ли над стенами над кремлевскими
Да огромно красно знамя развивается,
От такой победы от великой“.
Полетела тут грамотка почётная
От того ли Ленина да Сталина
А по всем по селам да с поселками,
Да по всей ли матушке да по большой Руси.
Все узнали о победе о великой.
До сих пор герои вспоминаются,
Не забудутся герои веки-повёку,

210 Заслуженную славу много сотен лет.
Дак во тую ли Москву народ съезжается,

Да на Красную площадь собирается.
Как тут Ленин во большой Москве
Заводил почестен пир, да пированье,
Да для сильных могучих богатырей
Да для Красной Армии великой,
Да для всего народа-трудящихся.
Да ведь тем эта былиночка покончилась.





2. БЫЛИНА О ВОРОШИЛОВЕ

А ведь в том ли году да во семнадцатом
Не осталось у нас да „царя-батюшки“,
„Царя-батюшки“ — Николушки кровавого.
Собиралось большое совещание,
Как на этом совещании думу думали:
Как прогнать им колчаковцев да Деникина,
Как расправиться со сворой Балаховича.
Говорит тут Ленин таковы слова:
„Ай же вы, удалы добры молодцы,
10 Как прогоним Колчака да мы Деникина,
Не оставим следа батьки Балаховича —
Так построимте города да с пригородками,
Так построимте-ка села да с приселками,
Чтобы было чем рабочему утешиться
И над новою постройкой любоваться“.
Как ведь в эту ли пору, в тое времечко,
Завязалась схватка не на жизнь — на смерть,
Не на смерть, за жизнь — за землю пролетарскую.
Говорит тут Сталин таковы слова:

20 „Ай, товарищи вы да трудовой народ,
Трудовой народ да люди все рабочие!
Встаньте грудью на защиту своей родины,
Берегите свою родину, как мать дитя!“
Говорят тут рабочие таковы слова:
„Ай же ты, Иосиф-свет Виссарионович!
Не дадим сорвать флаг красный со большой Руси,
Не дадим сорвать мы звезд со стен кремлевских,
Да не дадим в обиду Ленина да Сталина“.
Говорит тут Ворошилов таковы слова:

30 „А поеду я да во чисто полё,
А по-своему я с ними порасправляюсь“.
Скоро-наскоро он Ленину докладывал
О своей поездке на великий фронт,
Брал с собой он силушку несметную,

И поехал Ворошилов во чисто полё
 С теми ли бандитами расправиться.
 Как поехал Ворошилов, во чисто полё.
 А на три дорожки на крестовые,
 А на тех ли на дорожках, посреди поля,
 40 А лежал тут камень цвета синего,
 А на этом ли камени написано:
 „Если прямо ехать, то убиту быть,
 Если в леву руку ехать, то богату быть“.
 И стоит тут наш Климентий, пораздумался:
 „А не хочется теперь да мне женату быть,
 Не пора, не время играть свадебки,
 Дай не надобно мне одному и золотой казны.
 Дай не верю я, что быть убитому“.
 И поехал дорожкой прямоёзжей,
 50 Прямоезжей дорожкой к Дону тихому,
 К Дону тихому, к Волге-матушке,
 Да и проехал Ворошилов с юга к северу.
 От востока проехал и до запада.
 Со своей ли Красной Армией великою
 Причистили они да землю русскую,
 Землю русскую от всякой нечисти.
 А после таких побед великих
 Получил большое награждение:
 А и звание он маршала пародного,
 60 Стал командовать он армией великою.
 А теперь народ живет — дивуется,
 Да на маршала первейшего любитесь.
 А прошло ведь поры-времечко немного лет.
 Как одним ли утречком ранешенько
 А вставал наш Климентий да Ефремович,
 Поглядел в хрустальное стеколышко
 Да на яркое утрённое зарево.
 И решил он тут поехать во чисто полё,
 Пострелять ему хотелось гусей-лебедей,
 70 Серых малых перелетных утенышей.
 Умывается Климентий поскорешенько,
 Взял с собой ружье он скорострельное,
 Дай заходит во конюшню во стоялую,
 Брал коня за поводка шелковые,
 Заседлал коня, поехал с широка двора,
 С широка двора, да ко синю морю.
 Дай проездил молодец по день поры,
 А по другой день с утра до пабедья
 Не наехал он на гуся, ни на лебедя,
 80 Да на серого перелетного утенышка.

Повернул коня да во чисто поле,
 И поехал обратно по чисту полю.
 Как увидал Климентий посреди поля,
 Как работают во полюшке колхозники:
 Не гнут спинушки они сохою-матушкой,
 Да и не льют они пота по старинупке —
 Там работают комбайны да все тракторы,
 А поля-то все широки — не охватит глаз.
 Подъезжает Ворошилов к ним близехонько.
⁹⁰ Говорит тут славный маршал таковы слова:
 „Здравствуйте-ко, люди вы советские,
 А советские да вы стахановцы,
 Труд на пользу вам, удалые колхознички.
 Расскажите мне, удалы добры молодцы,
 Добры молодцы, колхозные стахановцы,
 Как справляетесь с заданием правительства,
 Как на ваших на полях да на колхозных,
 Как хлеба растут да как трава цветет,
 Много ль нынче урожая вы получите?“
¹⁰⁰ Отвечают тут колхозники да таковы слова:
 „Ай-ка ты, Климентий да Ефремович!
 Не укласть нам хлеб в склады широкие.
 А широкие да глубокие,
 Не убрать нам сено все в стога высокие —
 Столько сена, столько хлеба уродилось.“
 Говорят колхознички да таковы слова:
 „Подойдет пора, тяжело времечко,
 Мы поспеем Красной Армии на выручку,
 Не дадим разбить да трудовой народ,
¹¹⁰ Не дадим разбить колхозы да с совхозами.
 Да заводы наши, наши фабрики.
 Отстоим мы грудью нашу родину.“
 А от тех ли слов от колхозников
 А возрадовалось сердце Ворошилова,
 А возрадовалось сердце богатырское.
 А на том-то былиночка покончилась.





3. БЫЛИНА О ЧАПАЕВЕ

Как на славной матушке да на большой Руси
Нарождалось чадо, чадо милое,
Чадо милое да ведь любимое —
Молодой Чапай, Василий сын Иванович
Молодой Василий да Иванович
А во время своего да возрастания
Много видел он да горькой участи,
Горькой участи да недостаточков родителей.
Он возрос до полного до возраста,
20 Захотелось Чапаю много мудростей:
Рыбой-щукой нырять да во синих морях,
Серым волком рыскать во чистых полях,
Птицей-соколом летать под синим облачком.
Услыхал Василий про невзгодушку,
Что с-под той ли западной сторонushки,
Как ведь в тую ли пору, в тое времечко,
А ведь в том году, да восемнадцатом,
Перешли границу неприятели,
А со всех концов да свету белого,
20 Точно черные вороны, посыпались
А на тое ли государство пролетарское.
Разгорелось сердце у Василия,
А его ли сердце богатырское.
Говорит Василий таковы слова:
„А не может быть, чтоб трудовой народ,
Чтобы сдался в руки неприятелям,
Чтоб они над ним издевались,
Издевались да насмехались“.
Говорит Василий таковы слова:
30 „А поеду я да во чисто поле,
Своей силушки с ними поотведаю“.
Одевается Василий, снаряжается,
Одевает одежицу военную,
А военную одежду зелена сукна.
Брал с собою он да саблю острую.

Свое длинное копьё да муржамецкое,
 Карабинку брал пятизарядную,
 Кобуру с наганом на плечо одел,
 Да набрал он много бомб разрывчатых.
⁴⁰ С родной матушкой прощается,
 Говорит Василью родна матушка:
 „Ай же, чадочко мое любимое,
 Молодой Василий свет Иванович.
 А куда ты едешь, куда путь держишь,
 Когда ждаться тебя да когда поджидать,
 Да когда велишь в окошечко посматривать?“
 Говорит Василий таковы слова:
 „Ай же, свет моя ты родна матушка!
 Первых три году ты прожди за себя,
⁵⁰ Других три году ты прожди за меня,
 Дак ведь пройдет поры-времёчки .
 Всех шесть годов.
 Прибежит мой конь да из чиста поля,
 Из чиста поля да без наездничка,
 Так тогда, моя ты родная матушка,
 Не покинь моих да малых детушек.
 А я еду в поле биться-ратиться,
 Постоять за правду, за отечество,
 Защищать я еду землю пролетарскую.
⁶⁰ Не вернусь я если из чиста поля,
 Не забудет власть Советов моих детушек,
 Помощь даст до полного до возраста“.
 Молодой Василий да Иванович,
 Выходил Василий на широкий двор,
 Заходил в конюшню во стоялую,
 Выбирал жеребчика пеезжена,
 Выводил коня он на широкий двор,
 Становил коня он посреди двора,
 Скоро-наскоро седлал да закольчуживал
⁷⁰ На коня покладывает войлучек,
 А на войлучек покладывал подпотничек,
 На подпотничек — седельшко черкальское.
 Заседлал тут молодец добра коня,
 И поехал молодец из широка двора,
 А его ли мать да малы детушки
 Со слезами на глазах да оставались.
 Молодой Василий да Иванович,
 Повернул коня он на широкий двор.
 Подъезжает он да к родной матушке.
⁸⁰ Крепко руку жмет он родной матушке,
 Обнимает своих да малых детушек,

На прощанье детушкам наказывал:
 „Ой же, малые мои вышнышки,
 Как возрастете вы до полного до возраста,
 Станьте верными бойцами во чистом поле.
 Защищайте землю вы Советскую“.
 Молодой Василий да Иванович,
 Повернул он своего добра коня
 А с того ль двора, двора широкого,
⁹⁰ Да во тое ли раздольице чисто поле.
 Со двора он ехал не воротами,
 А из города он ехал не дорогою
 Со своею сотнею Чапаевской,
 И поехал ко городу к Уральскому.
 Подъезжает ко городу к Уральскому.
 Нагоняет он Фрунзе да во чистом поле.
 Они съехались да поздоровались,
 Они делали сговор между собой,
 Как им силушки расставить по фронтам везде.
¹⁰⁰ Говорит ему Фрунзе таковы слова:
 „Ай же ты, Василий-свет Иванович!
 А ведь быть тебе да атаманушком
 Да над той ли армией великою“.
 Говорит Чапаев таковы слова:
 „Ай же ты, Михайла да Васильевич,
 Зря не сдамся в руки неприятелю,
 Я не дам в обиду трудовой народ,
 Трудовой народ да армию великую“.
 Разъезжались каждый по своим фронтам:
¹¹⁰ А ведь Фрунзе едет тут да ко Царицыну.
 А Чапаев поехал ко Уральскому.
 Приезжает Фрунзе во Царицин-град,
 Прямо едет к штабу на широкий двор.
 Становил коня он посреди двора,
 Сам идет в палаты белокаменные.
 На ходу он двери поразмахивал,
 А он низко всем да поклоняется,
 Да товарищу Сталину в особину.
 „Здравствуй, свет Иосиф да Виссарионович!
¹²⁰ А я был сегодня во чистом поле,
 А я видел во чистом поле Чапаева.
 Он поехал биться ко Уральскому,
 А я поехал биться ко Царицыну“.
 Говорит ему Сталин таковы слова:
 „Ты запомни-ка, Михайла да Васильевич:
 Как поехали с Москвы мы белокаменной.
 На поезде Ленин нам наказывал:

Вы — богатыри земли советской,
 Земли русской, да пролетарской!
 130 Постоять велел за правду, за отечество.
 Не велел давать в обиду трудовой народ.
 Пусть Чапаев едет ко Уральскому,
 А мы будем биться под Царицыным,
 Да очистим-ка ведь мы да землю русскую.
 Землю русскую от неприятеля,
 Не дадим в обиду трудовой народ.
 Молодой Василий да Иванович
 Подъезжает ко городу ко Уральскому.
 Как под тем под городом Уральским
 140 Нагнано там силушки черным-черно,
 А черным-черно, как черна ворона.
 Хотут честных мужиков да всех повырубят.
 Да во том ли городе Уральском..
 Тая сила неприятельска.
 Разгорелось сердце у богатыря,
 У молодого Василия Чапаева.
 Закричал Чапаев громким голосом:
 „Ай же, братцы мои, да вы, товарищи,
 Колотили с вами мы Деникина,
 150 Не давали мы пощады и Юденичу,
 А Юденичу да Балаховичу,
 Не оставимте в живых и колчаковских банд..
 И пошла пальба да тут по всем фронтам.
 Сам Чапаев ясным соколом
 Он летал от юга да от севера
 Со своей ли армией великою.
 А он силу бьет да неприятеля,
 Да он силу бьет, да как траву косит,
 А ведь сила в нем не уменьшилась.
 160 Он копьём колол, да из ружья стрелял,
 Из ружья стрелял, рубил он саблей острою.
 А куда ударит — падет улица,
 Перевернет саблю — переулочки.
 А ведь в тую ли пору, в тое времечко..
 Ко тому ли славному Чапаеву
 Подъезжал Фурманов из чиста поля,
 Из чиста поля к Чапаю в подкрепление.
 Молодой Василий да Иванович
 Подъезжал ко реченьке ко Белоей,
 170 Усмотрел на северном берегу,
 А там было силушки черным-черно,
 А ведь вся-то сила неприятеля.
 Молодой Василий да Иванович,

Со своей ли конницей великой,
 Они вплавь да через речку бросились
 А к тому ли северному берегу,
 Точно ясные соколы слетались
 Да на тую ли силу неприятеля,
 Поклевали колчаковцев да деникенцев.
¹⁸⁰ Крики, плачи раздавались колчаковские
 Перед славною сотнею Чапаева.
 У того ли Колчака да у Деникина
 А ведь силы стало мало ставиться,
 Испугались колчаковцы да деникинцы,
 А в побегах начали отстреливать.
 Так ведь в эту ли пору, в это времечко
 А одна ли пуля неприятельска
 Врылась в тело белое Чапаева.
 Молодой Василий да Иванович
¹⁹⁰ Не почувствовал в себе ранения.
 Его добрый конь да богатырский был,
 Он не дрогнул от удара от великого,
 Еще пуще по полю поскакивал.
 Молодой Василий да Иванович
 Он летал по полю ясным соколом
 Со своей ли армией великой.
 За его отвагу героическу
 Получил большое награждение:
 От своей ли славной власти пролетарской
²⁰⁰ Получил он орден Красна Знамени.
 А и тут его сердце да не утешилось,
 От такого подарочка великого
 Еще пуще сердце разгорелось
 У молодого у Василия да Иванова.
 Со своей ли да доброй Красной Армией
 Еще пуще дрался за отечество.
 А в одну ли ночь, ночь темную,
 Крепко спать бойцы легли да во белых шатрах
 После боя-драки, кроволития.
²¹⁰ А ведь в ту ли пору, в тое времечко,
 Налетала сила неприятеля,
 Налетала тучей черных воронов,
 Да ведь эти ли вороны рассыпались
 А над славными героями над спящими.
 Как проснулись от стрельбы да оружейной,
 Молодой Василий да Иванович
 Со своей ли он да Красной Армией
 Видит, дело есть тут нехорошее:
 У того ли Колчака да у Деникина

220 Было нагнано силушки черным-черно,
А черным-черно, как черна ворона.
Тут вскричал Василий громким голосом:
„Ай же, братцы мои, да вы, товарищи!
А поедемте за речку на ту сторону,
Да на той ли сторонке схватку сделаем“.
Сам Василий тут да в речку бросился
И поплыл ко западной сторонушке.
Как ведь в тую ли пору, в тое времечко
Не успел Василий всплыть на тот бережок,
230 Как ведь в тую ли пору, в тое времечко
А последняя пуля неприятеля
Да ударила Василия во головушку.
Утонул Василий посреди реки.
А вставали все, похватились,
Что не стало Василия Иванова,
Еще тут их сердца да разгорались,
А у той ли армии великой
А посла потери Василия,
Да Василия Иванова Чапаева.
246 Тут они за ружья похватились
И прогнали с матушки большой Руси
Все остатки силы неприятеля
Пусть еще когда-нибудь попробуют
Наскочить на наше царство пролетарское,
Так получают удары посильнее тех,
Что в былые годы были даны у Чапаева.
А ведь с той поры, да с того времечка,
Трудовой народ живет да царствует,
Споминает великого Чапаева
250 За его ли подвиги великие.
Есть на Волге памятник поставленный
А великого героя да Чапаева,
А тому ли славному Чапаеву
За его заслуги за великие.
А ведь вновь былины составляются,
Да ведь тем эта былиночка кончается.





4. БЫЛИНА О ТОЙВО АНТИКАЙНЕН

Как во той ли Финляндии озерной,
А посреди ведь буржуазии богатой,
А у одного рабочего-обойщика
Росло чадочко веселое, отчаянно
Молодой Антикайнен, добрый молодец.
Много видел Тойво горя-голода
От своих престарелых родителей,
Да от них недостаточков безденежных.
Поработал Тойво и газетчиком,
10 Поработал Тойво дай обойщиком.
Он за малых гроши да за копейки.
А ведь работал Тойво малым юношей
Все на тех ли на буржуев, на кулачество.
Скоро-наскоро он грамоту заучивал,
А заучивал да скоро выучил.
Не пошел работать больше он газетчиком,
Не хотелось больше быть обойщиком
Поступил он на заводы да на фабрики.
Крепко Тойво на заводах агитирует,
20 А он тем ли да финляндским рабочим.
Против той ли власти буржуазной.
Начинают да за Тойвою преследовать
А ведь тее ли бандиты белофинские.
Разгорелось пуще сердце Антикайнена
Против тех ли лахтарей да белофинских.
Еще чаще он рабочим стал рассказывать
О великой свободе пролетарской.
А одним ли утречком ранешенько
Одевался Тойво поскорешенько
30 И пошел с Финляндии озерной,
Уходил на матушку большую Русь
К рабочему классу в подкрепление.
Приходил он в государство пролетарское,
Клятву дал пред партией великой,

Перед Лениным да перед Сталиным,
 Что он будет служить да верой правдою,
 Верой-правдой для народа, для трудящихся.
 Защищать он будет землю пролетарскую
 Да от тех ли он от панов от поганных.
⁴⁰ Брал винтовочку пятизарядную,
 Дай набрал патронов целой тысячей,
 Дай пошел служить да верой-правдою
 Вместе с Красной Армией великою
 Против той ли собаки Юденича
 Да не сдал Кронштадта и юденичам.
 А любили Тойву в Красной Армии,
 Как хорошего стрелка да пулеметчика.
 Тойво силу бьет, да как траву косит,
 Из того ли пулемета частобойного.
⁵⁰ За его отвагу героическую,
 Был подарен орден Красна Знамени.
 Но и тут у Тойво сердце не утешилось.
 От того ли подарочка великого
 А у Тойвы во буйной головушке,
 Да его ли сердце молодецким,
 Разгорелась кровь по жилам добра молодца,
 Против тех злодеев неприятельских.
 Ему хочется да лахтарей побить
 А во той ли славной Карелии
⁶⁰ Да избавить от бандитов трудовой народ
 Да от тех ли панов от поганных.
 А ведь этот ли дуродный добрый молодец
 А набрал бойцов да целой сотнею,
 Целой сотнею да самых лучших.
 Говорит командир да Антикайнену:
 „Ты возьми бойцов хоть целой тысячей,
 Чтобы с тем ли неприятелем расправиться,
 Да лахтарей с Карелии повыгони“.
 Говорит тут Тойво таковы слова:
⁷⁰ „А не надобно мне войска целой тысячи:
 У меня взята дружиночка хоробрая,
 Не боится ни голода, ни холода.
 Я и с этой сотней дело выполню,
 Перед теми ли финляндскими бандитами.
 С теми ль лахтарями порасправиться,
 Нам не надобно да вороных коней,
 Только дайте нам вы лыжи скороходчаты.
 Дай военного нам вдоволь снаряжения“.
 Отправляются дуродни добры молодцы
⁸⁰ Из того ли военного училища,

Да из того ли Ленинграда знаменитого,
 На защиту славной Карелии,
 В помощь Красной Армии великой;
 Грудью станут на защиту своей родины,
 А в защиту народа пролетарского.
 А ведь этот ли дуродний добрый молодец.
 С Ленинграда он да до Лодейного,
 Со своей ли сотней отчаянной
 Он не видел трудностей да с неприятелем,
 30 От Лодейного до Кимас-озера.
 Лахтари бежали, только охали,
 Точно зайчики серые напуганы,
 А им некогда было назад поглядывать.
 Говорит тут Антикайнен таковы слова
 А своей ли сотни скороходной:
 „Вы, удалые бойцы да добры молодцы!
 Не пойдем ведь мы в погоню лахтарей искать,
 А обойдем ведь мы их кругом да около,
 А ведь встретим мы их под Кимас-озером,
 100 С лахтарями тут мы порасправимся“.
 Так ведь эта ли сотня быстроходная,
 А по той ли пути да от Лодейного,
 Много шла реками да озерами,
 Много шла холмами да болотами,
 Да по тем ли лесам непроходимым.
 Там, где пестрый зверь да не прорыскивал,
 Там, где птица черный ворон не пролетывал —
 Там прошел ведь Антикайнен, добрый молодец,
 Со своею сотней знаменитою
 110 А под тое ли славно Кимас-озеро.
 На последний холм бойцы взобралися
 И с холма наблюдают неприятеля.
 С неожиданной сторонки добры молодцы
 Они в гости к лахтарям да поднаехали.
 Говорит тут дуродний добрый молодец,
 Молодой Антикайнен, таковы слова:
 „А не надобно нам бога на помощь
 Да святую пречистую богородицу —
 У нас есть в руках винтовочки пятизарядные,
 120 А у пояса висят наганы меткие.
 Воробья стреляли за пятьсот шагов,
 Лахтарей будем бить за целу тысячу“.
 А отряд ведь Антикайнена спускается
 Да на тое ли славно Кимас-озеро,
 А он в гости к лахтарям да собирается.
 Не понравятся ведь гости Антикайнена

- Лахтарям да белофиннам в Кимас-озере,
Дай не выдержать французам с англичанами
Перед славной Красной Армией великою.
- 130 А они ли той да поздней осенью
А бежали от острова от Климениц
Да до самого до северного полюса,
Да от той ли Ленинградской флотилии
Они вдоль ли озера да по Карелии.
А им некогда было назад поглядывать
Да в Карелии местностей осматривать.
Не удалось видеть им зверей и птиц,
Не удалось им в Онежском озере да лососей имать,
Лососей имать да сига выловить.
- 140 Так ведь этот ли дуродный добрый молодец
Со своею он да сотней знаменитою
А спускался с той горы высокой,
Прямо шли в село до Кимас-озера,
Да как начали лахтарей да поколачивать.
Тойво бил лахтарей, сам приговаривал:
„А ведь будете вы помнить Антикайнена.
Не захочется вам больше быть в Карелии.
Да на тех границах пролетарских“.
Разметались лахтари, да в круги бегают,
- 150 А не знают, как бежать да где спастись себя.
Илмаринен в эту пору, в это времечко,
Без штанов генеральских в окно вылетел,
Ему жалко, что суп да не был хлебанный;
Позабыв серка, он без коня бежал.
Не успел он на опушку леса выбежать,
Как из славного отряда Антикайнена
Прилетел ему в головушку подарочек.
Повалился Илмаринен, как скошенный сноп,
Полилася кровь ручьем с головушки.
- 160 А лахтари бежали, не оглядоясь,
А до самой границы до финляндской,
Позабыв Антикайнена отстреливать.
А после ведь похода Антикайнена
Не бывали лахтари, дай не бывать им здесь.
Не видать им больше и Карелии.
А еще пусть когда-нибудь попробуют
Наскочить на наш да на рабочий класс,
Да на наших колхозников с рабочими,—
Да получают удары посильнее тех
- 170 Да от той ли Красной Армии великой,
От того ли Клим Ворошилова.

5. СКАЗ О ПОЕЗДКЕ В МОСКВУ

Как из той да из славной из Карелии
Отправляются дурбодни добры молодцы —
Молодой один да двое престарелых —
А во матушку Москву да белокаменну,
Ко любимому Михаилу да Иванову,
Во почетное гостевнище к Калининну.
Еще думою бывало и не думано,
Да во сне-то никогда и не приснилось,
Что неграмотных да повезут в Москву
10 За великою наградой — за орденом,
За свой честный труд да за работушку,
За великого за Сталина заботушку.
Как приехали в Москву мы белокаменну,
Во метро мы тихо опускалися,
Да на славную дорожку любовалися.
Диво-дивное да чудо-чудное,
Что у Сталина да понастроено.
А ведь есть чем докладывать правительству
Перед честным народом пролетарским.
20 Вся Москва стоит да не по-старому,
Не по-старому стоит Москва — по-новому.
Еще улочки построены широкие,
А дома поставлены высокие,
Да построены заводы, новы фабрики,
Полны воздухом да светом ясным.
Да построены клубы да со школами,
Да дворцы культуры преогромные.
Да одеты берега Москвы-реки
Наберегою да ведь гранитовой,
30 Да и море новое Московское
Широко по берегам раскинулось.
Есть-то чем народу любоватися,
Да и есть на чем да спотешатися.
Как одним-то утречком ранешенько
Умывались да мы белешенько

И пошли на площадь на широкую
Кто красивому Кремлю да ко высокому.
А контролем мы да проверялися,
А ведь в зал к Михайле да Иванову
40 По широким лестницам да поднялися.
А во зале, во Кремле, за стол сядилися,
Ели, пили, веселились, угощалися
У любимого Михайлы да Иванова,
Орденами мы-то награждалися.
Награждал-то нас Михайло да Иванович
За заслуги, за отвагу, добрых молодцев.
А с Кремля пошли мы, распрощалися
Со любимым со Михайлой да Ивановым.
„Благодарствуем тебя мы, красно солнышко,
50 Дорогой Михайло да Иванович,
За твое да сладко угощеньице,-
За твои за честные подарочки.
Благодарствует тебя весь трудовой народ
За твою награду за почетную.
А мы будем работать да больше прежнего
Для любимого отца, родного Сталина,
Да на пользу нашей славной Родине,
58 На утеху да народу пролетарскому.



П Р И М Е Ч А Н И Я

Сборник представляет собой публикацию записей былин из архива Карельского научно-исследовательского института культуры, сделанных собственноручно сказителем в 1936 году. Составитель этого сборника, совместно с Р. М. Песиной, прослушал в июле 1939 г. заново все былины, внося в тексты изменения, сделанные сказителем во время исполнения. Таким образом былины, публикуемые в нашем сборнике, являются последней редакцией былин П. И. Рябинина-Андреева.

Исключение представляет только былина «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром». Былина была записана в 1932 г. Каминской Б. М. (запись былины хранится в архиве Карельского научно-исследовательского института культуры, кол. 10, п. 1, № 27).

В печатании текстов, сохраняя своеобразие языка былин и некоторые необычные окончания падежей, ударения и лишние слоги («добрых»), мы не передаем всех диалектических особенностей языка сказителя, приводя его к общим литературным нормам. Знак ударения употребляется главным образом для обозначения необычного в литературном языке произношения («король, на золот стол») и в более редких случаях, когда сказитель особо акцентирует то или иное слово.

Примечания к отдельным былинам дают основные сведения о сюжетах былин и вариантах П. И. Рябинина-Андреева.

Б Ы Л И Н Ы

1. ВОЛЬГА СВЯТОСЛАВЬЕВИЧ И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ.

Былина является блестящим выражением крестьянских настроений. Князю Вольге противопоставляется крестьянин-пахарь, затмевающий князя со всей его дружиной. В былинне опоэтизирован крестьянский труд, причем труд Микулы ассоциируется с трудом крестьянина на каменистых полях Карелии. Вопрос о прототипе чудесного пахаря окончательно не разрешен; по всей вероятности этот образ собирательный, объединяющий лучшие качества русского крестьянства.

Вариант былины о Вольге и Микуле Т. Г. и И. Т. Рябниных (Рыбников, 3, Гильфердинг, 73; «Этногр. обозр.», 1894 г., кн. XXIII, стр. 136—140) представляет один из самых лучших и наиболее полных вариантов. По замечанию ученого Буслаева, эта былина (по варианту Т. Г. Рябинина) представляет один из самых изящных мотивов эпической поэзии, и вообще вся былина «принадлежит к лучшим произведениям европейского народного эпоса». П. И. Рябинин-Андреев перенял былинку от деда, когда ему было 6 лет. Первый раз пропел былинку в д. Леликове у Чивиных (см. статью). Напев былины перенял также от деда (см. «Этногр. обозр.», 1894 г., кн. XXIII, стр. 152). На тот же мотив исполнял эту былинку и Трофим Григорьевич.

Отличие варианта П. И. Рябинина-Андреева заключается в незначи-

тельном сокращении некоторых словесных формул и в перестановке отдельных эпизодов. Былина печаталась в альманахе «Карелия», 1939 г., № 1, стр. 118—122.

2. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК.

Композиция былин об Илье Муромце и Соловье-разбойнике в общем устойчива. Старый казак Илья Муромец родом из города Муром (или Муромля, села Карочирова — или Карачарова, Карачирова, Карачаева) полагает свою богатырскую силу в встрече с Соловьем-разбойником.

В отчестве Соловья-разбойника — Рахматьевич, Рахматович, Дихмантьевич — можно видеть некоторый отклик на борьбу с татарами. Разбойничество на Руси в этой быдине, как и в других преданиях, сказках и песнях, отразилось как отрицательное, антинародное явление. Богатырь Илья Муромец олицетворяет героическую борьбу народа с такими явлениями, как разбойничество. В образе этого богатыря народ воплотил свои лучшие черты: могучую силу, смелость, решительность и беспощадность к врагам. Хорошо сохранив сюжет быliny, П. И. вводит в него «общее место» описания отъезда богатыря и седлания коня, а также «прощание» с матушкой и батюшкой, отсутствующие в варианте Трофима Григорьевича (Рыбников, 4, Гильфердинг, 74).

3. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ.

Былина принадлежит к числу так называемых сводных былин. У Т. Г. Рябинина имеются две самостоятельные былины: «Илья Муромец в ссоре с Владимиром» (Гильф. 76) и «Илья Муромец и Калин-царь» (Гильф. 75). Отец П. И. Рябинина-Андреева — И. Г. Рябинин-Андреев — переложил эти былины, как одну былинку о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром. «Контаминирование сюжетов или отдельных эпизодов различных былин, — замечает А. М. Астахова, — часто является выражением творчески-активного отношения крестьян-сказителей к материалу. Контаминируются обычно сюжеты, объединенные фигурой главного героя. Назначение такой контаминации понятно: усилить образ, сделать его более полным. Так часто соединяются различные сюжеты о подвигах Ильи Муромца, образуя иногда большие сводные былины-биографии» («Былины севера», стр. 33).

П. И. Рябинин-Андреев тоже поет эту былинку как сводную, т. е. объединяющую два сюжета об Илье Муромце. По словам самого сказителя, эта былина была усвоена от отца. Но она не имеет ничего общего с одноименной былинкой И. Г. Рябинина-Андреева (Рукописное хранилище Отдела фольклора народов СССР ИЛИ Академии наук СССР, кол. XI, п. 1, № 7), которая восходит к варианту Т. Г. Рябинина (Гильфердинг, 75).

Вариант П. И. Рябинина-Андреева принадлежит к тем былинам о ссоре Ильи с князем Владимиром, где Илья Муромец является в виде Никиты Заолешанина. («Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 4, М., 1862 г., стр. 46). Некоторые традиционные эпизоды даны в своеобразной переработке. Так, например, старый казак Илья неузнанным явился на пир к Владимиру с Московской заставы, где он пробыл двенадцать лет.

Описанию дружбы Ильи с голями кабацкими в быдине предшествует одна очень важная комическая сцена, послужившая причиной гнева князя Владимира на старого казака:

Как тут князь Владимир стольнокиевский
Посадил его на место на почтенье,
Как поднажал тут Никита Заолешанин
А своими плечами да могучими,
Растянул он свои ножки резвые

Вдоль скамеечки окольной,
Как поехали богатыри на дудруги
Вдоль скамеечки да до большого угла.

После того, как князь Владимир гонит Илью с пира, Илья Муромец идет стрелять в «головушки церковные» и гулять с голями кабацкими, затем он был заточен в погреб. Геронзм Ильи Муромца, бесстрашного защитника родины, с особой силой раскрывается во второй части этой былины (Илья и Калин-царь), где народный богатырь, обиженный князем Владимиром, идет защищать родину от врагов.

В основе былины «Илья Муромец и Калин-царь» несомненно лежит воспоминание о первых встречах русских с татарами.

4. ПЕРВЫЙ БОЙ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ.

Принадлежит к старейшему слою героических былин. Имя «Добрыня» является одним из самых древних в русском эпосе а сюжет змееборства — один из древнейших мировых сюжетов. Образ Добрыни не вымышлен: летописи сообщают, что был Добрыня, но не племянник Владимира, а его дядя. В летописях же говорится и о том, что новгородцев «Добрыня крестил мечом, а Путята — огнем». Не лишена возможность, что в отчестве Забавы Путятичны отразилось именно воспоминание об этом Путяте, а в былинной Пучай-реке — воспоминание о реке Почайне, впадающей в Днепр, где, по преданию, произошло крещение киевлян. Добрыня имеет в былинах прозвище «молодого», «молодешенького». По былинам, он ездит на подвиги стал рано, еще в 12-летнем возрасте. Подвиги Добрыни разнообразны, и жизнь его богата приключениями. Как Илья Муромец является истребителем чудовища Соловья-разбойника, так Добрыня Никитич сражается со змеем, и в том состоит его главный подвиг. Образ «змея» в былинах утвердился преимущественно как олицетворение насильника, врага русской земли. Обороняясь от «змея», Добрыня тем самым защищает свою родину.

Былина П. И. Рябинина-Андреева, воспринятая от отца, принадлежит к той группе прионезжских вариантов, в которых в сюжет вводятся «портомойницы», предупреждающие Добрыню о том, что следует купаться в рубашке (Гильф. 79, 93, 123). Основные отличия варианта П. И. от текстов Трофима Григорьевича и Ивана Трофимовича (Гильфердинг, 79. «Этногр. обзор», 1894 г., кн. XXIII, стр. 140.) заключаются в следующем:

1. Добрыня после поездки на Сорочинские горы не возвращается обратно в Киев, а едет прямо к Пучай-реке.

2. Змей имеет не три, а четыре головы.

3. Выпущены ряд стихов и чрезвычайно важная психологическая деталь:

И у того ли у молодого Добрынюшки,
Его сердце богатырско не ужаснулося.
(Гильф. 79)

И закручинился Добрыня й запечалился,
И вспомнил родную тут матушку.

(«Этногр. обзор», 1894, кн. XXIII, стр. 144.

4. Былина П. И. Рябинина-Андреева представляет собой первую часть былины о Добрыне и змее, известной в варианте Т. Г. Рябинина. От И. Т. Рябинина записан первый бой Добрыни со змеем в виде отдельной законченной былины «Добрыня и змей». От И. Г. Рябинина-Андреева записан «Второй бой Добрыни со змеем», как самостоятельная былина (рукописное хранилище Отд. фольклора народов СССР ИЛИ Академии наук СССР, кол. XI, п. 1, — 2).

Былина печаталась в альманахе «Карелия», 1938, № 3, стр. 38—42.

5. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ В ОТЪЕЗДЕ.

Принадлежит к числу контаминированных былин. Былина о Добрыне и Алеше чаще всего объединяется с сюжетом змееборства. Подобное объединение преследует цель мотивировать отъезд Добрыни и создать соответствующую ситуацию для женитьбы Алеши. У Т. Г. Рябинина (Гильф. 80) вслед за ним и у П. И. Рябилина-Андреева, соединение идет по другой линии: героическая былина «Добрыня и Василий Казимиров», изображающая поездку русских богатырей к литовскому королю Ботияну Ботияповичу, соединяется с сюжетом популярнейшей былины-новеллы «Добрыня и Алеша», которая представляет собой обработку известного сюжета о возвращении мужа во время свадьбы своей жены.

В былине содержится яркий пример снижения богатырского облика Алеши Поповича, который именуется «бабьим пересмешником». Особенно обостряет социальную сторону интриги заключительная расправа Добрыня над Алешей:

Да как дернет он Алешу через золот стол,
Да как топнет он Алешу о кирпичный пол,
Распахнул свою одежду скоморовчату,
Достает шалыгу дорожную,
Да как начал он шалыгом охаивать
А того ли Алешеньку Поповича.

6. СТАВЕР ГОДИОНОВИЧ И ВАСИЛИСА НИКУЛИЧНА.

Одна из самых популярных былин в Заонежье. Популярности этой былинны способствует увлекательность фабулы. Принадлежит к группе фольклорных произведений на тему о верной и мудрой жене. Мотив о жене, переодевшейся в мужское платье для освобождения мужа, известен в сказках («Царица-гусляр»), а также он широко распространен в мировой литературе. Некоторые исследователи предполагают, что эта былина, несмотря на приурочивание действия к Киеву, новгородского происхождения, т. е. никаких следов ее в южной и средней России не наблюдается, за исключением одного варианта из Владимирской губернии. Главным районом жизни былины является север, особенно Прионежье и частично Сибирь.

На большинстве былин о Ставре лежит отпечаток скоморошья обработки. Такова в частности известная былина-новелла А. Е. Чухова (Рыбников, 30). Былина П. И. при наличии шуточно-скоморошья мотивов (внесение способа испытания пола постелью в баней) не утратила героического характера. Она более архаична, в ней значительно четче выражены богатырские черты Василисы Никуличны, которая едет в Киев не только в качестве жениха Забавы, но и в качестве грозного посла «собаки-царя Калина». В ней особенно заметно поэтическое преувеличение женской силы. Василиса Никулична вместе со своей храброй дружиной предлагает князю Владимиру очистить «в трое суток» «улицы широкие». Былину П. И. перенял от отца Трофим Григорьевич пел эту былинку в значительно укороченном виде (Рыбников, 14).

7. КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА.

Былина с сравнительно редким сюжетом: два брата встречаются на поле битвы; один из них был еще в детстве захвачен в плен татарами. Могла сложиться под впечатлением борьбы русских с внешним врагом. Героические черты этой былины (изображение поединка) переплетаются со сказочными мотивами (появление лебедя и т. п.).

Эту былинку пели в свое время Т. Г. Рябинин (Гильфердинг, 87) и И. Т. Рябинин. («Песни русского народа» Ф. М. Истоминна и Г. О. Дютя.

СПб. 1894 г., стр. 29). П. И. Рябинин-Андреев перенял эту былину от отца. Былина может служить примером устойчивости семейной традиции Рябиновых. Разница редакций очень незначительная, заключающаяся главным образом в перестановке и перефразировке отдельных стихов.

8. ЧУРИЛА ЩЕПЛЕНКОВИЧ И КАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА.

Былина относится к циклу былин-новелл о неверных женах. Былина-новелла о Чуриле и неверной жене пользуется особой популярностью среди женщин-сказительниц. Неслучайно ее называют «бабьей старицей». Основной мотив: муж находит у жены спрятавшегося любовника. Развязка имеет в отдельных былинах разные варианты. В былине сказителя Калинина (Гильф), 8) оскорбленный муж убивает коня Чурилы Катерину, служанку и наконец самого себя, в былине И. А. Федосовой (Агренева-Славянская, III, стр. 135—141) разгневанный муж бьет Чурилу так, что тот «без вина пошел пьянешенек» в былине М. Г. Антонова (Астахова, Былины севера, I, 16) муж убивает Чурилу, жену, а служанку замуж берет. Последняя развязка является наиболее традиционной. Былина П. И. Рябинина-Андреева имеет подобную же развязку. Ерма Васильевич убивает Чурилу и жену Катериночку и жеңится на Чернавушке. В былине П. И. отсутствует, в отличие от некоторых прионежских вариантов (Рыбн., 84. Гильф., 189, момент прятания любовника в ларь, сокращены некоторые бытовые детали и более сжато дается описание внешности Чурилы. Былину он воспринял от Н. С. Богдановой-Зиновьевой во время поездки в Москву в 1927 г. (см. статью.)

9. КАК БЫЛО У ВДОВКИ У РАСНАШЕНЬКИ ДЕВЯТЬ СЫНОВЕЙ И ОДНА ДОЧЬ.

Принадлежит к числу широко известных баллад, приближающихся к былинам. Популярности этой былинно-баллады способствует остротная ситуация с акцентом на мелодраматических эффектах, Братья-разбойники, убившие сына и мужа сестры и обесчестившие свою сестру, изображаются как преступники, и их поступки — как социальное зло.

Былина в литературе известна под названием «Братья-разбойники и сестра».

П. И. Рябинин-Андреев унаследовал эту балладу от Н. С. Богдановой-Зиновьевой. Вариант П. И. Рябинина-Андреева типичен для прионежской традиции этой былины (Гильфердинг, 28, 167, 176, 248, 294). Из местных деталей, присутствующих в былине П. И., следует отметить поездку купца заморского к свекрови с женой и сыном на лодочке:

Как тут сели мы да в малу лодочку,
Еще муж-то мой сел во vessлушки.

10. ХУДАЯ ЖЕНА — ЖЕНА УМНАЯ.

Былина относится к числу былин-новелл и является своеобразной обработкой песенных мотивов о женщине, оставленной мужем на произвол судьбы. Былина имеет глубокий реалистический и социальный смысл. Особенно жизненно и правдиво обрисована «худая жена — жена умная», женщина-крестьянка, кормилица «малых выюнушек».

Так худая жена, да жена умная,
Идет вечером с крестьянской работушки,
А во правой руке да коса острая,
А во левой руке да грабли частыя.
На плечах бедна горящица дрова несет.

П. И. перенял былинку от отца. Данный сюжет записан также от Т. Г. Рябинина (Гильфердинг, 89) и от И. Т. Рябинина (Этногр. обозр., 1894, кн. XXIII, стр. 149).

СОВЕТСКИЕ БЫЛИНЫ

✓ 1. БЫЛИНА О СТАЛИНЕ.

П. И. Рябинин-Андреев, как и все советские сказители в созданных ими новых былинах и сказках, отражает мысли и чувства нашего много-миллионного народа.

В былине о Сталине он изображает важный эпизод из истории гражданской войны — оборону Царицына, происходившую под личным руководством тов. Сталина. Основной мотив этой быliny выражен сказителем в следующих словах:

А куда он ехал на добром коне,
Да по тем ли городам да с пригородками,
А за ним народ — да как трава растет.

✓ 2. БЫЛИНА О ВОРОШИЛОВЕ.

П. И. Рябинин-Андреев в данной былине удачно использует некоторые мотивы старинного эпоса для характеристики современных явлений жизни. Рассказывая в былине о том, как дуганский слесарь стал великим полководцем, чья жизнь является примером беззаветной преданности к пролетариату и его партии, сказитель изображает Ворошилова в пути на фронт гражданской войны:

Как поехал Ворошилов во чисто поле,
А на три дорожки на крестовые,
А на тех ли на дорожках, посреди поля,
А лежал тут камень цвета синего,
А на этом на камне написано:
«Если прямо ехать, то убиту быть,
Если в леву руку ехать, то женату быть».

И т. д.

Эта сцена могла возникнуть только путем ассоциации с Ильей Муромцем: Илья выехал первый раз из дому и, очутившись в поле, увидел камень, от которого шли три дороги. Подумав, Илья-Муромец выбрал ту дорогу, на которой нужно победить врага Соловья-разбойника. Дело становится дорожкой жизни. И эта черта сближает героев старинного народного эпоса с героями нашей действительности.

Былина о Ворошилове в первой редакции имела начало, в котором говорилось о жизни тов. Ворошилова до периода гражданской войны, описанное нами по предложению самого сказителя, поскольку оно с художественной стороны было мало удачным.

Былина напечатана в сборнике «Сказители-орденоносцы Карелии», Каргосиздат. 1939 г., стр. 54—57.

✓ 3. БЫЛИНА О ЧАПАЕВЕ.

Новые быliny и сказы создаются в значительной мере на основе знакомства с материалами газет, журналов, кино. Одна из лучших былин П. И. Рябинина-Андреева — былина о Чапаеве — сложена под сильнейшим влиянием кино-картины «Чапаев». Просмотрев эту картину, П. И. Рябинин-Андреев надолго сохранил в памяти образ легендарного полководца Чапаева, мчавшегося на коне с обнаженной саблей. Чапаева он воспринял как народного героя, боровшегося за счастье народа. Темой быliny являются героическая борьба Красной Армии с интервентами, подвиги Чапаева и его трагическая гибель. Изображая гибель Чапаева, П. И. дает оптимистическое разрешение темы смерти героя, ибо память о Чапаеве сохраняет народ, и дело его победит. Содержание быliny:

1) рождение Чапаева и его тяжелое детство; 2) известие о начале войны с белыми; 3) сборы героя на гражданскую войну; 4) прощание с матерью и детьми; 5) встреча в чуждом городе Фрунзе; 6) поездка Фрунзе в штаб к тов. Сталину и доклад о Чапаеве; 7) битва Чапаева под Уральском; 8) переправа через Белую реку и ранение Чапаева; 9) получение им ордена Красного Знамени; 10) гибель Чапаева; 11) победа Красной Армии; 12) посмертные слова Чапаева.

Былина о Чапаеве была напечатана в «Советском воднике», 1937 г. № 30/410, 3/VIII; «Знамя» 1937 г. — 5, стр. 190—195; альманахах «Карелия», 1937 г., стр. 197—204; журнал «Народное творчество», 1938 г., № 9, стр. 51—53.

4. БЫЛИНА О ТОЙВО АНТИКАЙНЕН.

Былина о Тойво Антикайнен имеет ярко выраженный местный колорит. Здесь изображается знаменитый поход красногвардейцев в тыл противника через «реки и озера», «холмы да болота», да «вот там и враг родимый». Показывая героический рейд на Кимас-озеро, командиром которого был Антикайнен, П. И. сатирическими штрихами рисует бесславный конец белофинской авантюры:

Вдоль ли озер, да по Карелии,
А им некогда было назад поглядывать,
Да в Карелии местностей осматривать,
Не удалось видеть зверей да птиц,
Не удалось им в Онежском озере да лососей иметь.

Былина напечатана в «Народном творчестве», 1938 г., № 9, стр. 53—54.

5. СКАЗ О ПОЕЗДКЕ В МОСКВУ.

Сказ написан в апреле 1939 г. Он явился в связи с награждением сказителей Карелии — М. М. Коргуева, Ф. А. Коппикова и П. И. Рябинина — Андреева — орденом «Знак Почета». В сказе выражены непосредственные мысли и чувства сказителя, получившего высокую награду от Советского правительства.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

- Безутишная искра** — без перерыва
Досюлежный — досельный, прежний
Дуродний — дородный
Загубье — заводь, речной залив
Заколотеть — покрыться колодом, навишим деревьями
Замураветь — зарастить муравой (травой)
Затресье — та часть воды, которая покрыта трестью (травой)
Колпак — шлем, головной убор
Кряковый — кряжистый
Лахтарь — белесина
Матереть — входить в года, расти.
Муржамецкий — муржамецкий, от слова мурза — татарский князек.
меч муржамецкий — татарский, восточный
На дудруге — друг на друге
Не с унадкою — смело
Ободранушка — нега, в ободранушке — в холье, в неге
Окольный — находящийся по соседству
Омешик — лезвие у сохи
Опальная одежда — плохая, надеваемая опальными (попавшими в немилость)
Орать — пахать
Орда — земля, сторона
Пабедье — завтрак
Паробок — слуга
Подколенный — подвластный
Подлыгаться — лгать, прилыгаться
Подоваться — спрашивать, проситься
Покляный — понурый, свислый
Поляница — название иноземных богатырей и женщин-богатырей
Полон — иден
Пометывать — проводить
Потник — войлок под седлом
Приобганиться — поиздеваться
Пята — шип в гнезде, на котором вращается дверь; на пята настезь

Растеть — расти
Ратай, оратай — пахарь
Рать — войско
Ременчатый стул — складной стул на ремнях.
Рушить — резать
Сафьян — выделанная козлиная кожа
Сорочинский — сарацинский (сарацины — мусульманский народ)
Стольный — город, где пребывает князь
Сдынуть — поднять
Сыть — насыщение, еда
Терем — вышка на доме, дворце
Туличка — тот, кто тулится, прячется
Укрятать — укротить
Хоробрый — храбрый
Хрушатый — хрустящий
Черни — черенья, черенки
Чадю — ребенок, дитя
Цобот — башмак, сапог
Шалыга — плеть, кнут
Яровчатый — вместо яворчатый, из дерева явора

ПУБЛИКАЦИИ БЫЛИН РЯБИНИНЫХ

I. Основные

Т. Г. Рябинин

1. Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 1861 — 1867 изд. 2-е, М., 1909—1910, т. I, стр. 4—141.
2. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, Сиб., 1873, стр. 435—550., изд. 2-е, Сиб., 1894-1900, т. II, стр. 5—162. Изд. Академии Наук СССР, 1938, г. II, стр. 7-146.

И. Т. Рябинин.

1. Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. „Этногр. обозрение“, 1894, кн. XXIII, стр. 136-152.
2. Истомин Ф. М. и Дютин Г. О. Песни русского народа, собранные в Архангельской и Олонецкой губ. в 1886 г., Сиб., 1894 г., стр. 29.

П. И. Рябинин-Андреев.

1. Газ. „Северо-западный вестник“, 1937 г., № 30/410, от 3/III, былина о Чапаеве.
2. Журнал „Народное творчество“, 1938 г., № 9, стр. 53-54, былина об Антикайнене.
3. Альманах „Карелия“, 1938 г., № 3, стр. 38-42, былина „Первый бой Добрыни со змеем“.
4. Альманах „Карелия“, 1939 г., № 1, стр. 118-122, былина „Волга и Миоула“.
5. Нечаев А. Избранные былины, Каргосиздат, 1938 г., стр. 278-285, былина „Королевичи из Крякова“.
6. Сборник „Сказители орденоносцы Карелии“, Каргосиздат, 1939 г. стр. 54-57, былина о Ворошилове.

II. Перепечатки в антологиях, хрестоматиях, журналах

Т. Г. Рябинин.

1. Сперанский М. Былины, изд. Сабанинковых, 1916 г., т. II, стр. 137-145 (по Гильф. 71), стр. 153-171 (по Гильф. 75).
2. Ляцкий Е. Былины—старинки богатырские. Сиб., 1911 г., стр. 41—44 (по Рыбникову № 6), стр. 120-124 (по Рыбн. № 14), стр. 137-155 (по Рыбн. № 9).
3. Соколов Б. Былины, изд. „Задруга“, М., 1918 г., стр. 58-68 (по Гильф. 79).
4. Нечаев А. Избранные былины, Каргосиздат, 1938 г., стр. 71-77 (по Гильф. 74); стр. 78-92 (по Гильф. 75); стр. 93-96 (по Гильф. 76), стр. 119-132 (по Гильф. 85).
5. Эпическая поэзия, изд. „Советский писатель“, 1935 г., Библиотека поэта, м. с. № 1, общая ред. М. К. Азадовского, статьи, ред. и примеча-

ния А. Астаховой и Н. Андреева, стр. 76-79 (по Рыбн. 6), стр. 208-214 (по Гильф. 73).

6. Былины, героический русский эпос, изд. „Сов. писатель“, 1938 г., вступ. статьи, редакция и примечания Н. П. Андреева, стр. 39-45 (по Гильф. 74); стр. 77-80 (по Гильф. 76); стр. 100-110 (по Гильф. 79); стр. 164-175 (по Гильф. 81); стр. 363-377 (по Гильф. 83).

7. Андреев Н. П. Хрестоматия, изд. 2-е, Учпедгиз, 1938 г., стр. 171-177 (по Гильф. 74); стр. 198-207 (по Гильф. 79).

8. Былины, ред. и примечания М. Булатова, изд. ЦК ВЛКСМ, М. Л. 1938 г., стр. 13-20 (по Гильф. 74); стр. 33-49 (по Гильф. 75).

9. Былины, сборник для учащихся средней школы, составил Ю. М. Соколов, под ред. Б. М. Волина, Учпедгиз, М., 1937 г., стр. 27-36 (по Гильф. 74); стр. 154-165 (по Рыбн. 21).

И. Т. Рябинин.

1. Лидсий Е. Былины—старинки богатырские, Сиб., 1911 г., стр. 9-15 и 65-73 (по „Этнографическому обозрению“, 1894 г., кн. XXXIII, стр. 136-152).

2. Нечаев А. Избранные былины, Петрозаводск, 1938 г., стр. 27-33 (по „Этнографическому обозрению“, текст былины „Добрыня и змей“) и стр. 114 (по „Этнографическому обозрению“, текст былины „Вольга и Микула“).

П. И. Рябинин-Андреев.

1. Альманах „Карелия“, 1937 г., № 3, стр. 197-201, былина о Чамасве.

2. „Знамя“, 1937 г., № 5, стр. 190-195, то же.

3. „Народное творчество“, 1938 г., № 9, стр. 51-53, то же.

4. Нечаев А. Избранные былины, Каргосиздат, 1938 г., стр. 291 — 297, то же.

5. Сказители-орденоносцы Карелии, Каргосиздат, 1939 г., стр. 68-69, былина „Первый бой Добрыни со змеем“.

ЛИТЕРАТУРА О РЯБИНИНЫХ

Т. Г. Рябинин.

1. Рыбников П. Н. Заметка собирателя, „Песни, собранные П. Н. Рыбниковым“, изд. 1-е, т. III; изд. 2-е, т. I, М., 1909 г., стр. LXI-CII.
2. „Песни, собранные П. Н. Рыбниковым“, изд. 2-е, т. I, М., 1909, стр. 3-4.
3. Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды, „Вестник Европы“, 1871 г., № 3. Статья перепечатана в сб. „Онежские былины“, Спб., 1873 г., стр. VII—XLVIII и изд. 2-е, т. I, Спб., 1894 г.
4. Гильфердинг А. Ф. „Трофим Григорьевич Рябинин — певец былины“, „Русская старина“, 1872 г., № 2.
5. Гильфердинг А. Ф. „Онежские былины“, изд. 3-е, М.-Л., 1938, стр. 5-6 и 685-689.
6. Сперанский М. Былевая песня и современные ее носители, „Былины“, изд. Сабашниковых, т. II, М., 1919 г., стр. XXXI-XXXII.
7. Янчук Н. О музыке былин в связи с историей их изучения, там же, стр. 527-554.
8. Соколов Б. М. Сказители, М., ГИЗ, 1924 г., стр. 80-85.
9. Астахова А. М. Былинное творчество северных крестьян, „Былины севера“, изд. Академии Наук СССР, 1938 г., т. I, гл. V, стр. 75-76.
10. Андреев Н. П. Вступительная статья, „Былины“, изд. „Сов. писатель“, 1938 г., стр. 29-30.
11. Соколов Ю. М. Русский фольклор. Учпедгиз, М., 1938 г., стр. 240-241.

И. Т. Рябинин.

1. Ляцкий Е. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины, „Этногр. обозр.“ 1894 г., кн. XXIII, стр. 105-135.
2. Сперанский М. Былевая песня и современные ее носители, „Былины“, изд. Сабашниковых, т. II, М., 1919 г., стр. XXXV-XXXVI.
3. Виноградов П. Сказитель Рябинин. Моя с ним поездка, Томск, 1906 г.
4. Отчет о поездке П. Виноградова с И. Т. Рябининым. „Олонецкие ведомости“, 1905 г., № 98.
5. Миллер В. Очерки русской народной словесности, М., 1897 г., стр. 2-3.
6. Соколов Б. М. Сказители, М., ГИЗ, 1924 г., стр. 88-92.
7. Астахова А. М. Былинное творчество северных крестьян, „Былины севера“, изд. Академии Наук СССР, 1938 г., т. I, стр. 70-73.

П. И. Рябинин-Андреев.

1. Кострова М. Былина о Чапаеве, „Литературное обозрение“, 1937 г., № 5, стр. 23-24.
2. Анов Н. Слагатель былин, „Народное творчество“, 1938 г., № 9, стр. 49-50.

3. Базанов В. Фольклор Советской Карелии. „Литературный современник“, 1938 г., № 9, стр. 207-208.

4. Астахова А. М. Былинное творчество северных крестьян. „Былины Севера“, изд. Академии Наук СССР, М.-Л., 1938 г., т. I, стр. 73-74.

5. Ольгин В.—П. И. Рябинин-Андреев, газ. „Красная Карелия“, 1939 г., от 10/II.

6. Сб. „Сказители-орденоносцы Карелии“, Каргосиздат, 1939 г., стр. 52. Биографическая заметка.

7. Альманах „Карелия“, 1939 г., № 1, стр. 116. Биографическая заметка.

8. Соколов Ю. М. Русский фольклор. Учпедгиз, М., 1938, стр. 503.

9. Красноярский Ф. Чапаев в народном творчестве. „Знамя“, 1938, № 7.

10. Астахова А. Русский героический эпос и современные былины. „Советский фольклор“. Гослитиздат, Л., 1939, стр. 139-147.



О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
От редактора	3
I. В. Базанов — П. И. Рябини-Андреев и его предки. . .	6
II. Б ы л и н ы.	
1. Вольга Святославьевич и Микудя Селянинович. . .	35
2. Илья Муромец и Соловей-разбойник	40
3. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром. . . .	48
4. Первый бой Добрыни со змеем.	57
5. Добрыня Никитич в отъезде.	61
6. Ставер Годинович и Василиса Никулична.	84
7. Королевичи из Крякова.	91
8. Чурида Щепленкович и Катерина Николаевна. . .	98
9. Как было у вдовки у распашеньки девять сыновей, одна дочь	101
10. Худая жена — жена умная.	103
III. Советские былины.	
1. Былина о Сталине	109
2. Былина о Ворошилове.	115
3. Былина о Чапаеве.	118
4. Былина о Тойво Антикайнен.	124
5. Сказ о поездке в Москву.	128
V. Примечания.	130
IV. Словарь местных и старинных слов	137
VI. Публикация былин Рябининых	138
VII. Литература о Рябининых	141

*Переплет, портреты, заставки и
концовки работы худ. Ю. СТРОНК.*

Отв. ред. А. Астахова Техн. ред. А. Николаев
Корректоры С. А. Воронин и М. В. Соловьев.

Уполн. Главлита Карельской АССР № В-4015.
Каргосиздат № 245. Зак. № 2125. Печ. л. 9.
+ 4 вкл. Уч.-изд. л. 9 Кол. зн. в печ. л. 40 т.
Тир. 10000. Формат бумаги 60X92¹/₁₆.
Сдано в набор 7/IX-1939 г. Подписано к пе-
чати 1/II-40 г. Цена в переплете 6 р. 25 к.

Гос. типография им. Анохина,
Петрозаводск, Пушкинская. 7

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
12	14 снизу	былинния	былинная
131	26—27 снизу	контаменируются	контаминируются
137	18 „	ободранушка	ободоушка
142	11 „	в ободранушке	в ободоушке
		Красноявский	Красноставский

Заказ № 2125